ВОЙНА
РУССКАГО
НАРОДА
СЪ
НАПОЛЕОНОМЪ
1812 Г.

Л. Дмитріевъ-Кавказскій.

Меллер-Закомельский - 75

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

Николай Александровичъ

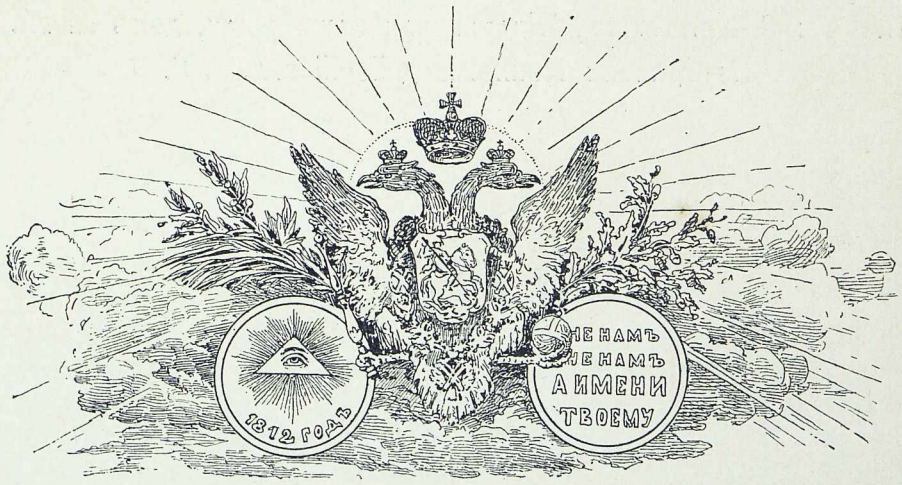
САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

ВОЙНА
РУССКАГО НАРОДА
СЪ НАПОЛЕОНОМЪ
1812 г.

ТЕКСТЪ И. Н. БОЖЕРЯНОВА;

РИСУНКИ ЗАГЛАВНЫХЪ БУКВЪ И КОНЦОВОКЪ

Л. Е. ДМИТРІЕВА-КАВКАЗСКАГО.



ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ равно и безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній допущена въ фундаментальныя библіотеки военно-учебныхъ заведеній и для подарковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Артистическое заведеніе Товарищества **А. Ф. Маркс**ъ, Измайловскій просп., 29.

1911.

ИЗДАНІЕ

Общества попеченія о безпріютныхъ дѣтяхъ,

на покрытіе расходовъ по постройкѣ санаторіи при пріютѣ

Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны МАРІИ НИКОЛАЕВНЫ

для слабосильныхъ дѣтей пріюта, въ числѣ которыхъ призрѣваются и сироты павшихъ воиновъ.

Пріютъ: С.-Петербургъ, Ждановская набережная, домъ № 21.

Канцелярія: Конногвардейскій бульв., 3.

Императоръ Александръ I.

«Въ 1812 году».
Съ картины И. М. Прянишникова.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

се великое пробуждаетъ чувства восторга и даетъ картинамъ и разсказамъ національной исторіи огромное воспитательное значеніе. Патріотизмъ въ войну 1812 года объединилъ всѣ слои русскаго общества. Недаромъ архимандритъ Филаретъ, впослѣдствіи знаменитый митрополитъ московскій, въ письмѣ къ президенту Академіи Художествъ А. Н. Оленину, излагая свои мысли „О нравственныхъ причинахъ успѣховъ нашихъ въ „Отечественную войну“, говорилъ: „Нынѣ, благословенная Богомъ Россія, познай свое величіе и не воздремли, сохраняя основанія, на которыхъ оно воздвигнуто“.

Императоръ Александръ I въ борьбѣ съ Наполеономъ былъ вершителемъ судебъ; умиленіе народовъ, освобожденныхъ имъ изъ-подъ ига „Цезаря“, окружало русскаго Монарха мистическимъ сіяніемъ. Эпоха эта вѣчно пребудетъ памятна выраженіемъ личнаго самозабвенія, когда на поверхность общественнаго сознанія всплылъ новый историческій герой — народъ. Юный Пушкинъ, въ стихотвореніи „На возвращеніе Александра I изъ Парижа“, пророчески писалъ, что соберутся нѣкогда „молодыя поколѣнія вокругъ старца-солдата“, который

„Преклонитъ хладный слухъ и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними,
Словами истины свободными, простыми
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго Царя благословитъ“.

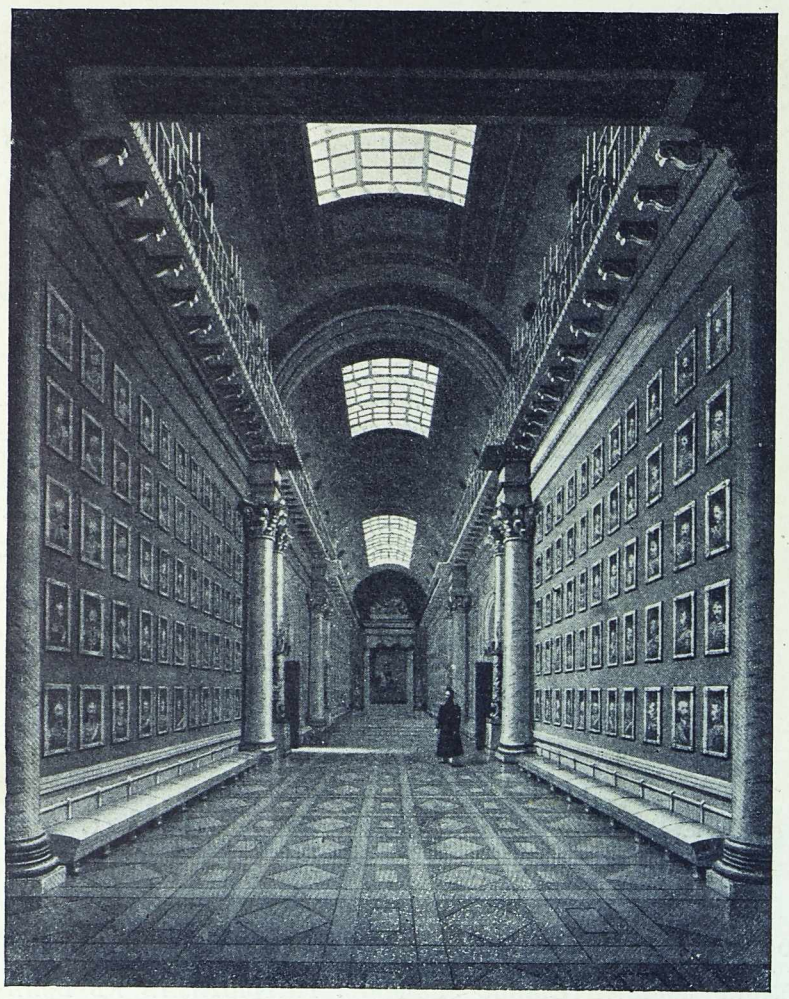
Обаятельный образъ Императора Александра I не объясненъ вполнѣ до сихъ поръ исторіей, но съ его именемъ неразрывно связаны событія, происходившія въ Европѣ съ 1805 по 1815 г. Кульминаціонной точкой поклоненія Европы предъ Самодержцемъ Россіи было время послѣ конгрессовъ въ Вѣнѣ, Лайбахѣ, Веронѣ и посѣщенія Государемъ Лондона. При возвращеніи Александра на всемъ пути его слѣдованія по странамъ, имъ умиротвореннымъ и возстановленнымъ въ прежнихъ границахъ, Вѣнценосца осѣняли тріумфальныя арки съ надписью: **„Александру Благословенному“.**

Но когда пришла въ Москву вѣсть о переходѣ Наполеономъ нашей границы, „то первопрестольная столица, говоритъ Г. П. Данилевскій, въ романѣ „Сожженная Москва“, заволновалась, какъ старый улей пчелъ, по которому ударили обухомъ. Чернь толпилась на базарахъ и у кабаковъ. Заговорили о народномъ ополченіи. Первые московскіе бары и богачи, графы Мамоновъ и Салтыковъ, объявили о снаряженіи на свой счетъ двухъ полковъ“.

Императоръ Александръ 18 іюля писалъ командующему дунайской арміей адмиралу Чичагову, что образованія ополченій „превзошли Мои ожиданія. Смоленскъ Мнѣ далъ 15.000 чел., Москва — 80.000, Калуга — 23.000. Каждый часъ Я ожидаю донесеній изъ другихъ губерній“. Напримѣръ, петербургскіе ополченцы были обучены всѣмъ фронтовымъ пріемамъ въ пять дней—и достигли такихъ успѣховъ, что на присутствовавшаго при ихъ ученьи англійскаго военнаго агента они произвели впечатлѣніе настоящей арміи, „выросшей изъ земли“. Все ополченіе составило 208.662 ратника.

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, переименованный 29 мая 1812 г. въ генералы-отъ-инфантеріи, былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву. Превосходныя его дѣйствія вполнѣ оправдали это назначеніе, и самъ графъ сдѣлалъ потомъ, подъ своимъ портретомъ, подпись:

„Онъ въ Москвѣ родился
И ей пригодился“.



Портретная галлерея генераловъ 1812 г. въ Зимнемъ Дворцѣ.

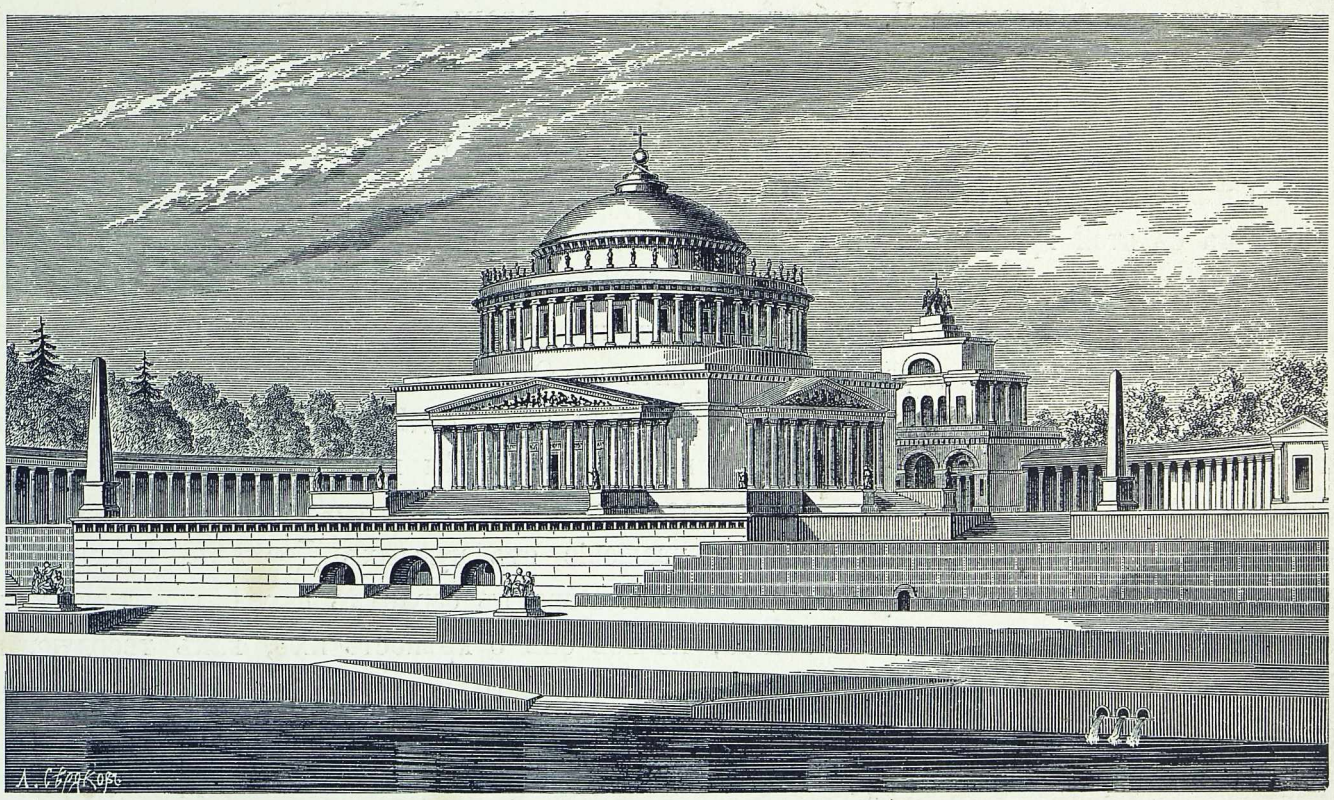
Воззванія гр. Ростопчина къ народу, извѣстныя подъ именемъ „афишъ“, производили необычайное впечатлѣніе и бодрили народъ. „Это мастеръ своего дѣла“,— сказалъ Императоръ Александръ I, прочитавъ одну изъ первыхъ афишъ графа, и пожаловалъ ему свои вензеля на эполеты.

Осторожнаго и медлительнаго Барклая-де-Толли, своими отступленіями завлекавшаго Наполеона въ глубь страны, считали измѣнникомъ. Нѣкоторые презрительно переиначивали его фамилію: „Болтай да и только“, а въ его соперникѣ Багратіонѣ желали видѣть настоящаго вождя и спасителя родины: „Богъ-рати-онъ“. Назначеніе главнокомандующимъ всѣхъ армій Кутузова было встрѣчено общимъ одобреніемъ. Когда же послѣ Бородинской битвы французы заняли Москву, Ростопчинъ выѣхалъ изъ нея, зажегъ свой загородный домъ, а также и другой въ селѣ Вороновѣ, не желая оставлять ихъ въ рукахъ враговъ. То же сдѣлалъ извѣстный патріотъ и писатель Сергѣй Николаевичъ Глинка, который сжегъ всю свою библіотеку французскихъ книгъ, а изъ 300 тысячъ, полученныхъ отъ Ростопчина на возбужденіе крестьянъ противъ враговъ, вернулъ всю сумму, истративъ изъ нея 15 рублей на покупку рукавицъ и тулупа крестьянину, отдавшему своего сына въ рекруты. Карамзинъ писалъ Дмитріеву изъ Нижняго: „Вся моя библіотека обратилась въ пепелъ, но „Исторія цѣла“...

Русскій юморъ на французовъ и Наполеона выразился ярко въ карикатурахъ Теребенева, ходившихъ по рукамъ.

Въ оставленную непріятелемъ Москву, 11 октября, вошелъ Иловайскій, и Ростопчинъ поспѣшилъ на ея пепелище, водворилъ по возможности порядокъ, облегчилъ участь несчастныхъ москвичей и въ теченіе двухъ лѣтъ положилъ начало возобновленію Москвы, въ которой до нашествія Наполеона считалось монастырей, церквей, казенныхъ и частныхъ строеній 9.257; изъ нихъ сгорѣло 6.496. Потери, понесенныя москвичами отъ пожара и грабежа, исчислялись до 83.372.000 руб. недвижимаго и 16.585.400 руб. движимаго имущества, не считая убытковъ, понесенныхъ дворцовымъ, духовнымъ, военнымъ и вообще казенными вѣдомствами. До чего доходила дороговизна, можно судить по тому, что четверть сухарей, доставленная въ 1812 г. изъ губерній до Вильны, обходилась въ 200 руб., поэтому предсѣдатель Филолотехническаго общества В. Н. Каразинъ, основатель Харьковскаго университета, представлялъ образцы питательной вытяжки (роль сухого бульона), алкоголя и другихъ припасовъ.

Пѣвецъ Фелицы—Державинъ, въ іюлѣ 1813 г., видѣлъ проѣздомъ чрезъ Москву свѣжіе еще слѣды пребыванія въ ней французовъ, а, возвращаясь въ Петербургъ, въ августѣ того же года, онъ удивлялся происшедшей перемѣнѣ...



Видъ храма Христа Спасителя по проекту Витберга, который былъ начатъ постройкою на Воробьевыхъ горахъ.

Многіе каменные дома, отъ которыхъ уцѣлѣли послѣ пожарища однѣ стѣны, были уже исправлены и обитаемы. Вездѣ кипѣла работа: шумъ топора и молотка сливался съ веселыми пѣснями каменщиковъ, составлявшими странную противоположность съ поражавшими взоръ остатками разрушенія.

Послѣ 1812 г. явился подъемъ русскаго духа, съ которымъ связано возникновеніе и развитіе въ нашей литературѣ самосознанія и гордости. Пушкинъ издалъ „Руслана и Людмилу“, графъ Мусинъ отыскалъ „Слово о полку Игоревѣ“. Мотивами самобытности проникнуто „Горе отъ ума“ въ лицѣ Чацкаго, и надо пожалѣть о томъ, что А. С. Грибоѣдовъ не написалъ задуманной имъ драмы „1812 годъ“, планъ которой существуетъ; между прочимъ, въ немъ Наполеонъ, въ Кремлевскомъ дворцѣ, размышляя о русскомъ народѣ, восклицаетъ: „самъ себѣ преданный, что бы онъ могъ произвести?“ Позже, въ 1831 г., Загоскинъ издалъ романъ „Рославлевъ или русскіе въ 1812 году“, на который Пушкинъ написалъ критику въ формѣ высоко-художественнаго, но неполнаго разсказа „Рославлевъ. — Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы 1811 г.“, въ которомъ возстановилъ настоящія краски и настоящее значеніе событія и эпохи, такъ сильно изуродованныхъ Загоскинымъ. Это какъ бы черновой набросокъ къ „Войнѣ и миру“; урокъ великаго мастера грядущему генію, какъ писать то отдаленное отъ него время. Это музыкальный ключъ къ великой симфоніи графа Льва Толстого. Послѣ „Рославлева“ становится понятнымъ и появленіе эпопеи

„Война и миръ“ и картинъ 1812 г. В. В. Верещагина. Первое стихотвореніе Лермонтова, напечатанное въ „Современникѣ“ 1837 г., уже по кончинѣ Пушкина, было „Бородино“, основная идея котораго выражена во второмъ куплетѣ:

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя,
Богатыри—не вы...
Не многіе вернулись съ поля.

Эта мысль—жалоба на настоящее, прозябающее въ бездѣйствіи, зависть блестящему прошлому, полному славы и великихъ дѣлъ. Лермонтовъ любилъ Москву, „какъ сынъ, пламенно, сильно“ и, воспѣвая Кремль, сказалъ:

„Напрасно думалъ чуждый властелинъ
Съ тобой, семисотлѣтнимъ русскимъ великаномъ,
Помѣриться главою и обманомъ
Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ—онъ упалъ“.

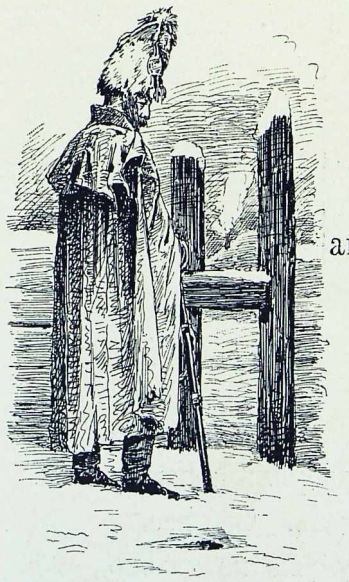
Каждый посѣтитель Кремля, стоя на галлереѣ памятника Царя-Освободителя русскаго народа, Императора Александра II, любуется видомъ на храмъ Христа Спасителя, сооруженный въ память 1812 г., по обѣту Александра I, а въ самомъ храмѣ, въ числѣ другихъ достопримѣчательностей, на одной изъ стѣнъ помѣщена огромная мѣдная доска съ перечисленіемъ всѣхъ пожертвованій Россіи, сдѣланныхъ въ тяжкую годину 1812 г.; при чемъ общая сумма достигаетъ цифры 600 милліоновъ, изъ которыхъ 280 мил., т.-е. чуть не половина, была дана Москвою.

Рядомъ съ этой краснорѣчивой надписью невольно вспоминаются слова рескрипта Императора Александра I, по поводу установленія медали для участниковъ войны 1812 года:

„Воины! Славный и достопамятный годъ, въ который неслыханнымъ и примѣрнымъ образомъ поразили и наказали вы дерзнувшаго вступить въ Отечество наше лютаго и сильнаго врага, славный годъ сей минулъ, но не пройдутъ и не умолкнутъ содѣянныя въ немъ громкія дѣла и подвиги ваши. Потомство сохранитъ ихъ въ памяти своей. Вы кровію своею спасли Отечество отъ многихъ совокупившихся противъ него народовъ и Царствъ. Вы трудами, терпѣніемъ и ранами своими пріобрѣли благодарность отъ Своей и уваженіе отъ чуждыхъ Державъ. Вы мужествомъ и храбростію своею показали свѣту, что гдѣ Богъ и Вѣра въ сердцахъ народныхъ, тамъ хотя бы вражескія силы подобны были волнамъ океана, но всѣ онѣ о крѣпость ихъ, какъ твердую, непоколебимую гору, разсыплются и сокрушатся! Изъ всей ярости и свирѣпости ихъ останется одинъ только стонъ и шумъ погибели...“

Слова эти оправдались вполнѣ, такъ какъ память о великихъ подвигахъ русскаго воинства, которому Россія обязана своимъ спасеніемъ, а Европа освобожденіемъ отъ ига Наполеона, — не только не угасла, но еще сильнѣе и ярче, еще рельефнѣе выступаетъ передъ нами, чѣмъ ближе мы приближаемся къ столѣтію 1812 года. И смѣло можно сказать, что врядъ ли какое другое историческое событіе послужило предметомъ для такой массы изслѣдованій и сочиненій, какъ Отечественная война, а будущій въ Москвѣ „Музей 1812 года“, устраиваемый Высочайше утвержденнымъ Комитетомъ, будетъ служить не только вѣчнымъ памятникомъ великой и славной эпохи, но будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и гордостью русскаго народа.

Въѣздъ Наполеона въ Берлинъ, гравюра съ рисунка Вольфа.



ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Наполеонъ, сдѣлавшись законнымъ повелителемъ Франціи, въ короткое время сталъ верховнымъ распорядителемъ судебъ Европы. Онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ значительную часть Италіи, съ титуломъ ея „короля“; поочередно разрушилъ двѣ могущественныя коалиціи 1805 и 1806 годовъ, низвелъ Австрію на степень второстепенной державы; совершенно почти уничтожилъ Пруссію и принудилъ Россію отречься отъ заступничества за иноземныя владѣтельныя фамиліи, а при свиданіи въ Тильзитѣ (1807 г.) прельстилъ Императора Александра I мыслью о раздѣлѣ мірового владычества между обоими Монархами, при чемъ Франціи долженъ былъ принадлежать Западъ, Россіи же—Востокъ.

Такимъ образомъ недавніе враги стали союзниками. Внѣшнимъ выраженіемъ и подтвержденіемъ этой новой роли Наополеона, какъ властелина Запада, былъ съѣздъ въ Эрфуртѣ, осенью 1808 г., когда къ нему собрались на поклонъ нѣмецкіе государи, и когда онъ въ бесѣдахъ съ Императоромъ Александромъ I указывалъ способы осуществленія плановъ, намѣченныхъ въ Тильзитѣ. Моментъ этотъ былъ высшей славой Наполеона: недаромъ говорятъ, что „солнце Аустерлица“ озаряло его путь, а французы называли „Великимъ“ и воздвигали въ честь Наполеона при его жизни памятники. Побѣжденные имъ Монархи преклонялись предъ нимъ; въ Германіи лучшіе умы превозносили его величіе.

Но съ 1808 г. Наполеонъ уже подготовлялъ свое неминуемое паденіе. Мечта о всемірномъ владычествѣ созрѣла въ немъ и приняла опредѣленную форму. Опираясь на свои испытанныя и всѣми признанныя качества геніальнаго полководца, Наполеонъ стремился возстановить въ Европѣ единство власти, на подобіе древняго Рима. Безцеремонно смѣщая съ престоловъ королей и

Императоръ Александръ I.
Съ портрета Волкова, который Александръ находилъ самымъ похожимъ.

раздавая вакантные троны своимъ братьямъ, родственникамъ и маршаламъ, онъ водворялъ повсюду французское военное господство и давалъ чувствовать народамъ гнетъ иноземцевъ. Съ весны 1808 г. Наполеонъ приступилъ къ завоеванію Испаніи и съ той поры велъ борьбу уже не только съ правительствами и ихъ арміями, но и съ народами, возставшими на защиту своей національной независимости и свободы.

Самое порабощеніе государствъ и народовъ Европы связывалось Наполеономъ съ усвоенною имъ новою системою борьбы съ Англіею — единственнымъ врагомъ, который оставался для него неуловимымъ. Гибель французскаго флота при Трафальгарѣ (въ 1805 г.) положила конецъ попыткамъ соперничества съ англичанами на морѣ. Тогда Наполеонъ поставилъ себѣ цѣлью прекратить торговыя сношенія Англіи съ другими государствами Европы, чтобы парализовать источники британскаго богатства и тѣмъ принудить англичанъ къ покорности. Для англійскихъ кораблей и товаровъ закрывался доступъ къ материку, и эта „континентальная блокада“, возвѣщенная берлинскимъ декретомъ Наполеона въ 1806 г., предполагала уже подчиненіе всего материка Европы верховному владычеству Франціи. Для дѣйствительности блокады требовалось, чтобы ни одно государство не позволяло своимъ подданнымъ пріобрѣтать англійскія издѣлія и сбывать въ обмѣнъ на нихъ свои сырые продукты.

Императоръ Наполеонъ I.
Съ портрета Тофонели, гравированнаго Моргеномъ.

Около 1810 г. борьба между Англіей и Франціей дошла до критическаго момента. Европейская буржуазія первое тяжелое время могла освоиться съ континентальной блокадой, привыкнувъ обходиться безъ англійскихъ фабрикатовъ, перенеся къ себѣ домой англійскую технику. Наоборотъ, дальнѣйшее развитіе этой послѣдней было бы крайне затруднено сокращеніемъ рынка; перепроизводство уже чувствовалось; количество безработныхъ росло, и французскіе агенты съ радостью извѣщали Наполеона все о новыхъ и новыхъ банкротствахъ въ Сити Лондона. Англія начинала, какъ тогда говорили: „вариться въ собственномъ соку“.

Оставалось только позаботиться о томъ, чтобы китайская стѣна, воздвигнутая вокругъ англійскихъ мануфактуръ, становилась все выше и крѣпче. Но въ ней была зіяющая брешь, именно Пиренейскій полуостровъ, пока на немъ держалась англійская армія и не было подавлено возстаніе испанскихъ крестьянъ. Попыткѣ задѣлать эту брешь, послѣ Вѣнскаго мира (1809 г.), связавшаго Австрію по рукамъ и ногамъ, и посвятилъ Наполеонъ всѣ свои наличныя силы. Къ началу 1811 г. въ Испаніи онъ сосредоточилъ до 270.000 войска — въ полтора раза больше, чѣмъ понадобилось ему въ 1805 г., чтобы разгромить Австрію, и въ 1806 г., чтобы превратить Пруссію въ географическій терминъ. Но на Пиренейскомъ полуостровѣ все пропадало, какъ въ бездонной бочкѣ. И вотъ съ каждымъ мѣсяцемъ становилось все яснѣе, что континентальная система имѣетъ и

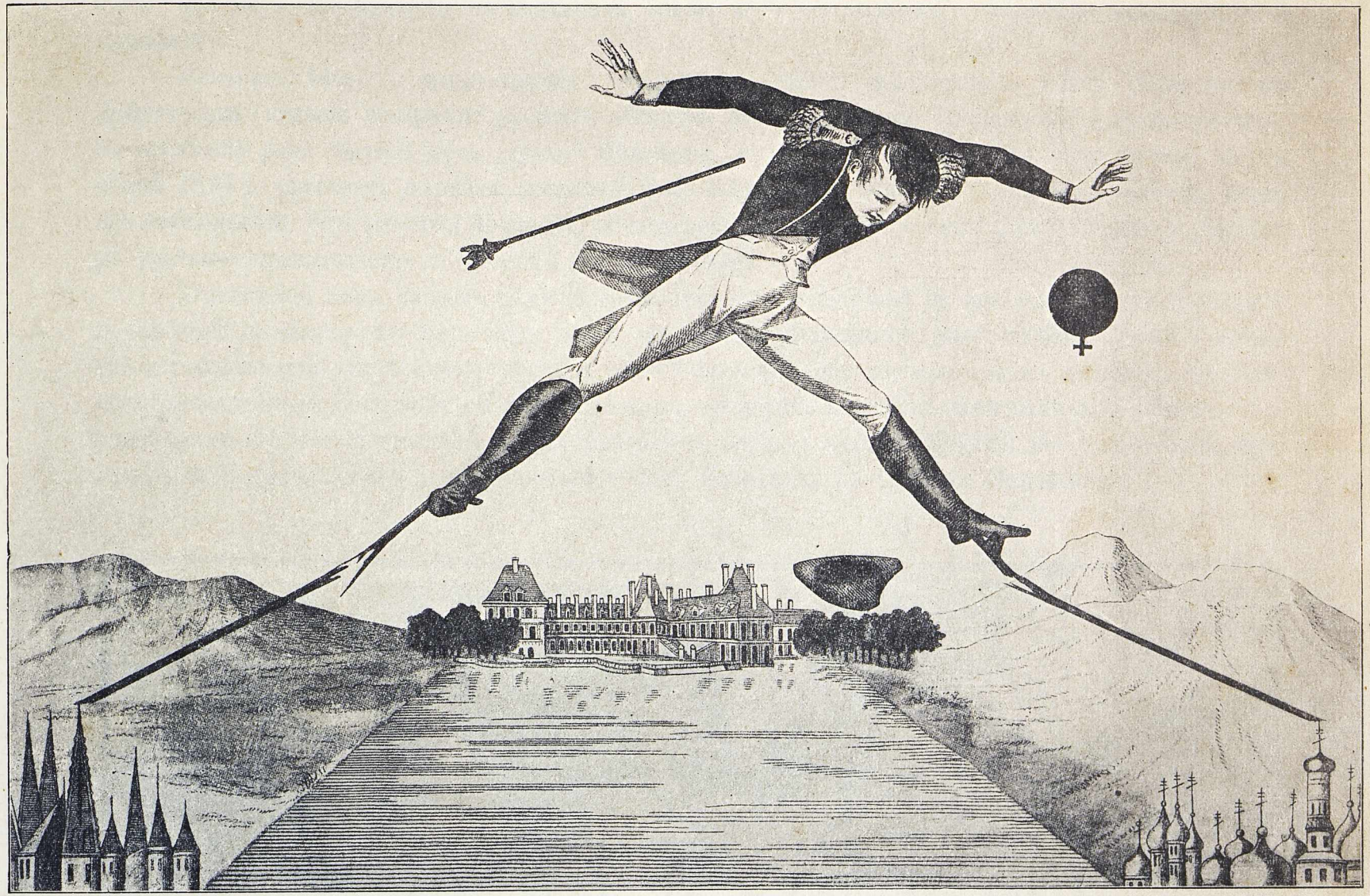
другую брешь, которую представляли собою владѣнія „друга“ и „союзника“ французскаго императора, т.-е. Россію.

До Наполеона дошли свѣдѣнія, что шестьсотъ — потомъ говорилось о тысячѣ двухстахъ— кораблей подъ разными флагами, нагруженныхъ англійскими товарами, направляются къ сѣверо-восточнымъ портамъ. Готтенбургъ, на берегахъ Швеціи, былъ ближайшимъ пунктомъ, откуда шло распредѣленіе запретнаго груза по всѣмъ портамъ Балтійскаго моря. Львиная часть должна была достаться Россіи, больше, чѣмъ она могла потребить по тогдашнему развитію своего хозяйства. Словомъ, континентальная блокада создавала въ Россіи оригинальный транзитъ: англійскіе товары шли въ Западную Европу по нашимъ рѣчнымъ путямъ, какъ нѣкогда, въ дни Кіевской Руси, шли мануфактурныя произведенія Востока. Съ береговъ Балтики англійская контрабанда направлялась на австрійскую границу, къ м. Бродамъ, гдѣ образовался передаточный пунктъ почти такой же важности, какъ Готтенбургъ. Отсюда англійскіе товары наводняли герцогство Варшавское, Австрію и Пруссію,—направляясь далѣе до южной Германіи и даже до Швейцаріи. Здѣсь контрабанда, шедшая съ сѣверо-востока, подавала руку запрещеннымъ товарамъ, поступавшимъ съ юга-запада черезъ все еще не покоренную Испанію.

Іеронимъ Бонапартъ, король Вестфальскій, съ портрета г-жи Кирсонъ, гравировалъ Мюллеръ.

Выше упомянутые шестьсотъ кораблей были уже прежде предметомъ дипломатическихъ нотъ, а осенью 1810 г. вызвали особое письмо Наполеона къ Императору Александру I, отправленное не обычнымъ путемъ, а съ особо довѣреннымъ лицомъ, флигель-адъютантомъ русскаго Государя, Чернышевымъ.

„Англичане очень страдаютъ отъ присоединенія (къ Франціи) Голландіи и отъ предписанной мною оккупаціи портовъ Мекленбурга и Пруссіи,—писалъ Наполеонъ.—Каждую недѣлю въ Лондонѣ происходятъ банкротства, вносящія смятеніе въ Сити. Фабрики стоятъ безъ дѣла; склады переполнены. Я только-что приказалъ конфисковать во Франкфуртѣ и Швеціи огромное количество англійскихъ и колоніальныхъ судовъ, которыя блуждали въ Балтійскомъ морѣ и, не бывъ приняты ни въ Мекленбургѣ, ни въ Пруссіи, направились въ владѣніямъ Вашего Величества. Если Вы ихъ примете, война будетъ продолжаться; если Вы секвеструете и конфискуете грузъ въ гавани или уже на берегу, Англіи будетъ нанесенъ страшный ударъ; всѣ эти товары принадлежатъ англичанамъ. Отъ Вашего Величества зависитъ имѣть миръ или продолжать войну. Миръ есть и долженъ быть Вашимъ желаніемъ. Вашему Величеству ясно, что мы достигнемъ его, если Россія конфискуетъ эти 600 судовъ и ихъ грузъ. Какія бы бумаги у нихъ ни были, чьимъ бы именемъ они ни



Карикатура на Наполеона, желавшаго сдѣлать шагъ изъ Парижа въ Москву.

прикрывались, выдавая себя за французовъ, нѣмцевъ, испанцевъ, датчанъ, русскихъ, шведовъ— Ваше Величество можете быть увѣрены, что это англичане".

Кромѣ этого извѣстно, что Наполеонъ въ разговорѣ съ Чернышевымъ сказалъ: „Если англичане продержатся еще нѣсколько времени, я не знаю, что тогда будетъ и что намъ дѣлать?" Ясно, что Наполеонъ былъ увѣренъ въ томъ, что его слова не замедлятъ дойти до Императора Александра. Союзники Франціи должны были понять, что вопросъ о континентальной блокадѣ былъ вопросомъ жизни или смерти для имперіи Наполеона. Если они не умѣли этого уразумѣть, они уже не были союзниками его, но являлись измѣнниками. Онъ долженъ былъ силою принудить къ повиновенію, другого исхода у Наполеона не было. Отказъ Россіи отъ блокады, прямой или косвенный, непремѣнно заставлялъ Наполеона воевать съ ней, хотѣлъ онъ этого или нѣтъ. Вотъ почему споръ о томъ, кто былъ виновникомъ отечественной войны 1812 г., является совершенно напраснымъ и празднымъ.

Причиною были тѣ самыя условія, которыя въ 1809 г. предупредили войну. Если въ дни Эрфуртскаго свиданія настроеніе русскаго общества было таково, что Императоръ Александръ могъ въ послѣдній разъ сыграть роль „друга" Наполеона и надѣялся извлечь изъ этого пользу, то въ концѣ 1810 г. рисковать подобной попыткой было невозможно, такъ какъ это былъ моментъ, когда всѣ наблюдатели, безъ различія взглядовъ, констатировали полное отсутствіе „довѣренности и усердія" къ русскому правительству со стороны его подданныхъ.

Тильзитскій миръ унизилъ національную гордость, нисколько не измѣнивъ мысли о мщеніи, и народная ненависть къ Наполеону росла еще болѣе. Дворянство было особенно сильно встревожено сближеніемъ двухъ императоровъ и, зная характеры ихъ, не сомнѣвалось въ томъ, что Александръ подчинится Наполеону. „Тильзитскій миръ, —говоритъ въ своихъ запискахъ А. С. Шишковъ:— уничтожилъ иго могущественной Россіи принятіемъ самыхъ постыднѣйшихъ для нея условій, превратившихъ презираемаго и страшившагося насъ Бонапарта въ грознаго Наполеона".

Державинъ, написавшій оду по поводу Тильзитскаго мира, представилъ ее императрицамъ, но Александръ не разрѣшилъ напечатать стихи, потому что Наполеонъ представлялся у поэта алчнымъ завоевателемъ, а Александръ—миротворцемъ. Впослѣдствіи (въ 1815 г.), отправляя списокъ этой оды Мерзлякову для напечатанія, мастистый пѣвецъ Фелицы писалъ: „Миръ былъ не весьма выгоденъ, радоваться было можно, такъ сказать, съ оглядкою, а для того и не могъ я предаться полному вдохновенію".

Маршалъ Бертье.

Унынie овладѣло всѣми, кто могъ разсуждать и заглядывать въ ближайшее будущее. На такихъ лицъ Тильзитскій миръ производилъ самое грустное впечатлѣніе: въ союзѣ съ Наполеономъ видѣли одно лишь порабощеніе ему и признаніе его власти. „И вотъ эпоха,—писалъ въ своихъ „запискахъ" Вигель:—въ которую важнѣйшая любовь, какую могутъ только имѣть подданные къ своему Государю, превратилась вдругъ въ нѣчто хуже вражды, въ чувство какого-то омерзѣнія".

Въ началѣ 1808 г. министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, запретилъ вновь издавать напечатанную въ Москвѣ въ 1807 г., книгу „Картина французской политики и короли Бонапартовской фабрики". Самое слово Бонапартъ приказано было исключить изъ употребленія въ Россіи...

Въ 1810 г. Императору Александру стало совершенно ясно, что переломить экономическое развитіе Россіи было безуміемъ; что воевать легче, чѣмъ переносить долѣе тягости континентальной блокады. И когда Александру категорически было предъявлено двойное требованіе: во-первыхъ, не пускать къ себѣ англичанъ—„за кого бы они себя ни выдавали", и безпощадно истреблять всякій подозрительный грузъ, какимъ бы нейтральнымъ флагомъ онъ ни прикрывался, а во-вторыхъ, признать новый французскій тарифъ обязательнымъ и для Россіи,—у Императора Александра не было болѣе колебаній. Онъ не только отказался слушать второе требованіе, заявляя, что таможенные тарифы представляютъ внутреннее дѣло государства, въ которое другія державы, хотя и союзныя, не имѣютъ права вмѣшиваться, и принять Тріанонскій тарифъ (который былъ выгоденъ для странъ, уже имѣвшихъ большіе зачатки крупной промышленности), значило бы обнаружить „слишкомъ мало заботъ о благосостояніи своихъ подданныхъ". Императоръ Александръ не только продолжалъ пускать къ себѣ англичанъ, если послѣдніе приходили въ наши порты подъ американскимъ флагомъ, но и позволилъ безпрепятственно выгружаться большей части тѣхъ 600 кораблей (самъ Государь насчитывалъ ихъ только сто), о которыхъ такъ настойчиво хлопоталъ Наполеонъ. Александръ отвѣтилъ на Тріанонскій декретъ русскимъ тарифомъ $^{18}/_{31}$ декабря 1810 г., представлявшимъ собою не что иное, какъ формальное объявленіе таможенной войны Франціи.

Фактически экономическій миръ съ Англіей былъ заключенъ въ ту самую минуту, когда Франціи была объявлена таможенная война. Указъ 18 декабря былъ формальнымъ нарушеніемъ Тильзитскаго договора, ставившаго торговыя сношенія между Россіей и Франціей на почву трактата 1787 г., подразумѣвавшаго, что всякія измѣненія въ status quo должны устанавливаться по обоюдному соглашенію. Когда русскому правительству было указано на это, то оно отвѣтило, что Франціей также были повышены пошлины на поташъ, чай, ревень, рыбій жиръ и другіе предметы, привозимые изъ Россіи, безъ какого-либо соглашенія съ послѣдней. Не надо объяснять, что пошлина на рыбій жиръ въ двадцать лѣтъ не могла вынуть изъ кармана Россіи столько, сколько могла вложить въ него въ одинъ годъ пошлина на ліонскій бархатъ.

Такимъ образомъ союзъ Наполеона съ Александромъ оказался далеко неравноправнымъ; на Россію возлагались тяжелыя обязательства по участію въ континентальной системѣ и въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ англичанъ, а взамѣнъ ей предоставлялось воевать съ Швеціей и Турціей для пріобрѣтенія тѣхъ областей, которыя дозволитъ присоединить Россіи французскій повелитель. Пред-

положенный раздѣлъ мірового владычества сводился къ тому, что Россія должна была во внѣшнихъ дѣлахъ руководствоваться указаніями Франціи. Однако никакое военное искусство не было въ состояніи прочно подчинить французамъ другія культурныя націи, въ нѣсколько разъ превосходившія ихъ численностью. Не замѣчая стихійной невозможности этой задачи, Наполеонъ быстро шелъ навстрѣчу катастрофѣ.

Маршалъ Даву.

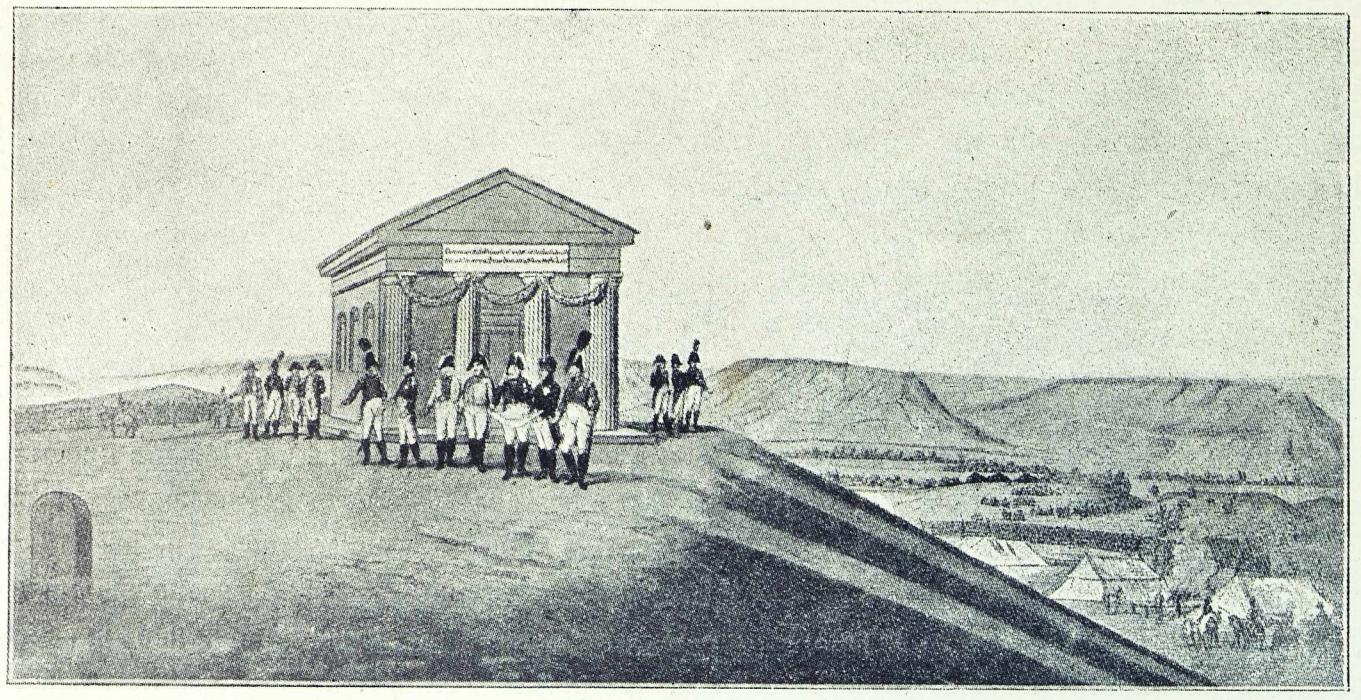
Обнаруживъ удивительную силу своей личности въ колоссальныхъ приготовленіяхъ къ русской кампаніи 1812 года, Наполеонъ увлекъ за собою всю Европу, включая и Пруссію и прочія германскія государства, ради которыхъ Россія не щадила своей крови и средствъ въ предшествовавшихъ войнахъ съ Франціей. Походъ соединенныхъ европейскихъ армій или народовъ на Россію долженъ былъ довершить завоеваніе Европы, безъ котораго, по мысли Наполесна, не могло быть достигнуто единство дѣйствій противъ Англіи и слѣдовательно обезпеченія общаго мира путемъ всеобщаго подчиненія. Предпріятіе, которое раньше самъ Наполеонъ называлъ безумiемъ,— движеніе огромныхъ армій въ „русскія степи“, — было послѣднимъ гигантскимъ усиліемъ осуществить мечту, несогласную съ природою вещей. Съ неудачею этого предпріятія рушилась и вся имперія Наполеона; союзники и вассалы потеряли вѣру въ его непобѣдимость и смѣло обратили противъ него оружіе; народы поднялись, чтобы свергнуть иноземное иго.

Императоръ Александръ, въ сношеніяхъ съ Наполеономъ, продолжалъ слѣдовать по намѣченному имъ пути. Шенбрунскій миръ побудилъ Государя выдвинуть конвенцію о Польшѣ и настаивать на ея принятіи со стороны Франціи. Во время самаго разгара переговоровъ по поводу этой злополучной конвенціи, Наполеонъ обнаружилъ вдругъ примирительное настроеніе и явное желаніе вновь сохранить союзъ съ Россіею, расшатанный тяжелыми воспоминаніями и разочарованіями 1809 г. Посланникъ Наполеона въ Петербургѣ, Коленкуръ, получилъ неожиданное повелѣніе просить для Наполеона руки великой княжны Анны Павловны, сестры Александра. Нельзя сомнѣваться въ нежеланіи Александра вступить въ родственныя связи съ ненавистнымъ ему человѣкомъ и тѣмъ скрѣпить еще болѣе союзъ, освобожденіе отъ котораго составляло конечную цѣль его сокровенныхъ думъ.

Императоръ Александръ, оставаясь вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, оказался и въ этомъ случаѣ неподражаемымъ дипломатомъ; онъ повелъ переговоры съ такимъ искусствомъ, что предположенный бракъ не состоялся, а на Наполеона палъ какъ бы упрекъ въ двуличіи. Дѣйствительно, еще переговоры съ русскимъ дворомъ по этому щекотливому дѣлу не были закончены, будучи намѣренно затягиваемы Александромъ, когда Наполеонъ, потерявъ терпѣніе и опасаясь неблагопріятнаго для своего самолюбія окончательнаго отвѣта, поспѣшно послалъ Бертье просить руку дочери австрійскаго императора Франца, эрцъ-герцогини Маріи-Луизы; князь Шварценбергъ принужденъ былъ на другой же день подписать брачный договоръ. Послѣдствіемъ австрійскаго брака было рѣшеніе Наполеона покончить свои счеты съ Россіей войною; временно эти намѣренія прикрывались пышными фразами о нежеланіи имъ разрыва и продолженіи союза. Въ хорошо освѣдомленныхъ придворныхъ сферахъ сталъ ходить слухъ о намѣреніи Наполеона сбавить спеси Россіи, хорошенько проучивши ее, но русскій императоръ не смирился, и афронтъ этого вызова получилъ сильное значеніе, такъ какъ былъ сдѣланъ передъ всей Европой—скрыть его, отступить отъ занятаго положенія было невозможно: „вино было откупорено, надобно было его выпить“, какъ говорилъ самъ Наполеонъ.

Въ концѣ 1810 г., въ борьбѣ съ англійской контрабандой, Наполеонъ почувствовалъ необходимость взять подъ свое непосредственное наблюденіе всю береговую линію Германіи. Въ іюлѣ 1810 г. Наполеонъ объявилъ о присоединеніи всего королевства Голландскаго, ссылаясь на то, что

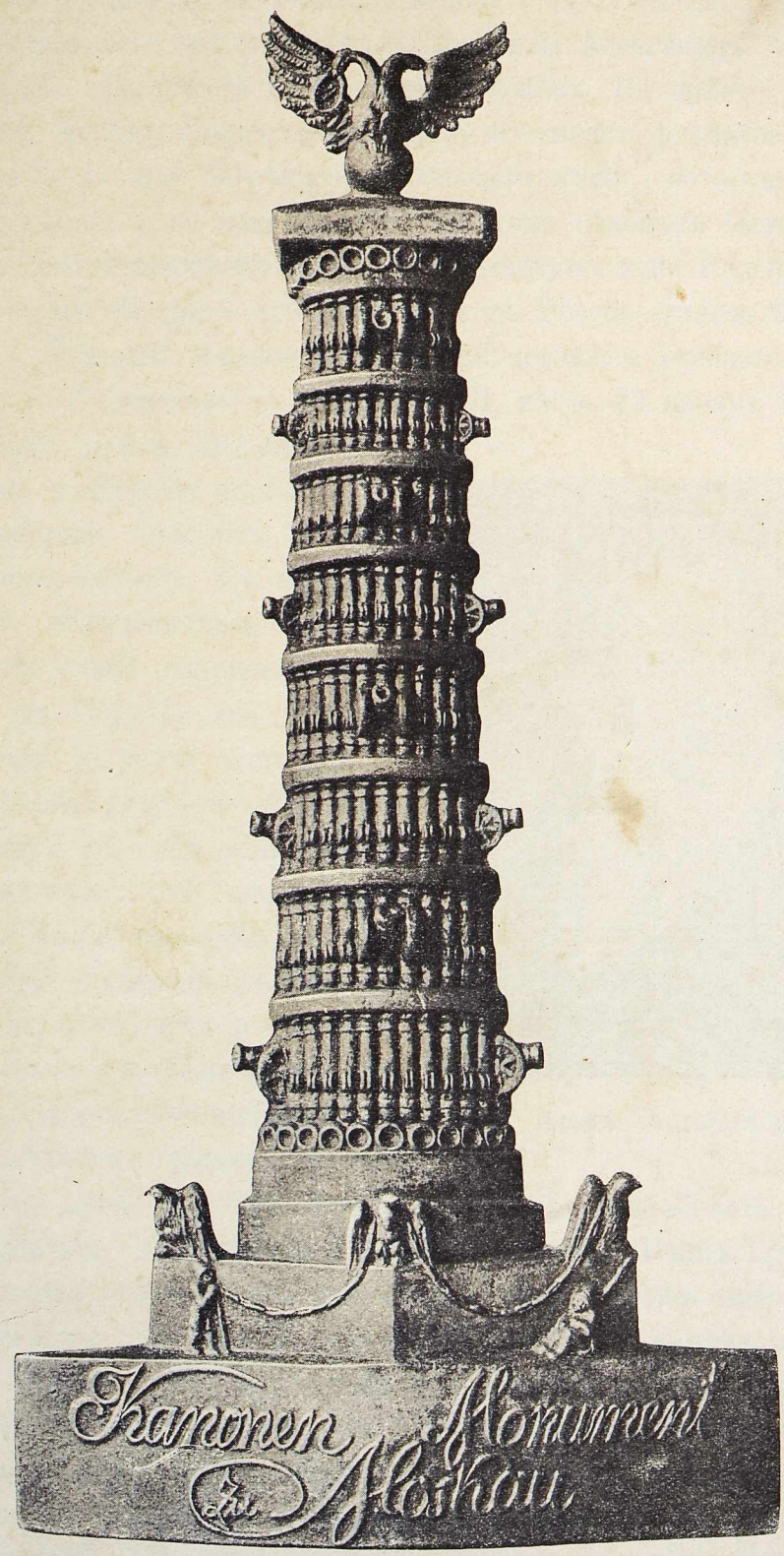
вся эта страна является лишь „наносомъ рѣкъ Французской имперіи“; а 12 декабря присоединенъ былъ Валлисъ, и 18 февраля 1811 г. — герцогство Ольденбургское, княжества Сальмъ и Аренбергъ, части великаго герцогства Бергъ, части Ганновера, недавно уступленнаго Іерониму вестфальскому цѣлаго вестфальскаго департамента, наконецъ трехъ ганзейскихъ городовъ. Но не вестфальскія земли вошли въ составъ трехъ департаментовъ: Верхняго Эмса съ главнымъ городомъ Оснабрюкомъ; Устья Везера съ Берлиномъ; Устья Эльбы, съ главнымъ городомъ Гамбургомъ и съ Любекомъ въ числѣ подпрефектуръ. Три новыхъ департамента образовали „32-й военный округъ“. Наполеонъ не считалъ нужнымъ оправдывать это упраздненіе государствъ и вольныхъ городовъ какими-либо серьезными соображеніями; онъ дѣлалъ все это въ силу сенатскихъ постановленій, подмѣняя такимъ образомъ международное право и договоры режимомъ простыхъ декретовъ. Россія сочла себя затронутой двумя изъ этихъ присоединеній. Съ одной стороны, Наполеонъ, уже державшій гарнизонъ въ Данцигѣ и все время грозившій оккупировать шведскую Померанію, пріобрѣталъ теперь— съ присоединеніемъ Любека — господство на томъ самомъ Балтійскомъ морѣ, гдѣ Петръ Великій стремился обезпечить гегемонію Россіи. Съ другой стороны, одинъ изъ обобранныхъ герцоговъ,



Гора Наполеона и Храмъ Славы, воздвигнутый въ окрестностяхъ Іены, 7-го октября 1808 г., въ честь Александра и Наполеона

наслѣдникъ Ольденбурга, приходился шуриномъ Александра по женитьбѣ на любимой сестрѣ Государя, великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Наполеонъ отправилъ къ своему союзнику Александру его сестру, у которой отнялъ ея будущую корону.

Французскіе современные историки стараются опровергнуть, чтобы такимъ поступкомъ Наполеонъ хотѣлъ отвѣтить личнымъ оскорбленіемъ Александра за ударъ, нанесенный русской политикой экономическимъ интересамъ Франціи. Но допустивъ, что это произошло нечаянно, очевиднымъ станетъ, что и нарочно нельзя было сильнѣе задѣть личное самолюбіе Императора Александра, котораго соблазняла роль защитника слабыхъ. И когда оскорбляли члена его собственной семьи, которому онъ не могъ помочь, то само собою разумѣется, что самъ Императоръ Александръ попадалъ въ то положеніе безнаказанно обиженнаго, въ какомъ онъ привыкъ видѣть короля Прусскаго — и до котораго онъ никогда не разсчитывалъ унизиться. Недаромъ обида герцога Ольденбургскаго играетъ въ перепискѣ Александра съ Наполеономъ такую выдающуюся роль. Читая, какъ русскій Монархъ подробно и тщательно перечисляетъ права своего дома на Ольденбургъ, чувствуется, что тутъ идетъ рѣчь о его личномъ, кровномъ дѣлѣ, и что онъ потому только поминутно къ нему возвращается, что трудно было найти лучшій формальный предлогъ для разрыва союза. Наполеонъ затягивалъ переговоры, предлагалъ ничтожное или ненадежное удовлетвореніе. Александръ же разослалъ дворамъ независимой Европы копію со своего подлиннаго протеста. Наполеонъ сдѣлалъ видъ, что считаетъ этотъ актъ за новый вызовъ.



Одинъ изъ проектовъ памятника изъ пушекъ,
отбитыхъ у французовъ въ 1812 году.
Изъ музея П. И. Щукина.

Дѣло Ольденбургское часто разсматривается, какъ одна изъ причинъ войны 1812 года, но письма, напечатанныя въ приложеніи къ мемуарамъ Чарторижскаго, совершенно устраняютъ такой взглядъ: война была рѣшена ранѣе, чѣмъ Александръ узналъ о захватѣ Ольденбургскаго герцогства французами. Обстоятельства, а не личная воля Александра были виною того, что Наполеонъ получилъ въ свое распоряженіе лишній годъ, и притомъ очень цѣнный для него, чтобы подготовиться къ походу въ Россію. Весной 1811 г. Россія была готова начать войну при самыхъ благопріятныхъ для нея условіяхъ. Свои силы Александръ считалъ возможнымъ бросить на западную границу, отъ 200 до 250 тысячъ человѣкъ. Но вмѣсто полумилліонной „Большой арміи“ за годъ ранѣе, передъ Александромъ было 40 тысячъ французовъ маршала Даву, разбросанныхъ по всей Пруссіи, да еще 50-тысячная польская армія, которую Государь готовъ былъ считать въ числѣ союзниковъ, а не враговъ. Ибо на этомъ основанъ былъ весь планъ кампаніи 1811 г., какъ рисовался онъ Императору Александру: возстановленіе Польши руками Россіи и переходъ, въ уплату за это, польской арміи отъ Наполеона къ Россіи—такова была основная идея этого плана.

Польскій вопросъ или, вѣрнѣе, интересы русскаго государства по отношенію къ польскимъ дѣламъ обострились съ Екатерины II, когда 23 января 1703 г., спустя два дня послѣ казни французскаго короля Людовика XVI, Россія и Пруссія подписали въ Петербургѣ трактатъ второго раздѣла Польши. Въ то время, когда обезглавливали представителя самой старинной династіи въ Европѣ, два Монарха дробили на части одно изъ государствъ христіанскаго союза Европы. Это сближеніе чиселъ поучительно: оно опредѣляетъ духъ первой коалиціи, всѣ дѣла которой сводились къ Польшѣ. А такъ какъ здѣсь все зависѣло отъ Россіи, то Екатерина оставалась верховнымъ арбитромъ на европейскомъ рынкѣ, почему не стѣснялась писать Гримму: „Прочіе продолжаютъ итти по проторенной дорогѣ, но если и я должна пристать къ этому дѣлу (т.-е. возстановленію французской монархіи), то на путь глупостей не ступлю“. Одною изъ этихъ глупостей было бы привлеченіе австрійцевъ въ Польшу. Между тѣмъ образованіе герцогства Варшавскаго было главнымъ ударомъ, какой нанесъ Тильзитскій договоръ русской политикѣ. Герцогство Варшавское, расширенное пріобрѣтеніями 1809 г., развѣ это была не Польша, возстановленная на самой границѣ Россіи и готовая потребовать у нея всѣ области прежняго польскаго королевства, завоеванныя Россіей со времени Ивана Грознаго до Екатерины II. Тщетно старался Наполеонъ усыпить опасенія своего союзника; онъ даже уступилъ ему нѣкоторыя земли польскаго королевства: въ 1807 г. литовскую область Бѣлостокъ, а въ 1809 г. русинскую область—восточную Галицію. Онъ собственно и не возстанавливалъ Польскаго королевства, а создалъ великое герцогство, подъ властью Саксонскаго короля. Офиціально говорилось лишь о *варшавскихъ* подданныхъ, о *варшавской* арміи. Но Александру прекрасно было извѣстно, какія надежды возлагали поляки на Наполеона, какъ великаго герцога, и съ какимъ самоотверженіемъ поляки, служа во французскихъ арміяхъ, проливали за него свою кровь на поляхъ битвъ. Александръ также зналъ, что герцогство Варшавское могло еще быть увеличено, для чего Наполеону достаточно было получить отъ Австріи находившуюся въ ея рукахъ часть Галиціи, вернувъ за это ей Иллирійскія области, и Данцигъ, который Наполеонъ держалъ подъ именемъ вольнаго города, вернулся бы къ Польшѣ.

Адамъ Чарторижскій.

Призракъ возстановленной Польши все время заставлялъ русскихъ дипломатовъ получить отъ Наполеона гарантію, что Польша „никогда не будетъ возстановлена“. Въ послѣдніе мѣсяцы передъ разрывомъ Александръ рѣшился поставить это требованіе въ открытой формѣ, и отказъ Наполеона, котораго надо было ожидать, могъ лишь убѣдить Александра, что разрывъ неизбѣженъ. Но ранѣе этого были годы испытаній, въ теченіе которыхъ Наполеонъ и его министры не разъ давали торжественныя увѣренія, что французскому правительству и въ голову не приходитъ возстановлять Польшу. Вѣнскій миръ, увеличившій населеніе герцогства Варшавскаго почти на цѣлыхъ 2 мил-

ліона душъ, долженъ былъ окончательно укрѣпить сомнѣнія, такъ какъ три четверти этнографической Польши были объединены подъ одной властью. За послѣдней четвертью дѣло не могло остановиться надолго и ставило вопросъ о возрожденіи исторической Польши и отобраніи отъ Россіи Литвы и всего, что̀ ей досталось отъ трехъ раздѣловъ. Вотъ почему Александръ, добиваясь отъ Наполеона обязательства никогда не возстановлять Польшу, мечталъ въ то же время возстановить ее въ своихъ видахъ. У него какъ разъ подъ рукой былъ одинъ изъ крупныхъ литовскихъ магнатовъ, бывшій даже у него недолго министромъ иностранныхъ дѣлъ, князь Адамъ Чарторижскій. 5 апрѣля 1810 г. Александръ имѣлъ съ нимъ любопытный разговоръ, во время котораго и выяснилъ ему свой планъ: пріобрѣсти расположеніе поляковъ герцогства Варшавскаго, присоединивъ къ нему восемь губерній Россійской имперіи, считавшихся польскими.

Имѣя Польшу на своей сторонѣ, Александръ вырывалъ изъ рукъ Наполеона главное оружіе,— и сразу переносилъ театръ войны на четыреста верстъ отъ русской границы. Расчетъ Александра имѣлъ чисто соціальныя основанія. Подчиненная наполеоновскому кодексу и французской бюрократіи, Польша попрежнему оставалась страной помѣщиковъ, гдѣ дворянство не менѣе русскаго заинтересовано было въ сбытѣ своихъ продуктовъ на западъ, такъ какъ по отношенію къ „континентальной системѣ“ у поляковъ были интересы, общіе съ русскими и прусаками, а совсѣмъ не съ французской буржуазіей.

Баронъ фонъ-Штейнъ.

Чарторижскій долженъ былъ убѣдить поляковъ, что русскій императоръ обезпечитъ ихъ національную независимость не хуже Наполеона, даровавъ Польшѣ свободныя, конституціонныя учрежденія. Экономическія и политическія пожеланія польскаго дворянства удовлетворялись такимъ путемъ сразу; за что отъ него требовали одного—измѣны Наполеону, который подалъ раздѣленной Польшѣ надежду на политическое воскресеніе. Но польская армія, въ лицѣ своего главнокомандующаго Понятовскаго, лишь только познакомилась съ планами Россіи, поспѣшила ихъ выдать Наполеону.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1811 г. Александръ захотѣлъ ускорить отпаденіе поляковъ посредствомъ внезапнаго вторженія въ великое герцогство. Въ то самое время, когда поляки въ Петербургѣ, очарованные Александромъ Павловичемъ, увѣряли, что онъ рѣшилъ возстановить Польшу и что онъ назначитъ 3-го мая, годовщину конституціи 1791 г., для выпуска своего манифеста — въ это время русскія войска двигались къ границамъ Варшавскаго герцогства. Пять дивизій изъ дунайской арміи шли черезъ Подолію и Волынь, а финляндская армія спускалась къ югу. Подъ предлогомъ усиленія линіи таможеннаго надзора, завѣса изъ казаковъ скрывала движеніе войскъ въ Литву. Поляки поняли тревогу въ Гамбургѣ, гдѣ начальствовалъ Даву, и въ Парижѣ, но Наполеонъ, часто тревожимый пылкимъ воображеніемъ варшавянъ, сталъ также безпокоиться. Получивъ отъ Даву донесеніе о серьезности положенія, онъ со своей стороны началъ готовиться къ защитѣ. Именно, Наполеонъ ускорилъ отправку подкрѣпленій въ Данцигъ, далъ знать саксонскому королю о необходимости пополнить вооруженіе варшавскихъ войскъ, потребовалъ отъ государей Рейнскаго союза, чтобы они поставили на военное положеніе свои войска, и обратился съ призывомъ къ своимъ арміямъ Итальянскаго и Неаполитанскаго королевствъ, приказалъ польскимъ войскамъ, служившимъ въ Испаніи, перейти обратно Пиренеи и, наконецъ, предписалъ Даву быть готовымъ къ походу черезъ шведскую Померанію на помощь великому герцогству. Съ этого момента всюду, отъ Рейна до Эльбы и отъ послѣдней до Одера, двигались полки, батареи и обозы. На подготовку Александра во всѣхъ военныхъ центрахъ Франціи и Германіи отвѣтили подготовкою огромнаго размѣра. Эти приготовленія къ войнѣ привели Александра и Наполеона къ окончательному разрыву

Новый главнокомандующій дунайскою арміею Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ принудилъ 23-го ноября 1811 г. турецкую армію, обложенную въ лагерѣ при Слободзеѣ, сдаться и положить оружіе. Побѣда Кутузова заставила Наполеона разразиться бранью по адресу турокъ и сказать: „Кто могъ предвидѣть это?“

Недовольный своимъ посломъ въ Петербургѣ—Коленкуромъ, котораго Наполеонъ считалъ черезчуръ „русскимъ“, онъ замѣнилъ его графомъ Лористономъ. Александръ, при прощаніи съ Коленкуромъ, сказалъ ему, „что не сдѣлаетъ перваго выстрѣла и не перейдетъ Нѣмана, но что русскій народъ, въ случаѣ нападенія, сумѣетъ за себя постоять“.

Адмиралъ А. С. Шишковъ.

Вооруженія Наполеона, въ августѣ 1811 г., настолько подвинулись впередъ, что во время торжественнаго пріема въ Тюльерійскомъ дворцѣ Наполеонъ разыгралъ съ нашимъ посланникомъ въ Парижѣ—княземъ Куракинымъ, котораго обвинялъ въ свою очередь, что онъ слишкомъ „французъ“, слѣдующую сцену: Наполеонъ сказалъ, что, судя по тому, что̀ въ Россіи творится, можно думать, тамъ или потеряли головы, или таятъ заднія мысли. „Въ первомъ случаѣ,—прибавилъ онъ:—вы походите на зайца, у котораго дробь въ головѣ и который кружится то въ ту, то въ другую сторону, не зная, ни по какому направленію онъ слѣдуетъ, ни куда добѣжитъ“.

Но Наполеонъ сильно ошибался: тотъ, кого онъ уподоблялъ растерявшемуся, раненому зайцу, отлично зналъ, чего онъ хотѣлъ и куда стремился, нисколько не отрицая опасности, ожидавшей его при слѣдованіи по избранному имъ пути. „Je joue gros jeu,—сказалъ Александръ:—я играю въ большую игру“, вполнѣ сознавая, что для успѣха замышляемой борьбы необходимо было заставить Наполеона вступить на русскую территорію. Только этимъ путемъ можно было, по мнѣнію Александра, увлечь за собою народъ, долѣе ста лѣтъ не видавшій непріятеля въ своихъ предѣлахъ. Затѣмъ Наполеонъ тогда же сказалъ Куракину: „Я не настолько глупъ, чтобы думать, будто васъ такъ занимаетъ Ольденбургъ. Я вижу ясно, что дѣло тутъ въ Польшѣ. Вы приписываете мнѣ различные проекты въ пользу Польши; я начинаю вѣрить, что вы сами собираетесь завладѣть ею... Даже если бы ваши войска стояли лагеремъ на высотахъ Монмартра, я не уступлю ни пяди Варшавской территоріи“.

Лористона принялъ Александръ хорошо и снова подтвердилъ свое желаніе поддержать миръ и даже союзъ. Государь изъявилъ готовность выполнить условія Тильзитскаго договора, допустивъ существованіе великаго герцогства Варшавскаго, лишь бы это не было началомъ возстановленія Польши, а также Александръ готовъ былъ соблюдать континентальную блокаду, при условіи дозволенія ему вести торговыя сношенія съ американцами и другими нейтральными государствами. Въ этомъ пунктѣ Государь былъ непреклоненъ. „Я скорѣе готовъ вынести десятилѣтнюю войну, удалиться въ Сибирь, чѣмъ принять для Россіи условія, въ какихъ находятся сейчасъ Австрія и Пруссія“ (февраль 1812 г.). А нѣсколько дней спустя Наполеонъ замѣтилъ Чернышеву: „Это дурная шутка—думать, будто есть американскія суда... всѣ они англійскія!“ И указалъ ему на сосредоточеніе своихъ войскъ на Одерѣ и на свои аванпосты на Вислѣ, при чемъ прибавилъ: „Такая война изъ-за дамскихъ грѣшковъ!“ Отвѣтомъ Александра явился ультиматумъ, заготовленный еще въ октябрѣ 1811 г.; Куракину было поручено вручить его 27 апрѣля 1812 г. Русскій Монархъ требовалъ оставленія шведской Помераніи и ликвидаціи французскихъ затрудненій со Швеціей; оставленія прусскихъ владѣній; сокращенія данцигскаго гарнизона и разрѣшенія торговли съ нейтральными государствами. Въ случаѣ принятія Франціей этихъ предварительныхъ условій, Александръ изъявлялъ готовность вести переговоры о вознагражденіи за Ольденбургъ и объ измѣненіи русскихъ тарифовъ, примѣняемыхъ къ французскимъ товарамъ. Но, незадолго до этого въ Парижѣ, въ квартирѣ Чернышева, былъ произведенъ обыскъ, который далъ улики въ томъ, что Черны-

Маршалъ Бернадотъ.
Наслѣдный принцъ Швеціи.

шевъ добылъ секретныя бумаги, подкупивъ одного служащаго въ военномъ министерствѣ, нѣкоего Мишеля. 3 апрѣля послѣдній предсталъ предъ сенскимъ судомъ присяжныхъ, которые приговорили его къ смерти, и Мишель былъ казненъ. Послѣ этого случая, конечно, ясно, что аудіенція Куракина, бывшая 27 апрѣля, во время которой онъ передалъ Наполеону ультиматумъ, была бурная: „Вы дворянинъ,—кричалъ Наполеонъ:—какъ вы смѣете дѣлать мнѣ подобныя предложенія? Вы поступаете, какъ Пруссія передъ Іеной".

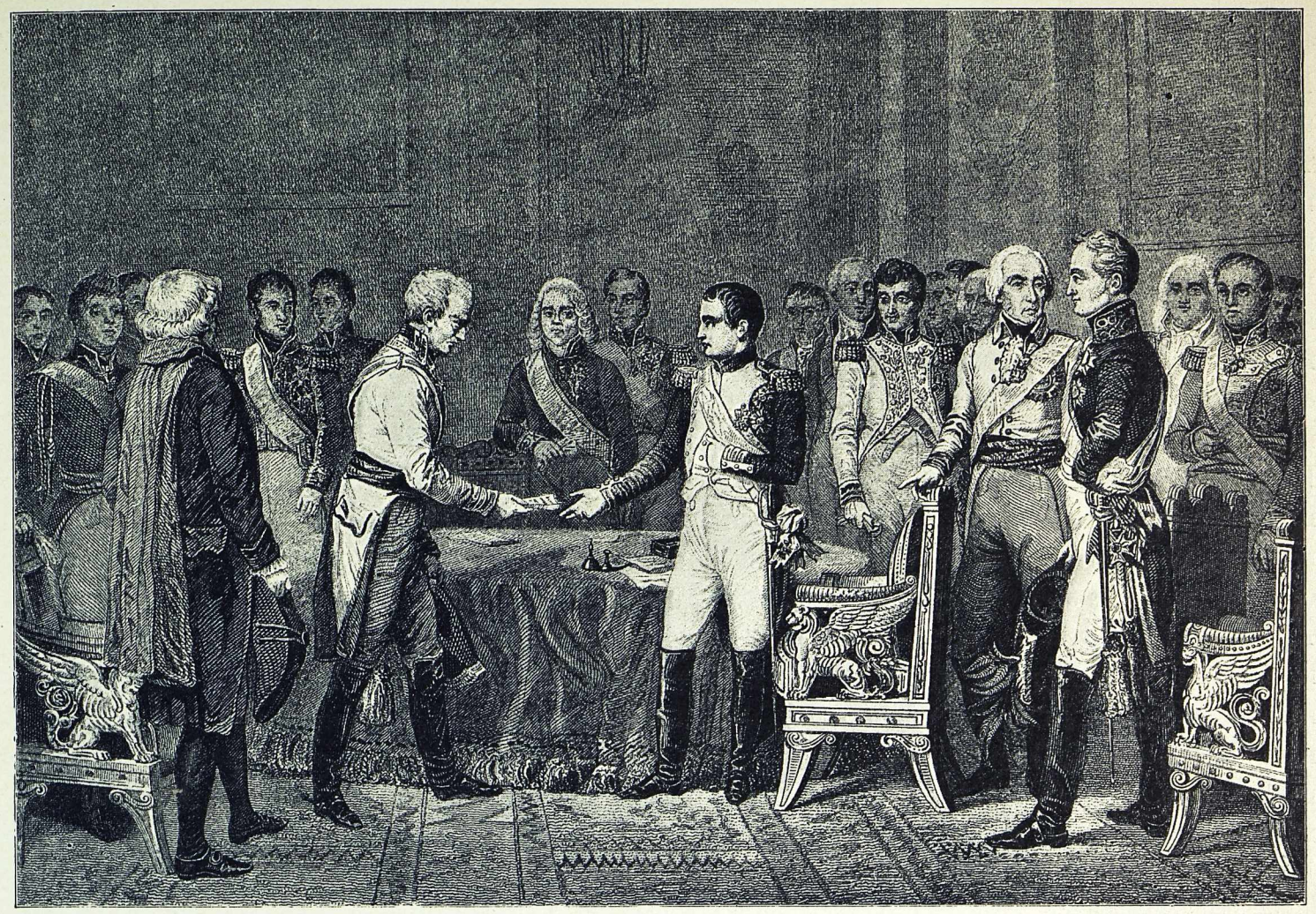
Насколько мало Александръ разсчитывалъ на принятіе своего ультиматума, это видно изъ того, что онъ 22 апрѣля покинулъ Петербургъ и отправился къ своей арміи. Давно Государь окружилъ себя всѣми, кто въ Европѣ ненавидѣлъ Наполеона. Тутъ были: шведъ Армфельдъ, нѣмцы Пфуль, Вольцогенъ, Винцингероде, эльзасецъ Анштетъ, пьемонтецъ Мишо, итальянецъ Паулуччи, корсиканецъ Поццо ди-Борго, британскій агентъ Робертъ Вильсонъ, а 12 іюня въ Россію прибылъ баронъ фонъ-Штейнъ. Эти иностранцы образовали сильную партію, болѣе непримиримую, чѣмъ самые ярые русскіе люди.

Наполеонъ привлекъ на свою сторону безпомощную Пруссію и коварную Австрію; Рейнскій союзъ и Италія и безъ того обязаны были внимать его велѣніямъ. Но зато Турція ускользнула изъ его рукъ. Александръ нашелъ себѣ одного только союзника въ лицѣ недавняго врага: это была Швеція, гдѣ, по сверженіи Густава IV, царствовалъ бездѣтный Карлъ XIII, а наслѣднымъ принцемъ былъ избранъ французскій маршалъ Бернадотъ, давнишній недоброжелатель Наполеона. Въ мартѣ 1811 г., въ виду все возраставшей дряблости Карла XIII, Бернадотъ взялъ въ свои руки управленіе дѣлами. Жена наслѣднаго принца, Дезире Клари, дочь марсельскаго купца, которая чуть-было не вышла замужъ за Наполеона, и сестра которой была за Іосифомъ Бонапартомъ, могла бы способствовать тому, чтобы ея мужъ поддержалъ союзъ съ Франціей, но ей было скучно въ Стокгольмѣ, и она воспользовалась ближайшимъ предлогомъ, чтобы вернуться во Францію.

Въ февралѣ 1812 г. Швеція, все еще стремившаяся получить Норвегію, изъявила Александру готовность подписать формальный отказъ отъ Финляндіи и отъ Аландскихъ острововъ, если онъ поможетъ Швеціи завоевать Норвегію; 25—30 тысячъ шведовъ при содѣйствіи 15 тысячъ русскихъ могли бы совершить завоеваніе; послѣ этого соединенныя войска отправились бы въ Германію, т.-е. противъ лѣваго фланга великой арміи. Это предложеніе встрѣтило хорошій пріемъ въ Петербургѣ, и договоръ былъ подписанъ здѣсь 5 апрѣля 1812 г. Между тѣмъ въ мартѣ Наполеонъ одумался и велѣлъ предложить Бернадоту Финляндію и, кромѣ того, часть Норвегіи. Но онъ одумался слишкомъ поздно. Бернадотъ, какъ бывшій генералъ, уже разсылалъ всѣмъ врагамъ Наполеона, своего бывшаго начальника, не только политическіе, но и военные совѣты, въ которыхъ преподавалъ теорію искусства: какъ побивать французовъ. Онъ тогда же спустился бы и въ Германію, если бы ему не помѣшала кажущаяся вѣрность Пруссіи Наполеону. Во всякомъ случаѣ пока его новое поведеніе дало возможность Россіи обратить противъ Наполеона всѣ свои войска, стоявшія въ Финляндіи.

3 мая 1812 г. и Англія примкнула къ договору 5 апрѣля между Россіей и Швеціей, а 18 іюля она заключила договоръ съ Александромъ о союзѣ и вспоможеніи денежными средствами.

Такимъ образомъ начался приснопамятный 1812 годъ.



Эрфуртскій конгрессъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Походъ Наполеона въ Россію напоминалъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, Эрфуртскій конгрессъ, такъ какъ и тамъ и тутъ играло желаніе произвести манифестацію, способную поднять престижъ Наполеона тамъ, гдѣ онъ начиналъ падать, и устрашить тѣхъ, кто переставалъ его бояться. 9-го мая 1812 г. Наполеонъ покинулъ Парижъ, а 17-го онъ вмѣстѣ съ императрицею Маріей-Луизой прибылъ въ Дрезденъ, къ Саксонскому королю. Передъ повелителемъ Европы, наслѣдникомъ Карла Великаго, толпились всѣ коронованныя особы Германіи, не только участники Рейнскаго союза, но и Австрійскій императоръ съ супругой, явившіеся обнять свою дочь и защищать свои интересы, и Прусскій король, озадаченный внезапной оккупаціей Пиллау и Шпандау великой арміей.

Въ послѣдній разъ Наполеонъ явился во всемъ блескѣ своего величія, властителемъ 130 французскихъ департаментовъ, сюзереномъ семи вассальныхъ королевствъ (Италіи, Неаполя, Испаніи, Вестфаліи, Баваріи, Саксоніи и Виртемберга) и тридцати государей, во главѣ войскъ, которыя безконечной лентой тянулись отъ Рейна къ русской границѣ—явился, вызывая ужасъ Европы и удивленіе Германіи, восторгъ которой доходилъ до того, что лейпцигскій университетъ въ это время рѣшилъ назвать три звѣзды, образующихъ „поясъ Оріона“ — „созвѣздіемъ Наполеона“.

Въ Дрезденѣ строго соблюдался весь придворный этикетъ Тюльери и Сенъ-Клу. Парадный серебряный сервизъ и коронные брилліанты были перевезены сюда; все показное великолѣпіе величайшей въ мірѣ имперіи развертывалось во всемъ своемъ блескѣ передъ ошеломленными обитателями захолустной нѣмецкой столицы. Кто могъ подумать, что этого великаго и могущественнаго властелина гонитъ къ холоднымъ русскимъ снѣгамъ экономическая необходимость! Недаромъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ въ Петербургъ Лористону: „Ольденбургское дѣло“ не имѣетъ ни для насъ, ни для Россіи значенія: вся суть въ торговыхъ интересахъ и „континен-

тальной системѣ“. Объ этомъ не менѣе ясно говорилъ рѣзкій контрастъ между великолѣпіемъ двора Наполеона и состояніемъ народныхъ массъ во Франціи. Онъ бросался въ глаза уже въ дни празднествъ, сопровождавшихъ крещеніе наслѣдника Наполеона, „короля Римскаго“, лѣтомъ 1811 г. Толпы безработныхъ бродили по улицамъ С.-Антуанскаго предмѣстья, мастерскія были пусты, но не потому, что народъ желалъ праздновать. По ночамъ на стѣнахъ расклеивали прокламаціи, призывавшія народъ къ возстанію противъ наполеоновскаго режима. Въ книгѣ „Бичъ Франціи или коварная и вѣроломная система правленія Наполеона“, написанной очевидцемъ-наблюдателемъ, изъ которой прилагаемъ гравюру на Наполеона, сказано: „обыкновенный заемъ въ Парижѣ есть 56 процентовъ“. Къ промышленному кризису, въ 1812 г., присоединилась дороговизна съѣстныхъ припасовъ. Въ Нормандіи вспыхнули хлѣбные бунты, которые приходилось усмирять оружіемъ. Наполеонъ принужденъ былъ вспомнить времена Конвента — и установить размѣръ выдачи хлѣба декретомъ. Но въ другихъ отношеніяхъ Франція не напоминала временъ Конвента: въ армію не стремились волонтеры, какъ это было въ 1792 г., напротивъ, не легко было получить въ ряды войскъ и тѣхъ, кто былъ обязанъ служить. Франція была покрыта отрядами подвижной жандармеріи, разыскивавшей бѣглыхъ рекрутовъ. Повсюду шла охота за людьми, и можно было наблюдать, какъ полицейскіе торжественно вели закованныхъ въ цѣпи будущихъ солдатъ „великой арміи“. Что дѣлать, если неудача „континентальной системы“ продлитъ подобное положеніе вещей? Этотъ вопросъ стоялъ не передъ однимъ Наполеономъ. Среди самой администраціи Имперіи были люди, которые предрекали близкій конецъ Наполеона и возстановленіе Бурбоновъ. Самъ Наполеонъ по временамъ сознавалъ упадокъ Франціи. „Мнѣ оказалъ бы большую услугу тотъ, кто избавилъ бы меня отъ этой войны,—говорилъ онъ Савори.—Но что же дѣлать — вотъ она пришла; пора съ ней развязаться“. Другому своему сотруднику онъ охарактеризовалъ походъ въ Россію, какъ „самое трудное предпріятіе“, за которое онъ когда-либо брался. „Но разъ что̀ начато, надо кончать“. Наполеонъ готовился къ войнѣ 1812 г., какъ не готовился ни къ одной войнѣ ранѣе.

Въ началѣ 1812 г. вооруженныя силы Франціи простирались до 850.000 чел.; кромѣ того Наполеонъ располагалъ войсками своихъ союзниковъ, число которыхъ доходило до 337.000 чел. Съ такимъ количествомъ войскъ онъ могъ, не ослабляя дѣйствій въ Испаніи, двинуть громадную армію въ Россію. Помимо этихъ войскъ, Наполеонъ приготовлялъ многочисленные резервы, посредствомъ новой конскрипціи и призванія къ военной службѣ, первыхъ двухъ наборовъ національной гвардіи Франціи и Итальянскаго королевства. Изъ перваго набора могли стать подъ ружье 380.000, а изъ второго 800.000 чел. Они раздѣлены были на кагорты и назначались для внутренней службы и охраны границъ; по 100 кагортъ перваго набора, каждая въ 1.120 чел., поступили немедленно въ распоряженіе военнаго министра и были переформированы въ маршевые баталіоны, посланные за Рейнъ.

Само ядро „Большой арміи“ (la grande armée — обыкновенно переводятъ неправильно, называя „Великая армія“) было составлено изъ войскъ, расположенныхъ вдоль береговъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, отъ Голландіи до Пруссіи. Здѣсь, отъ Утрехта до Стральзунда, стояло девять пѣхотныхъ дивизій, образовавшихъ 1-й и 2-й корпуса арміи, двинутой противъ Россіи. Вся же „Большая армія“ Наполеона состояла изъ гвардейскаго корпуса, 12-ти пѣхотныхъ и 4-хъ резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ неравной силы, именно:

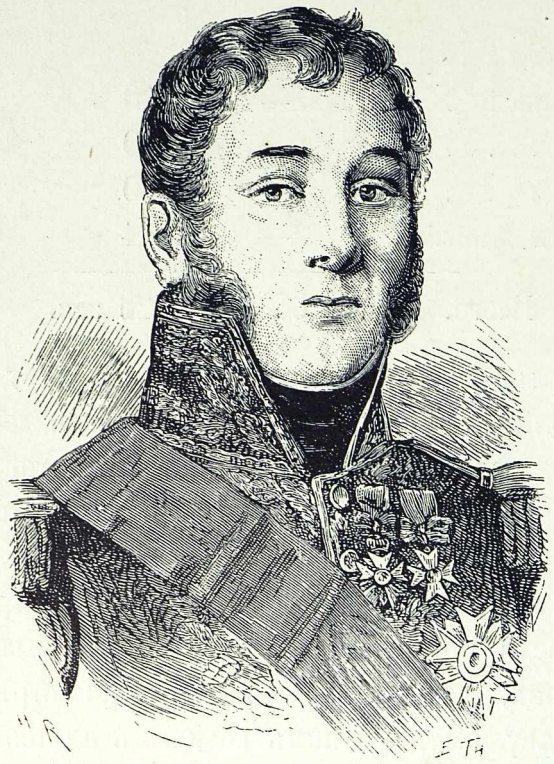
	Баталіон.	Эскадрон.
Гвардія, подъ начальствомъ маршаловъ Мортье, Лефевра и Бессьера (4 дивизіи старой гвардіи и 2 молодой, 1 польская и 1 легкой конницы) .	54	35
1-й корпусъ маршала Даву . .	88	10
2-й корпусъ маршала Удино. .	51	20
3-й корпусъ маршала Нея . .	48	24
4-й корпусъ вице-короля Италіи, принца Евгенія	57	24
5-й корпусъ кн. Понятовскаго .	44	20
6-й корпусъ Баварскій, Сенъ-Сира	28	16
7-й корпусъ Саксонскій, Ренье. .	17	46
8-й корпусъ Вестфальскій, Вандама.	16	8
9-й корпусъ маршала Виктора. .	54	54
10-й корпусъ маршала Макдональда	36	16
11-й корпусъ маршала Ожеро (изъ 6 дивизій котораго въ Россію вступили лишь три)	83	37
12-й корпусъ Австрійскій, князя Шварценберга	27	53

	Баталіон.	Эскадрон.
Резервная кавалерія подъ начальствомъ Неаполитанскаго короля Мюрата:		
1-й корпусъ Нансути, 1 легкая и 2 кирасирскихъ дивизіи . . .	—	60
2-й корпусъ Монбрена, того же состава.	—	60
3-й корпусъ такой же силы.	—	60
4-й корпусъ Латуръ-Мобура, 1 легкая, 1 кирасирская дивизія. .	—	44
Всего. . .	603 бат.	526 эск.

Число этихъ войскъ составляло, по свѣдѣніямъ французскаго генеральнаго штаба, до 610.000 строевыхъ, а съ нестроевыми до 700.000 чел. Въ арміи этой находилось 187.111 лошадей и 1.372 орудія, въ числѣ которыхъ было 140 осадныхъ, предназначенныхъ для дѣйствія противъ Риги. Въ нашествіи Наполеона участвовали всѣ народы Европы, за исключеніемъ шведовъ, датчанъ и турокъ.

Въ тактическомъ и административномъ отношеніи 1-й и 2-й корпуса, особенно корпусъ маршала Даву, были лучшими, чѣмъ располагала Франція, послѣ императорской гвардіи. Это были отборные солдаты, подъ командой опытныхъ боевыхъ генераловъ, имена которыхъ постоянно встрѣчаются на страницахъ исторіи наполеоновскихъ войнъ. Даву былъ лучшимъ военнымъ администраторомъ Франціи. Свой корпусъ онъ называлъ подвижной колоніей, который можно было перенести въ любую страну, и онъ вездѣ нашелъ бы средства существовать и дѣйствовать. „Въ каждой ротѣ есть портные, сапожники, каменщики, хлѣбопеки, оружейники, словомъ, всякіе рабочіе“,—писалъ Даву Наполеону. Эти отборныя войска были въ самыхъ широкихъ размѣрахъ снабжены всѣмъ необходимымъ. „Намъ придется дѣйствовать въ скудной странѣ, говорилъ Наполеонъ, которую, по всей вѣроятности, непріятель опустошитъ, и мы должны быть готовы во всемъ обходиться собственными средствами“. Никогда еще армія Наполеона не брала съ собой такого огромнаго запаса провіанта. Каждая часть должна была имѣть при себѣ 25 дневныхъ раціоновъ на каждаго солдата. Кромѣ того провіантъ слѣдовалъ за войсками, въ видѣ цѣлыхъ стадъ воловъ, везшихъ фуры. Когда фуры доставлялись на мѣсто, воловъ убивали—и войска такимъ образомъ были обезпечены свѣжей говядиной. Армія везла съ собой 28 милліоновъ бутылокъ вина и 2 милліона бутылокъ водки. А въ видѣ резерва, на Вислѣ были устроены запасные магазины, изъ которыхъ 400.000 челов. могли прокармливаться цѣлый годъ. Хлѣбъ въ зернѣ и фуражъ для конницы разсчитывали имѣть на мѣстѣ, для чего походъ предполагалось начать въ іюнѣ, такъ что разгаръ кампаніи долженъ былъ прійтись во время сбора жатвы. Для перемола зерна въ муку были заказаны особыя ручныя мельницы, которыя долженъ былъ имѣть при себѣ каждый полкъ. Если всѣ эти мѣры предосторожности не избавили солдатъ Наполеона отъ необходимости питаться кониной, начиная съ четвертаго и даже съ третьяго мѣсяца кампаніи, то причиною этого являлся отнюдь не недостатокъ предусмотрительности, а, наоборотъ, избытокъ послѣдней привелъ къ тому, что предпріятіе быстро переросло границы технической осуществимости.

Карикатура на Наполеона.
Гравюра изъ русской книги „Бичъ Франціи“.



Мортье.

Лошади, а въ особенности волы, падали тысячами— и въ результатѣ войска не получали ни самихъ воловъ, ни того, что было въ везомыхъ ими фурахъ. Оставалось одно — везти фуражъ для обоза въ готовомъ видѣ; но тогда являлась новая задача — о прокормленіи тѣхъ, кто везъ этотъ фуражъ, и такъ далѣе, до безконечности.

Затѣмъ Ахиллесовою пятою „Большой арміи“ являлась не столько сложность ея системы продовольствованія, сколько крайне плохое качество ея состава.

Гигантскіе размѣры экспедиціи обусловливались тѣмъ, что количествомъ приходилось замѣнять качество. Если бы Наполеонъ имѣлъ съ собою своихъ аустерлицкихъ солдатъ, онъ могъ бы ограничиться на треть меньшимъ количествомъ; но подъ его командою были теперь войска болѣе низшаго уровня. Двумя первыми корпусами — Даву и Удино почти исчерпывались старыя и притомъ чисто французскія войска, жившія традиціями революціонныхъ войнъ и первыхъ войнъ Имперіи, создавшія тактику, о которую, какъ стекло, разбилась армія Фридриха Великаго, въ 1806 году. Къ нимъ можно было прибавить лишь императорскую гвардію да нѣсколько дивизій отборной тяжелой кавалеріи — кирасиръ. Но и эти части были уже значительно испорчены примѣсью полковъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ вышедшей изъ войнъ революціи Наполеоновской арміей и состоявшихъ изъ солдатъ, совершенно равнодушныхъ къ войнѣ и даже ненавидѣвшихъ Францію и ея императора. Въ корпусѣ Даву былъ полкъ, сформированный изъ ганзейскихъ нѣмцевъ, который почти весь разбѣжался во время похода еще по Германіи, такъ какъ населеніе оказывало всякую поддержку дезертирамъ, почему Даву примѣнялъ самыя свирѣпыя мѣры, чтобы страхомъ удержать солдатъ въ рядахъ: онъ разстрѣливалъ даже отсталыхъ за „намѣреніе дезертировать“, но ничто не помогало, и несчастный полкъ пришлось вести къ русской границѣ подъ сильнымъ конвоемъ.

Лефевръ.

Въ корпусѣ Удино былъ полкъ швейцарцевъ, гдѣ треть солдатъ были больны, что маршалъ объяснялъ приводомъ рекрутъ въ этотъ полкъ, закованныхъ въ кандалы и страшно истомленныхъ такимъ походомъ.

Въ 3-мъ корпусѣ Нея примѣсь плохихъ „союзныхъ“ войскъ, на которыя Наполеонъ ни въ какомъ случаѣ не могъ полагаться, какъ на свои собственныя, становилась еще замѣтнѣе. У него была цѣлая дивизія виртембергцевъ, служившая постояннымъ источникомъ безпорядка и путаницы, офиціально отмѣченной въ приказахъ по арміи.

Дальше шли корпуса, почти цѣликомъ составленные изъ иностранцевъ, принудительно навербованныхъ на французскую службу; лучшими изъ нихъ были итальянцы (4-й корпусъ), страшно терпѣвшіе отъ холода въ Россіи и поляки (5-й корпусъ). Хуже были баварцы, саксонцы, осо-

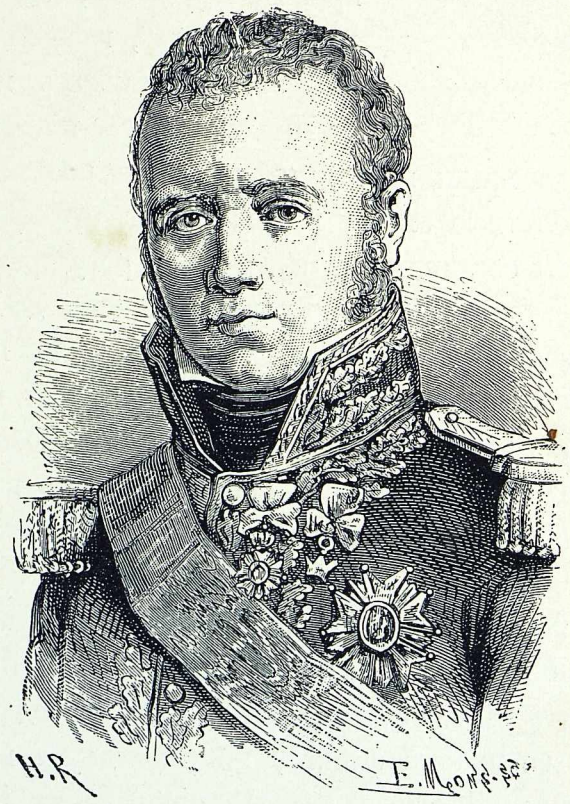
Бессьеръ.

бенно вестфальцы, по части буйства и грабежей превзошедшіе даже виртембергцевъ. А во французскихъ войскахъ, по свидѣтельству маршала Нея, рекруты составляли подавляющее большинство, кромѣ первыхъ трехъ корпусовъ и старой гвардіи.

Благодаря этому, чисто французскіе полки представляли нерѣдко ту же картину, что и союзники; та же масса отсталыхъ, тѣ же дезертиры, то же мародерство. „Большая армія“, по словамъ Беннигсена, представляла силу, во главѣ которой Наполеонъ шелъ воевать съ Императоромъ Александромъ, въ 398.000 чел., но если исключить изъ этого числа 30.000 чел., оставленныхъ временно въ Варшавѣ, то остается 368.000 чел., съ которыми Наполеонъ вступилъ въ наши предѣлы. Въ томъ числѣ было 60.000 чел. кавалеріи. Но сила эта вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ быстро таяла: отъ границы до Смоленска армія Наполеона потеряла не менѣе 80.000 чел., изъ нихъ не болѣе 10.000 было убито и ранено, а подъ Бородинымъ Наполеонъ могъ ввести въ дѣло всего уже 140.000 чел. Такимъ образомъ время было первымъ и главнымъ нашимъ союзникомъ—гораздо ранѣе, чѣмъ началъ дѣйствовать и второй союзникъ, климатъ,—холода и морозы.

30 мая Наполеонъ въѣхалъ въ Познань, гдѣ поляки встрѣтили его съ большимъ восторгомъ. Весь городъ былъ иллюминованъ,

Ожеро.

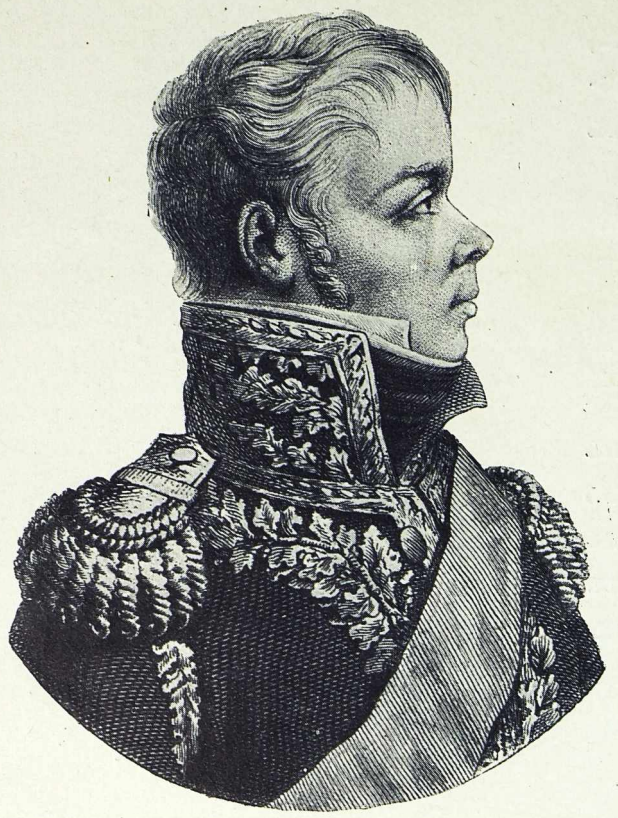


Викторъ.

Сенъ-Сиръ.

повсюду горѣли транспаранты, съ надписями: „Heroi invincibili Restauratori patriae, Grati Poloni imperatori magno“ („Непобѣдимому герою, возстановителю отечества, благодарные поляки великому императору“).

Наполеонъ принялъ мѣстную знать, явившуюся на поклонъ въ придворныхъ костюмахъ, при чемъ сказалъ: „Я предпочелъ бы видѣть васъ въ сапогахъ и при шпорахъ, съ саблей на боку, какъ ходили ваши предки“. Затѣмъ онъ направился къ Нѣману, не заѣхавъ въ Варшаву, и это считали ошибкою. Ловкаго своего представителя при великомъ Варшавскомъ герцогствѣ, Биньона, замѣнилъ Наполеонъ мехельнскимъ архіепископомъ, аббатомъ де-Прадтомъ, разсчитывая, что духовное лицо будетъ пользоваться вліяніемъ у католическаго народа. Данная ему инструкція 28 мая предписывала собрать сеймъ съ цѣлью вотировать возстановленіе Польши, образовавъ повсюду *конфедераціи*, и вызвать всеобщее возстаніе. Но архіепископъ де-Прадтъ былъ недалекій человѣкъ, хотя и слылъ за остряка. Прибывъ въ Варшаву 5 іюня, онъ терялъ время на исправленіе рѣчей, которыя должны были быть произнесены на сеймѣ вождями Польши, удаляя изъ нихъ все то, что было „противно всякимъ правиламъ вкуса“, и задумывалъ распустить сеймъ, какъ только онъ откроется. 22 іюня при открытіи собранія старый князь Адамъ-Казиміръ



Маршалъ Макдональдъ.

Чарторижскій, избранный маршаломъ, возвѣстилъ о возстановленіи Польши въ такихъ патетическихъ выраженіяхъ, что сеймъ объявилъ себя конфедераціей. Было рѣшено, что больше не будетъ „двоякихъ подданныхъ“, т.-е., что поляки, имѣвшіе помѣстья и въ великомъ герцогствѣ и въ Россіи, принуждены будутъ сдѣлать выборъ между той или другой національностью. Результатомъ такого постановленія было то, что Адамъ Чарторижскій принужденъ былъ послать Императору Александру отказъ отъ всѣхъ своихъ должностей.

Рѣшено было также отправить къ Наполеону депутацію. Аббатъ де-Прадтъ, все еще не понимавшій положенія дѣлъ, писалъ Бассано: „Они пошли бы очень быстро, если имъ дать ходъ“. Но этого именно хода онъ не далъ, приказавъ объявить на третій день о закрытіи сейма, и такъ какъ думали, что это дѣлается по приказу Наполеона, то „это удивило французовъ и охладило поляковъ“, говоритъ Биньонъ. Наполеонъ узналъ объ этомъ слишкомъ поздно и могъ лишь сдѣлать де-Прадту строгій выговоръ.

Равнымъ образомъ теряли время на то, чтобы обучить польскихъ рекрутовъ на французскій ладъ, вмѣсто того, чтобы поднять всю страну и двинуть на русскую границу *посполитое рушенье*. Точно такъ же вмѣсто того, чтобы соединить въ одну массу регулярныя польскія войска, Наполеонъ распредѣлилъ ихъ по семи корпусамъ. Этимъ, какъ замѣчаетъ де-Прадтъ, Наполеонъ „сдѣлалъ невидимою цѣлую армію поляковъ въ 70.000 чел.“. Кромѣ того, проходъ великой арміи черезъ Польшу, какъ и черезъ Германію, сопровождался разными насиліями, и страна, безъ того уже бѣдная, страдала еще болѣе Германіи отъ тѣхъ, кто называлъ себя ея освободителями.

Среди славянскихъ народовъ, которыхъ Наполеонъ сумѣлъ вооружить противъ Россіи, были поляки, кроаты, далматинцы, иллирійцы. Русскій народъ назвалъ великую армію Наполеона 1812 года арміей „*двванадесяти языковъ*“. Движеніе къ сердцу Россіи—Москвѣ должны были произвести: императорская гвардія, кавалерія Мюрата, первый, второй, третій, четвертый, пятый и восьмой корпуса. Послѣ перехода Нѣмана шестой корпусъ (Сенъ-Сира) и десятый (Макдональда) должны были остановиться на Двинѣ и прикрывать лѣвый флангъ великой арміи; седьмой (Ренье) и австрійскій корпуса должны были прикрывать ея правый флангъ, противъ двухъ южныхъ русскихъ армій (арміи Тормасова, стоявшей на Волыни, и Чичагова—въ Румыніи); девятый корпусъ (Виктора) держался въ резервѣ на Вислѣ и Одерѣ, а одиннадцатый (Ожеро)—на Эльбѣ.

Со стороны Россіи приготовленія къ войнѣ, какъ уже сказано выше, начались въ 1811 г. переформированіемъ части гарнизонныхъ баталіоновъ въ линейные, усиленіемъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ и артиллерійскихъ бригадъ, составленіемъ новыхъ баталіоновъ внутренней стражи, подвижныхъ инвалидныхъ ротъ и постоянныхъ рекрутскихъ депо.

Въ то же время былъ произведенъ рекрутскій наборъ съ 500 душъ по 4 чел. Регулярную военную силу Россіи составляли тогда, не считая гарнизоновъ: 170 полковъ гвардейской, гренадерской и армейской пѣхоты, 66 полковъ кавалеріи, 2 піонеровъ, 130 ротъ артиллеріи и 24 понтонныхъ. Изъ нихъ составлены были три арміи, назначенныя для отраженія великой арміи Наполеона.

Первая Западная армія, подъ начальствомъ Барклая де-Толли, состояла:

	Батал.	Эскадр.	Казач. полковъ.
1-й пѣхотный корпусъ графа Витгенштейна	28	16	3
2-й Багговута.	24	8	—
3-й Тучкова 1	26	6	1
4-й графа Шувалова	22	8	—

	Батал.	Эскадр.	Казач. полковъ.
5-й гвардейскій Великаго Князя Константина Павловича. .	26	20	—
6-й Дохтурова	24	8	—
1-й резервный кавалерійскій Уварова.	—	24	—
2-й барона Корфа	—	24	—
3-й графа Палена	—	20	—
Лстучій казачій корпусъ войскового атамана Платова. . .	—		14
Итого. . .	150 бат.	134 эск.	18 полк.

Подъ ружьемъ 127.000 чел. и 558 орудій.

Вторая Западная армія, подъ начальствомъ князя Багратіона состояла изъ:

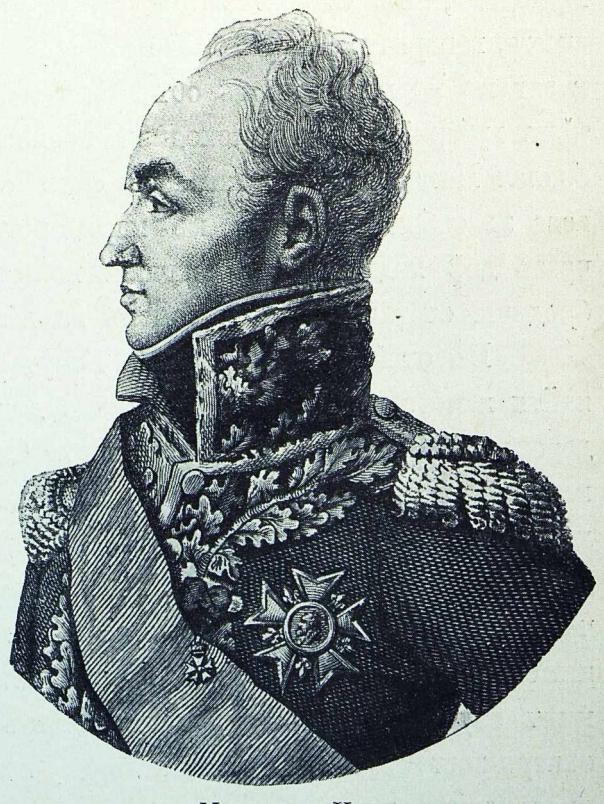
7-го корпуса генерала Раевскаго	24	8	—
8-го Бороздина	22	20	—
4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса графа Сиверса . .	—	24	—
Вновь сформированной 27-й пѣхотной дивизіи Невѣровскаго на маршѣ изъ Москвы	12	—	—
Донскихъ казаковъ.	—	—	9
Итого. . .	58 бат.	52 эск.	9 полк.

Подъ ружьемъ 48.000 чел. и 216 орудій.

Третья резервная обсерваціонная армія генерала Тормасова имѣла подъ ружьемъ 49.000 чел. и 168 орудій, состояла изъ:

Корпуса графа Каменскаго	18	8	—
Корпуса Маркова	24	8	—
Корпуса Сакена	12	24	—
Кавалерійскаго корпуса графа Ламберта	—	36	—
Казачьихъ полковъ	—	—	9
Итого. . .	54 бат.	76 эск.	9 полк.

Во всѣхъ этихъ трехъ арміяхъ было: 262 баталіона, 262 эскадрона, 36 казачьихъ полковъ и 942 орудія, считая въ своихъ рядахъ подъ ружьемъ 218.000 чел. Кромѣ того изъ рекрутъ составлялись въ городѣ Владимірѣ 12 полковъ или двѣ дивизіи пѣхоты (23.000 чел.). Полковникъ графъ Виттъ на Украйнѣ формировалъ 4 полка казаковъ, назначенныхъ въ армію Тормасова (3.600 чел.). Поручикъ графъ Нирод, въ Дерптѣ (Юрьевѣ), вербовалъ корпусъ волонтеровъ. Въ запасныхъ и рекрутскихъ баталіонахъ и эскадронахъ было 100.000 чел.; кромѣ того, въ Финляндіи и С.-Петербургѣ находились 3 пѣхотныя дивизіи (54 бат., 10 эскадр. и 8 ротъ артиллеріи) и въ Дунайской арміи слишкомъ 53.000 чел. и 246 орудій. Двѣ коалиціи и война съ Швеціей, тянувшаяся почти шесть лѣтъ, а равно война съ турками (1806 — 1812 г.), которая окончилась почти въ ничью только потому, что Александру необходима была Дунайская армія—все это было очень хорошей военной школой для плацпарадной арміи, оставленной въ наслѣдство Императору Александру его отцомъ Павломъ. Война выдвинула цѣлый рядъ генераловъ и офицеровъ съ несомнѣнной боевой опытностью, отучивъ солдатъ отъ шагистики и научивъ ихъ стрѣлять. Но размѣры русской арміи росли весьма туго, такъ какъ финансы Россіи были совсѣмъ плохи, а субсидіи Англіи являлись слишкомъ поздно, и значеніе ихъ сказалось больше въ 1813 г., чѣмъ въ 1812 году. Образованіе ополченія было въ то время еще



Маршалъ Удино.

болѣе необходимо, чѣмъ въ 1806 г. Дворянство охотно жертвовало своими крѣпостными ради національной войны. Александръ былъ чрезвычайно доволенъ достигнутыми результатами, что видно изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ Чичагову, отъ 18 іюля 1812 г.: „Послѣдствія превзошли мои ожиданія. Смоленскъ мнѣ далъ 15.000 чел., Москва—80.000, Калуга 23.000. Каждый часъ я ожидаю донесеній изъ другихъ губерній“...

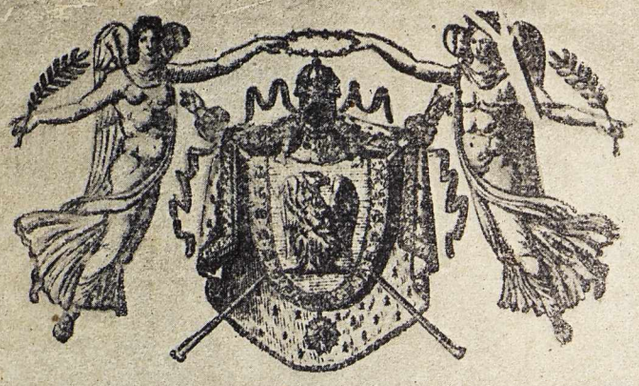
Въ первый округъ ополченія входили слѣдующія восемь губерній: Московская, Тверская, Ярославская, Смоленская, Калужская, Тульская, Владимірская и Рязанская, какъ самыя близкія къ театру военныхъ дѣйствій. „Поспѣшность, съ которою было составлено ополченіе 1-го округа, не позволила ни снарядить его надлежащимъ образомъ, ни дать ему достаточное военное образованіе,— говоритъ Богдановичъ, авторъ „Исторіи Отечественной войны 1812 года“.—Ратники большею частью были вооружены только пиками и рогатинами и обуты въ лапти, что заставляло употреблять ихъ почти исключительно для поданія помощи раненымъ, либо ставить въ третью шеренгу пѣхоты регулярныхъ войскъ“.

Нѣкоторое военное значеніе имѣло лишь петербургское ополченіе (2-го округа), и примѣръ его служилъ прекраснымъ доказательствомъ, что при умѣлой подготовкѣ народная армія отнюдь не была мечтой. Петербургскіе ополченцы были обучены всѣмъ фронтовымъ пріемамъ въ пять дней — и достигли такихъ результатовъ, что на присутствовавшаго при ихъ ученьи англійскаго военнаго агента они произвели впечатлѣніе настоящей арміи, „выросшей изъ земли“, но въ общемъ ходѣ войны 1812 г. значеніе этого небольшого отряда (около 13.000 чел.) было ничтожно. Какъ и въ 1806 — 7 гг., вся тяжесть борьбы легла на регулярныя войска съ нѣкоторою помощью казаковъ, про которыхъ извѣстный генералъ Ермоловъ, въ своихъ запискахъ, говоритъ: „Никто болѣе казаковъ не разсуждаетъ объ опасности, и едва ли кто смотритъ на нее съ большимъ ужасомъ“, качество, быть-можетъ, и хорошее, но казаки, какъ извѣстно, стали опасны противнику и полезны арміи лишь съ тѣхъ поръ, когда французы были окончательно разстроены боями, холодомъ и голодомъ.

Маршалъ Ней.

Сначала планъ кампаніи былъ разсчитанъ на наступленіе, поэтому всѣ запасные магазины были придвинуты къ самой границѣ, что, разумѣется, осуждало ихъ на гибель въ случаѣ отступленія. Благодаря этому, армія въ теченіе всей кампаніи въ Россіи продовольствовалась исключительно средствами тѣхъ губерній, гдѣ происходили военныя дѣйствія — чѣмъ „опустошеніе страны“, котораго такъ боялся Наполеонъ, достигалось само собою въ большихъ размѣрахъ. Эта причина естественно вела за собою привычку къ мародерству и грабежу. Недаромъ Императоръ Александръ писалъ чрезъ двѣ недѣли послѣ начала войны, отъ 6-го іюля, Барклаю де-Толли: „Я обогналъ много бродягъ, отставшихъ отъ войскъ на цѣлый переходъ, въ самомъ отвратительномъ видѣ“.

Въ отвѣтъ на требованіе Государя прекратить эти безпорядки главнокомандующій не умѣлъ найти ничего, кромѣ стараго, давно доказаннаго безполезнаго средства—разстрѣливать всѣхъ мародеровъ и заподозрѣнныхъ въ немъ. Самъ Барклай сомнѣвался въ дѣйствительности этой мѣры, какъ то видно изъ письма его къ Императору Александру изъ Смоленска, отъ 9 августа. Во всякомъ случаѣ грабежи не прекращались; грабили и около Вильны, и около Витебска, и подъ Смоленскомъ, и подъ Москвой. Солдаты грабили подъ непосредственнымъ давленіемъ голода, а высшіе чины грабили не менѣе, но съ большимъ комфортомъ и съ меньшей опасностью. Начальникъ штаба первой арміи, генералъ Ермоловъ, въ своихъ запискахъ, разсказываетъ не мало поучительныхъ случаевъ, какъ очевидецъ. Одинъ изъ опорныхъ пунктовъ при отступленіи нашей арміи на сѣверо-востокъ, прикрывавшая дорогу на Петербургъ крѣпость Динабургъ (нынѣ Двинскъ) строилась около двухъ лѣтъ, при чемъ болѣе 5.000 человѣкъ солдатъ погребено было при работахъ, а въ



PROCLAMATION.

HABITANS DE MOSCOU!

Vos malheurs sont grands, mais Sa Majesté l'Empereur et Roi veut en arrêter le cours.

Des exemples terribles vous ont appris comment il punit la désobéissance et le crime.

Des mesures sévères sont prises pour empêcher le désordre, et ramener la sécurité publique.

Une administration paternelle, choisie parmi vous, formera votre Municipalité. Elle veillera sur vous, sur vos besoins, sur vos intérêts.

Ses membres sont distingués par un ruban rouge qu'ils porteront en forme de baudrier. Le maire, seulement, y ajoutera une ceinture blanche. Ils n'auront qu'un ruban rouge, au bras gauche, lorsqu'ils ne seront point en fonction.

La police de la ville est rétablie d'après son ancienne organisation et déjà l'on doit à son activité un meilleur ordre de choses. Deux commissaires généraux et 20 Commissaires, placés dans chacun des anciens quartiers de la ville, sont choisis et installés par le Gouvernement : Vous les reconnoîtrez au ruban blanc qu'ils porteront au bras gauche.

Plusieurs églises de différens cultes, sont ouvertes et l'on y célèbre librement l'office divin.

Vos concitoyens rentrent, chaque jour, dans leurs foyers, et des ordres sont donnés pour qu'ils y trouvent la protection et l'appui dû au malheur.

Tels sont les moyens que le gouvernement a pris pour rétablir l'ordre et adoucir votre situation. Mais, pour y parvenir, il faut, dès ce moment, joindre vos efforts aux siens ; oublier, s'il se peut, les maux que vous avez soufferts, livrer vos ames à l'espoir d'un sort moins rigoureux, songer qu'une mort certaine et ignominieuse attend celui qui porteroit atteinte à vos personnes et aux propriétés qui vous restent, et croire enfin qu'elles seront respectées, parce que telle est la volonté du plus grand et du plus juste des monarques.

Habitans, de quelque nation que vous soyez! Rétablissez la confiance publique, source du bonheur des Empires, vivez en frères avec nos Soldats, prêtez-vous mutuellement secours et protection ; réunissez-vous pour déjouer les projets des malveillans, obéissez aux Autorités civiles et militaires, et bientôt vos larmes cesseront de couler.

Moscou, le 1er Octobre 1812.

L'Intendant de la ville et de la province de Moscou,

LESSEPS.

ПРОВОЗГЛАШЕНІЕ.

ЖИТЕЛИ МОСКВЫ!

Нещастія ваши жестоки, но Его Величество Императоръ и Король хочетъ прекратить теченіе оныхъ.

Страшные примѣры васъ научили какимъ образомъ онъ наказываетъ непослушаніе и преступленія.

Строгіе мѣры взяты чтобъ прекратить безпорядокъ и возвратить общую безопасность.

Отеческая Администпрація избранная изъ самихъ васъ, составлять будетъ вашъ Муниципалитетъ или Градское Правленіе. Оное будетъ печись объ васъ, объ вашихъ нуждахъ, объ вашей пользѣ.

Члены онаго отличаются красною лентою, которую будутъ носить чрезъ плечо, а градской голова будетъ имѣть сверьхъ онаго бѣлой поясъ. Но исключая время должности ихъ они будутъ имѣть только красную ленту вокругъ лѣвой руки.

Городовая Полиція учреждена по прежнему положенію, а чрезъ ея дѣятельность уже лучшей существуетъ порядокъ. Правительство назначило двухъ генеральныхъ Коммиссаровъ или Полицеймейстеровъ и 20 коммиссаровъ или частныхъ Приставовъ, поставленныхъ во всѣхъ прежнихъ частяхъ города. Вы ихъ узнаете по бѣлой лентѣ, которую будутъ они носить вокругъ лѣвой руки.

Нѣкоторыя церкви разнаго исповѣданія открыты, и въ нихъ безпрепятственно отправляется Божественная служба.

Ваши сограждане возвращаются ежедневно въ свои жилища, и даны приказы, чтобъ они въ нихъ находили помощь и покровительство слѣдуемые нещастію.

Сіи суть средства, которые Правительство употребило, чтобъ возвратить порядокъ и облегчить ваше положеніе; но чтобъ достигнуть до того, нужно чтобъ вы съ нимъ соединили ваши старанія, чтобъ забыли сколь можно ваши нещастія, которыя претерпѣли, предались надеждѣ не столь жестокой судьбы, были увѣрены, что неизбѣжимая и постыдная смерть ожидаетъ тѣхъ, кои дерзнутся на ваши особы, и оставшееся ваши имущества, а напослѣдокъ и не сумнѣвались, что оные будутъ сохранены, ибо такая есть воля величайшаго и справедливѣйшаго изъ всѣхъ Монарховъ.

Жители! какой бы вы націи ни были, возстановите публичное довѣріе, источникъ щастія Государствъ, живите какъ братья съ нашими солдатами, дайте взаимно другъ другу помощь и покровительство, соединившись, чтобъ опровергнуть намѣренія зломыслящихъ, повинуйтесь воинскимъ и гражданскимъ начальствамъ, и скоро ваши слезы течь перестанутъ.

Москва 19 Сентября. / 1 Октября. 1812 года.

Интендантъ или управляющій городомъ и Провинціею Московскою.

ЛЕССЕПСЪ.

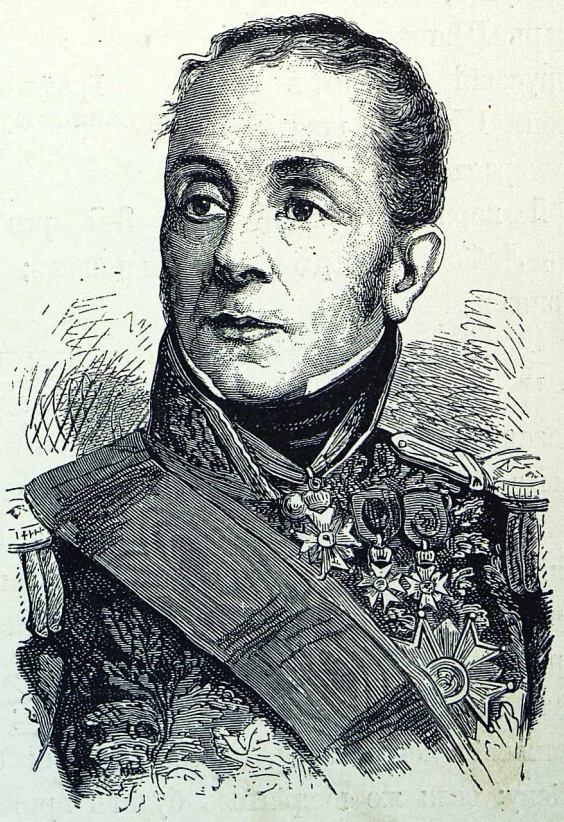
Съ оригинала музея П. И. Щукина.

Маршалъ Сультъ.

результатѣ о крѣпости „надо было разспрашивать, гдѣ она; линіи оной даже не были означены. Все время, замѣчаетъ Ермоловъ, повидимому, было употреблено, дабы дать правдоподобіе расходамъ похищенныхъ суммъ“. Разумѣется, что крѣпость Динабургъ никакой роли въ кампаніи не сыграла и была оставлена безъ защиты. Вотъ каковы были инженеры, но хуже еще оказалось интендантство. При отступленіи нашей арміи пришлось сжечь или бросить непріятелю запасные магазины. Это послужило къ колоссальнымъ злоупотребленіямъ: горѣли магазины, въ которыхъ, по всѣмъ даннымъ, не могло быть ни одной четверти овса и ни одного пуда сѣна.

Послѣ того какъ рушились всѣ надежды на поддержку поляковъ, съ одной стороны, а съ другой, стало извѣстно о союзѣ Наполеона съ Австріей и Пруссіей, въ главномъ штабѣ нашей арміи царствовалъ полный хаосъ. Тотъ же историкъ Богдановичъ говоритъ: „Въ то время, когда Наполеонъ готовился вторгнуться въ Россію, никто у насъ не могъ въ точности опредѣлить — ни образа дѣйствій нашихъ армій, ни направленія, по которому слѣдовало двигаться въ случаѣ отступленія, ни конечнаго пункта, къ коему довелось намъ отступать“.

Очень распространено мнѣніе, что „скиѳская тактика“ заманиванія французской арміи въ глубь Россіи была рѣшена съ самаго начала, по крайней мѣрѣ, съ того момента, когда мы отказались отъ вторженія въ Польшу. Принцъ Евгеній, въ седьмомъ томѣ своихъ записокъ, говоритъ: „Les Russes fuaient toujours sans vouloir combattre. Cette retraite semblait le résultat d'un plan prémédité“ (Русскіе постоянно бѣжали, не желая сражаться. Это отступленіе, казалось, было результатомъ плана, предрѣшеннаго заранѣе), т.-е. подтверждаетъ такое мнѣніе: мало этого, цитируя отдѣльныя фразы Императора Александра и Барклая, указываетъ на то, что планъ таковой былъ составленъ задолго по войны. Между тѣмъ не было сколько-нибудь удобной позиціи, на пространствѣ отъ Вильны до Москвы, гдѣ бы наша армія не готовилась принять бой. Самъ главнокомандующій ея, Барклай, неоднократно заявлялъ о своей готовности и рѣшимости дать сраженіе Наполеону, о чемъ заявлялъ не только публично, что могло бы еще быть объяснено, какъ средство поднять упавшее настроеніе войскъ, но и въ частныхъ своихъ письмахъ дѣлового характера говорилъ о томъ же. Императоръ же Александръ даже послѣ того, какъ оборонительная тактика блестяще оправдалась полнымъ разложеніемъ французской арміи, все еще находилъ возможность пенять Барклаю, что онъ не принялъ сраженія подъ Смоленскомъ, т.-е. не отступилъ отъ оборонительной тактики. Очевидно, что и у того и у другого или не было полной искренности, когда они грозили Наполеону заманить его чуть не въ Сибирь, или не хватало духа привести подобный планъ въ исполненіе. Какъ бы то ни было, это были одни слова, не имѣвшія никакого вліянія на дѣйствія нашей арміи. По справедливому замѣчанію А. П. Ермолова, средство отступленія, единственное въ положеніи нашемъ, слишкомъ хорошо истолковано было превосходствомъ силъ непріятельскихъ. Но какъ и куда отступать, это оставалось совершенной загадкой для руководителей русской арміи.



Маршалъ Груши.

14 апрѣля Императоръ Александръ прибылъ въ Вильну, гдѣ былъ восторженно встрѣченъ жителями. Графъ Беннигсенъ говоритъ, „что генералитетъ и прочее офицерство, находившееся въ Вильнѣ, образовали довольно значительный кортежъ, выѣхавшій за городъ навстрѣчу Государю. При приближеніи къ городу, Его Величество сѣлъ на лошадь и въѣхалъ въ Вильну при звукахъ колоколовъ, звонившихъ во всѣхъ церквахъ, въ то время какъ изъ орудій былъ произведенъ 101 выстрѣлъ. Представители города и еврейскій кагалъ ожидали Государя у заставы, гдѣ они привѣтствовали его подходящими случаю рѣчами. Приблизившись къ собору, гдѣ уже находился епископъ и знатнѣйшія духовныя лица, Его Величество сошелъ съ лошади и выслушалъ привѣтствіе епископа, отъ имени всего духовенства, по случаю пріѣзда и пожеланія о спасеніи Особы Государя и Имперіи. Послѣ сего Монархъ снова сѣлъ на лошадь. По пути слѣдованія Государя всѣ улицы и окна въ домахъ были переполнены народомъ. Словомъ, въѣздъ Императора Александра въ Вильну былъ поистинѣ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, достойнымъ Императора всей Россіи. Въ числѣ высокопоставленныхъ особъ, сопровождавшихъ Государя въ армію, прибыли, между прочимъ, Е. И. В. Принцъ Георгъ Ольденбургскій, зять Государя, и его братъ, наслѣдный принцъ Августъ. Великій князь Константинъ Павловичъ, находившійся уже съ гвардіей въ Видзѣ, также пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Вильну. Въ государевой свитѣ находились: генералы баронъ Армфельдтъ и графъ Аракчеевъ, канцлеръ гр. Румянцевъ, министръ полиціи Балашовъ, графъ Кочубей, статсъ-секретарь Шишковъ, бывшій прусскій министръ баронъ Штейнъ, шведскій генералъ баронъ Левенгельмъ и др. Когда Александръ былъ въ Вильнѣ, арміи его, въ готовности встрѣтить врага, занимали слѣдующее расположеніе. Главная квартира 1-й арміи въ Вильнѣ; 1-й корпусъ гр. Витгенштейна въ Россіенѣ и Кайданахъ; авангардъ, подъ командой Кульнева, въ Юрбургѣ, а 2-й корпусъ, Багговута, между рѣками Свентою и Виліею; авангардъ Всеволожскаго при Яновѣ; 3-й корпусъ, Тучкова, имѣя авангардъ князя Шаховского, въ Высокомъ Дворѣ; 4-й корпусъ, графа Шувалова, въ Олькеникахъ; авангардъ, подъ начальствомъ Дорохова, въ Оранахъ; 6-й корпусъ Дохтурова и 3-й резервный кавалерійскій у Лиды; авангардъ графа Палена въ Лебіодѣ; гвардія въ Свенцянахъ; 1-й резервный кавалерійскій въ Вилькомирѣ; 2-й въ Сморгоняхъ.

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ,
трудами котораго русская артиллерія оказалась въ 1812 г. выше французской.

2-я армія имѣла главную квартиру и 8-й корпусъ Бороздина, у Волковиска, 7-й Раевскаго у Новаго Двора и 4-й резервный кавалерійскій у Зельны; 3-я армія стояла у Луцка; Платовъ съ казаками былъ въ Гродно. Для защиты Припети находился въ Мозырѣ корпусъ Эртеля изъ запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ въ числѣ 9.500 человѣкъ.

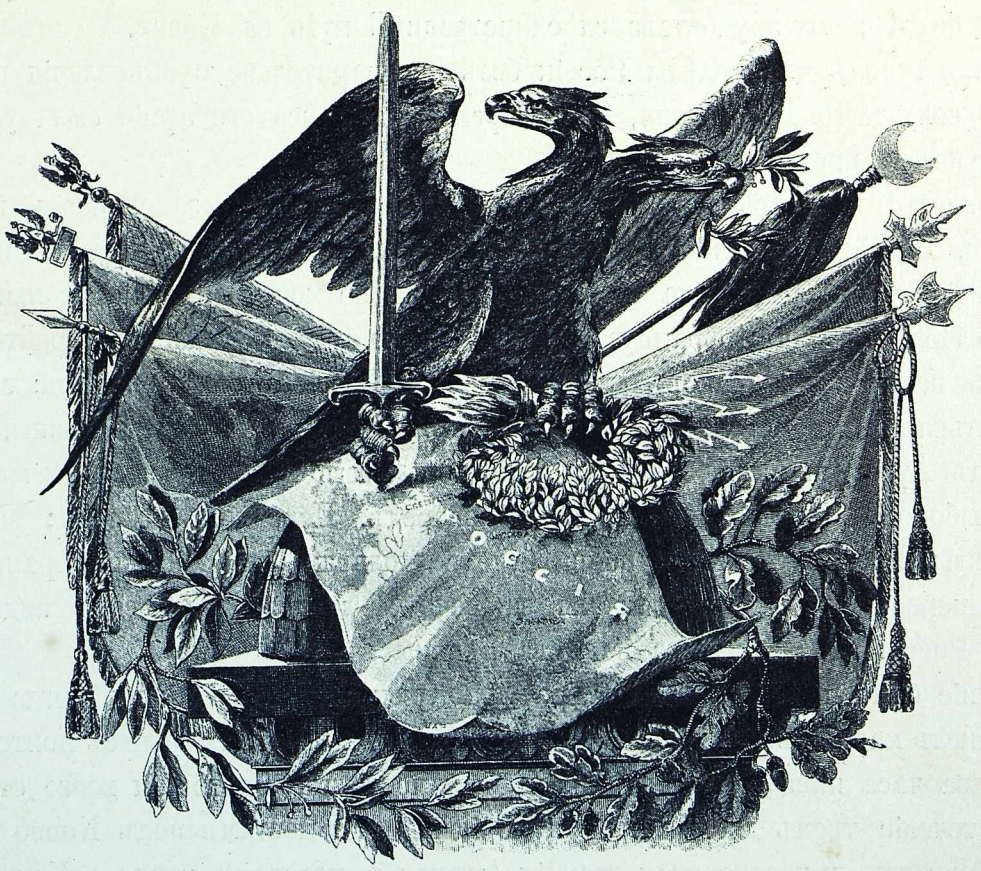
Причины такого растянутаго и опаснаго расположенія нашихъ армій, въ виду превосходныхъ силъ непріятеля, были: неизвѣстность, въ какомъ мѣстѣ Наполеонъ вторгнется въ Россію, и необходимость облегченія продовольствія войскъ. Полагали, что непріятель устремится на Вильну, поэтому предписано было: 1-й арміи отступить и собраться въ окрестностяхъ Свенцянъ; Платову дѣйствовать во флангъ и тылъ французамъ; 2-й арміи подкрѣплять Платова, а Тормасову наблюдать движенія непріятелей, и если бы они обратились на него въ превосходныхъ силахъ, отойти къ Кіеву; если же непріятель будетъ противъ него въ незначительномъ числѣ, слѣдовать къ Пинску и вмѣстѣ съ Эртелемъ напасть на правый флангъ тѣхъ непріятельскихъ войскъ, которыя обратятся

противъ князя Багратіона. Сакенъ долженъ былъ остановиться у Стараго-Константинова, для наблюденія за Галиціей.

Призванный вновь на службу графъ Беннигсенъ, жившій на своей дачѣ близъ Вильны и бывшій во время послѣдней войны главнокомандующимъ, говоритъ, что онъ указалъ Государю на то, что „во главѣ арміи долженъ стоять человѣкъ съ русскимъ именемъ“. А при обсужденіи позицій, занятыхъ нашей арміей, замѣтилъ: „позицію, занятую нами, нахожу опасной, такъ какъ войска слишкомъ удалены одно отъ другого, и Наполеонъ, сосредоточивъ главную массу своихъ силъ, могъ двинуться съ ними къ границѣ Литвы и пройти между 1-й и 2-й арміей, чтобы пресѣчь ихъ сообщеніе и не дать имъ поддержать другъ друга, поэтому я находилъ, что слѣдовало не теряя времени сблизить 2-ю армію съ 1-й. Его Величество одобрилъ мою мысль и приказалъ въ тотъ же день двинуть Волынскую армію въ Гродненскую губернію“.

Адмиралъ Василій Яковлевичъ Чичаговъ.

Самымъ важнымъ событіемъ, случившимся во время пребыванія Александра въ Вильнѣ, былъ пріѣздъ адъютанта адмирала Чичагова, командующаго молдавской арміею, дѣйствовавшей противъ турокъ, привезшаго донесенія о заключеніи имъ мира, что предоставляло въ распоряженіе Александра боевую 40.000 армію. Другое же событіе могло имѣть печальныя послѣдствія: именно, лица свиты Государя съ его разрѣшенія дали балъ въ Закретѣ, загородномъ домѣ Беннигсена, гдѣ за неимѣніемъ большой залы, мѣстный архитекторъ соорудилъ галлерею въ саду. Наканунѣ бала Государь получилъ записку, что эта галлерея должна рухнуть во время танцевъ. Начальнику военной полиціи де-Санглену поручено было осмотрѣть постройку, но едва онъ успѣлъ пріѣхать, какъ галлерея разсыпалась, а архитекторъ скрылся.



Медальонъ работы графа Ѳ. П. Толстого.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ля своего вторженія въ Россію, Наполеонъ могъ избрать одинъ изъ слѣдующихъ четырехъ путей: 1) чрезъ Кіевъ на Москву; 2) чрезъ Гродно и Смоленскъ на Москву; 3) чрезъ Ковно, Вильно, Витебскъ на Москву и 4) чрезъ Тильзитъ, Митаву, Ригу, Нарву на Петербургъ. Первое и четвертое направленія были имъ отвергнуты, такъ какъ первое слишкомъ отдавало французовъ во власть Австріи, а четвертое — во власть Пруссіи. Путь на Гродно былъ также неудобенъ по причинѣ Пинскихъ болотъ; поэтому оставался единственный путь на Ковно.

Наполеонъ вступилъ въ предѣлы Россіи безъ предварительнаго объявленія войны. Онъ лишь объявилъ своимъ солдатамъ 11/23 іюня, въ то время, когда вся его армія была уже сосредоточена на Нѣманѣ, слѣдующую прокламацію:

„Солдаты! началась вторая Польская война. Первая закончилась въ Фридландѣ и Тильзитѣ, Россія клятвенно обѣщала быть вѣчной союзницей Франціи и вести войну съ Англіей. Нынѣ она нарушила свою клятву. Она не хочетъ объяснить свое странное поведеніе до тѣхъ поръ, пока французскимъ орламъ не будетъ приказано перейти обратно Рейнъ, оставивъ нашихъ союзниковъ въ его власти. Россію увлекаетъ рокъ; ея судьба должна совершиться. Развѣ мы упали въ ея глазахъ? Развѣ мы не тѣ же воины, которые сражались подъ Аустерлицемъ? Она предоставляетъ намъ выборъ между безчестіемъ и войною: двухъ выборовъ быть не можетъ. Идемъ впередъ. Перейдемъ Нѣманъ; внесемъ войну въ ея предѣлы. Вторая Польская война будетъ столь же славной для французскаго оружія, какъ и первая. Миръ, который мы заключимъ, положитъ предѣлъ надменному вліянію, каковое Россія имѣла полвѣка на дѣла Европы“.

Это воззваніе было прочитано солдатамъ французской арміи 24 іюня, когда къ Нѣману противъ Ковно подошелъ маршалъ Даву съ 80.000 корпусомъ и генералъ Эбле съ понтонерами, который менѣе, чѣмъ въ два часа навелъ черезъ Нѣманъ три моста, въ разстояніи всего ста саженъ одинъ отъ другого. Въ теченіе трехъ дней 24, 25 и 26 іюня — по мостамъ подъ Ковно прошли корпусъ Даву, кавалерія Мюрата, императорская гвардія (старая и молодая), корпуса Удино и Нея. Переправу началъ авангардъ корпуса Даву, подъ командою дивизіоннаго генерала Морана, при чемъ

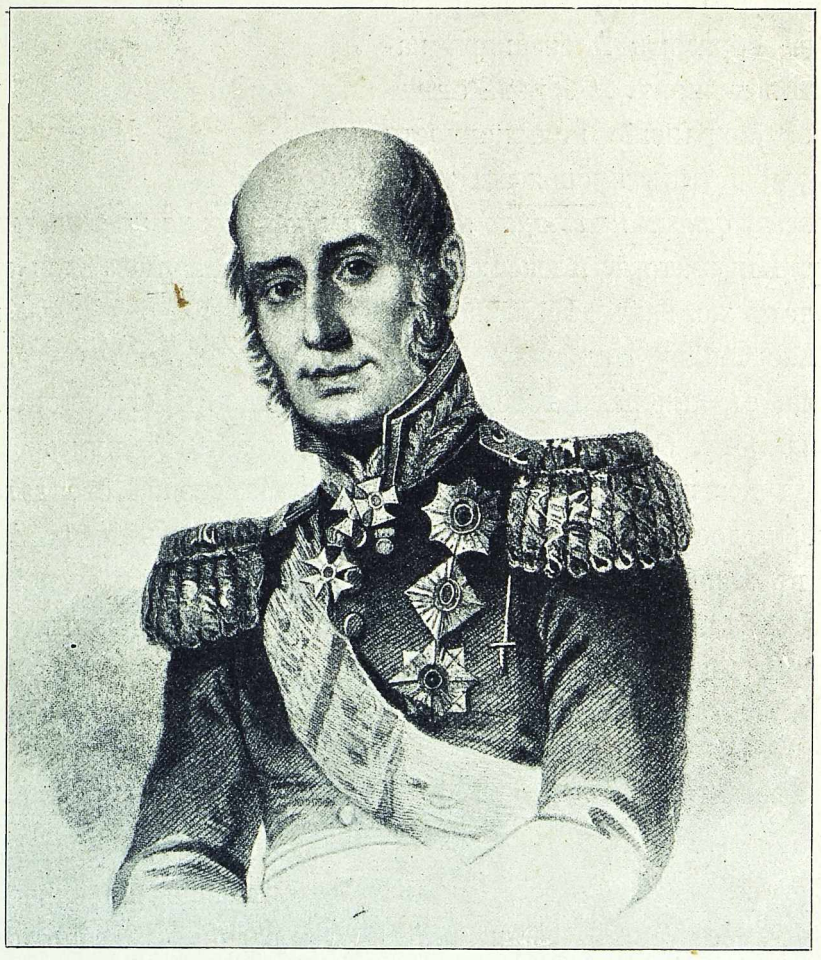
Наполеонъ, одѣтый въ мундиръ польскихъ уланъ, гарцовалъ на берегу Нѣмана, любуясь переправою своихъ войскъ.

Нашимъ аванпостамъ было приказано при приближеніи непріятеля отступать къ своимъ корпусамъ.

10-й корпусъ Макдональда, съ войсками короля Прусскаго, перешелъ Нѣманъ при Тильзитѣ, вступилъ въ Самогитію и двинулся къ Россіенамъ, а оттуда на Шавли.

5, 7 и 8-й корпуса, подъ командою короля вестфальскаго, перешли Нѣманъ у Гродно. Вице-король итальянскій съ 4 и 6-мъ корпусами перешелъ Нѣманъ у Ковно и Гродно.

Французская армія, вслѣдствіе дурной, холодной и дождливой погоды и недостатка фуража, потеряла на пути отъ границы до Вильны нѣсколько тысячъ упряжныхъ и орудійныхъ лошадей. Принцъ Евгеній пишетъ въ своихъ запискахъ, что лошади на дорогѣ падали сотнями (ils tombaient par centaines sur la route). Князь Шварценбергъ съ австрійцами и саксонцами, подъ командою французскаго генерала Ренье, а также поляками перешелъ границу въ Дрогочинѣ и переправился черезъ Бугъ, оставивъ Брестъ вправо, и, чтобы избѣжать Бѣловѣжскую пущу, пошелъ въ Шерехово, гдѣ онъ устроилъ свою главную квартиру.



Князь Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли.

Маршалъ Викторъ съ 8-мъ корпусомъ остался въ Варшавѣ. Всего у Наполеона было около 400 тысячъ человѣкъ съ 1.000 орудій. Въ тотъ самый день, когда „Великая армія“ начала переправу черезъ Нѣманъ, Императоръ Александръ находился близъ Вильны на празднествѣ, которое его офицеры устроили высшему виленскому обществу. Здѣсь вечеромъ Александръ получилъ донесеніе о вступленіи французовъ на русскую землю. 14/26 іюня Государь приказалъ императорской квартирѣ выѣзжать въ тотъ же день изъ Вильны въ Свенцяны. Одновременно былъ отданъ приказъ, чтобы правительственныя власти оставили Вильну и удалились во внутреннія губерніи Россіи со всѣми бумагами, которыми французы могли бы воспользоваться для организаціи гражданскаго управленія. То же велѣно было дѣлать всѣмъ губернаторамъ при приближеніи непріятеля, и это ставило французовъ часто въ затруднительное положеніе относительно реквизицій и запасныхъ магазиновъ; все, что могло служить къ продовольствію французской арміи, было сожжено или уничтожено. Государь уѣхалъ изъ Вильны поздно вечеромъ 14 іюня, и передъ своимъ отъѣздомъ онъ обратился къ войску съ такимъ воззваніемъ:

„Съ давняго времени примѣчали мы непріязненные противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены были мы ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ нашей имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго спокойствія. Французскій императоръ, нападеніемъ на войска наши при Ковно, открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается намъ ничего иного, какъ, призвавъ на помощь Сви-

дѣтеля и Заступника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ".

Александръ.

Маршалъ Мюратъ.

Подобнаго же содержанія рескриптъ былъ отправленъ въ Петербургъ къ фельдмаршалу графу Салтыкову. Послѣднія его слова заключали въ себѣ тайну того, какимъ образомъ Александръ намѣревался бороться съ Наполеономъ. „Оборона отечества, говорилъ Государь, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на брань. *Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ*".

Оставивъ Вильну, Императоръ Александръ отправилъ Балашова для мнимыхъ переговоровъ съ Наполеономъ, точно такъ же, какъ нѣсколько дней ранѣе Наполеонъ, желая выиграть время, присылалъ въ Вильну къ Александру Нарбонна, которому былъ оказанъ большой почетъ. Это былъ человѣкъ стараго режима, съ манерами говорившими о знатности его происхожденія, почему Александръ находилъ, повидимому, большое удовольствіе бесѣдовать съ нимъ.

Во время перехода между Ковно и Вильной армія Наполеона страдала отъ страшной жары. Передовыя части кавалеріи достигли литовской столицы въ ночь съ 15 на 16 іюня, и утромъ слѣдующаго дня вступилъ въ Вильну самъ Наполеонъ. Проголодавшіеся солдаты стали грабить предмѣстья, что значительно охладило встрѣчу со стороны обывателей. Наполеонъ совсѣмъ не нашелъ того энтузіазма, съ которымъ встрѣчали его въ собственной Польшѣ. У него даже вырвалось съ языка такое замѣчаніе: „Эти поляки совсѣмъ не похожи на познанскихъ". Потомъ удалось собрать шляхту, которая, при возобновившемся энтузіазмѣ, одобрила рѣшеніе варшавскаго сейма о возстановленіи Польши и стала называть день въѣзда въ Вильну — днемъ освобожденія земли Гедиминовой.

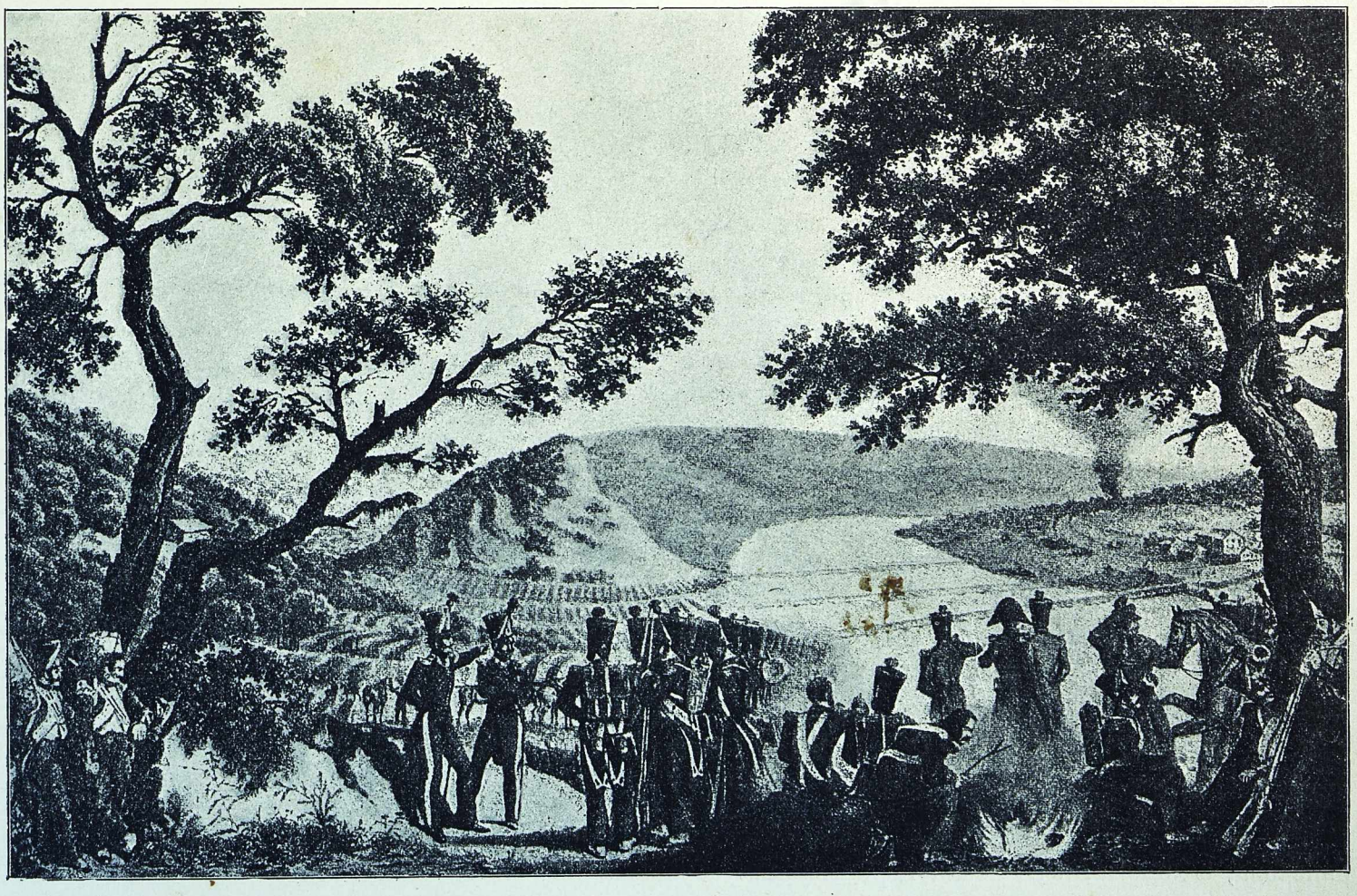
Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ.

Впрочемъ, Наполеонъ далъ Литвѣ особое отъ Польши устройство, съ цѣлью управлять ею непосредственно и надежнѣе распоряжаться ея средствами. Онъ раздѣлилъ страну на четыре губерніи—Виленскую, Гродненскую, Минскую и Бѣлостокскую.

Въ Литвѣ обнаружился тотъ бичъ, которому суждено было сгубить армію Наполеона. За недостаткомъ правильной организаціи интендантства, невозможной при такихъ огромныхъ разстояніяхъ и очень плохихъ дорогахъ, солдаты пріучились болѣе, чѣмъ когда-либо, жить на счетъ страны и бродить съ цѣлью

мародерства. Въ Минскѣ въ то самое время, когда въ соборѣ совершали молебствія о возрожденіи Польши, они ограбили военные склады. Такъ какъ большинство мародеровъ превращалось въ дезертировъ, особенно солдатъ союзниковъ французовъ, то ряды полковъ стали быстро рѣдѣть. Съ 18 по 19 іюня разразились грозы, которыя вызвали рѣзкое паденіе температуры, испортили дождями-ливнями дороги, что повело къ гибели лошадей въ ужасающемъ количествѣ, и это привело къ тому, что французамъ не удалось настичь русскихъ при ихъ отступленіи, во время котораго наши войска въ свою очередь начали опустошать страну.

Занявъ Вильну, Наполеонъ стремился разъединить русскія арміи. Съ этой цѣлью онъ отправилъ маршала Даву съ пятидесятитысячнымъ корпусомъ на Минскъ, который долженъ былъ преградить войскамъ Багратіона пути, ведущіе къ первой русской арміи. Узнавъ объ этомъ, Багратіонъ 23 іюня двинулся также на Минскъ и 24 іюня былъ уже у мѣстечка Мира, но дальнѣйшее движеніе было опасно, такъ какъ у Минска уже были сильные непріятельскіе отряды, черезъ которые не было почти никакой возможности пробиться къ городу. Губернаторомъ минскимъ въ то время былъ Павелъ Михайловичъ Добринскій (1812—1817 г.); онъ не предполагалъ, что непріятель съ такой быстротою двинется на Минскъ, и только 24 іюня, почти въ виду непріятеля, были приняты мѣры къ высылкѣ изъ Минска цѣннаго казеннаго имущества въ болѣе безопасныя мѣста, а чиновникамъ губернаторъ предложилъ оставить городъ. Въ городѣ поднялась страшная суматоха: спѣшно грузилось казенное имущество; дѣла правительственныхъ учрежденій было рѣшено отправить въ Черниговъ водою, но при общей сумятицѣ увезти удалось немного; денежная же казна была отправлена въ Рѣчицу, избранную мѣстомъ временнаго пребыванія губернатора. Изъ Рѣчицы денежныя суммы должны были быть отправлены отчасти въ Смоленскъ, а главнымъ образомъ въ Рѣчицкое уѣздное казначейство, для сдачи ихъ въ бывшую здѣсь Казенную Палату. Бывшій въ Минскѣ въ то время преосвященный Серафимъ (1812—1816 г.), узнавъ 24 іюня о приближеніи непріятеля, въ тотъ же день, въ 11 час. вечера, забравъ самое цѣнное изъ Архіерейской церкви, выѣхалъ въ Смоленскъ съ соборнымъ духовенствомъ, священникомъ Екатерининской церкви и консисторскими чиновниками, соборное же имущество было вывезено на четырехъ повозкахъ; архіерейскій домъ былъ порученъ двумъ старцамъ-іеромонахамъ. Губернаторъ вмѣстѣ съ губернскимъ прокуроромъ и нѣкоторыми



Переходъ французской арміи черезъ Нѣманъ при г. Ковно.

Генералъ Нарбоннъ.

другими чинами правительственныхъ учрежденій отправился сначала въ Борисовъ, а потомъ въ Рѣчицу, гдѣ оставался до освобожденія Минска. Все русское населеніе Минска поспѣшно спасалось бѣгствомъ, а крестьяне со своимъ имуществомъ скрывались въ лѣсахъ или бѣжали внутрь Россіи, опустошая все на своемъ пути, по которому потомъ прошли французскія войска; что же касается поляковъ, то они не думали бѣжать изъ города и спокойно, съ радостью ожидали французовъ, видя въ нихъ своихъ будущихъ освободителей, и тѣ учрежденія, гдѣ преобладалъ польскій элементъ, никакихъ мѣръ къ отправленію изъ Минска не предпринимали, а, напротивъ, приготовлялись къ торжественной встрѣчѣ французовъ. По выѣздѣ изъ города русскихъ чиновниковъ поляки организовали временный совѣтъ для охраны магазиновъ съ провіантомъ и спокойствія жителей; предсѣдателемъ совѣта былъ избранъ президентъ перваго департамента минскаго главнаго суда Л. Каминскій, а членами были президентъ второго департамента того же суда Ходзько и минскій уѣздный предводитель дворянства И. Монюшко, а также члены городского магистрата. Благодаря заботливости членовъ этого совѣта, минскіе магазины не были сожжены и достались непріятелю, который здѣсь нашелъ до 7.500 пудовъ муки, много овса и 1.500 фунтовъ пороха; кромѣ того, былъ захваченъ непріятелемъ также большой запасъ лазаретнаго имущества. Маршалъ Даву занялъ Минскъ 26 іюня и былъ торжественно встрѣченъ поляками. Квартира ему была отведена на Высокомъ рынкѣ (нынѣ Соборная площадь) въ домѣ, примыкавшемъ къ костелу; эта площадь была украшена въ то время зданіемъ ратуши, іезуитской коллегіей, уніатскимъ монастыремъ и православнымъ соборомъ. Въ теченіе двухъ дней войска корпуса Даву успѣли придвинуться къ Минску и запрудили городъ, но, впрочемъ, въ Минскѣ оставался только генералитетъ, а войска расположились въ окрестностяхъ. 28 іюня было назначено торжественное богослуженіе въ костелѣ, по поводу успѣховъ французскихъ войскъ и освобожденія Минска отъ русскаго владычества; послѣ этого богослуженія Даву произвелъ смотръ войскамъ. Первоначальный французскій губернаторъ города Минска генералъ Барбанегръ былъ переведенъ въ Борисовъ, а его мѣсто заступилъ генералъ Брониковскій. По мысли Наполеона Минскъ долженъ былъ играть роль центральнаго склада провіанта и сборнаго пункта больныхъ, раненыхъ и отсталыхъ; согласно этой мысли приступили къ устройству магазиновъ и складовъ въ Минскѣ для продовольствія, при чемъ воспользовались прежними магазинами и частными зданіями. Затѣмъ маршаломъ Даву былъ устроенъ въ Минскѣ госпиталь на двѣсти человѣкъ; самымъ подходящимъ зданіемъ для госпиталя была мужская гимназія; кромѣ гимназіи были заняты подъ лазареты соборъ, Екатерининская церковь, зданія присутственныхъ мѣстъ, острогъ, монастыри и много частныхъ домовъ. Предпринимая все это, французы разсчитывали на поддержку населенія, и хотя мѣстные жители отозвались на словахъ, но пожертвованія шли вяло, и положеніе больныхъ французскихъ солдатъ въ госпиталѣ было далеко незавидное. Съ переходомъ Минска въ руки поляковъ наступило для города торжество католицизма: проявленіемъ этого торжества было переселеніе епископа Іакова Дэдерко въ помѣщеніе минскаго православнаго епископа, а домовая Успенская церковь была обращена въ костелъ. Послѣ занятія въ концѣ 1812 г. Минска рус-

Александръ Дмитріевичъ Балашовъ.

скими, епископъ Дэдерко не выѣзжалъ изъ дому и даже обращался въ 1813 г. съ просьбой къ главноуправляющему дѣлами иностранныхъ исповѣданій о предоставленіи архіерейскаго дома для постояннаго мѣстожительства католическаго епископа, но просьба его была отклонена; однако и послѣ этого онъ не торопился выѣзжать изъ Минска и выѣхалъ только въ маѣ 1814 г.; противъ него было начато дѣло; но епископъ Дэдерко оправдывался тѣмъ, что онъ лишь оберегалъ домъ и церковь отъ поруганія. Дѣло тянулось 25 лѣтъ, и только въ 1837 г. взысканы были деньги за вещи, взятыя епископомъ Дэдерко изъ архіерейскаго дома.

По мѣрѣ того, какъ приближались французскія войска, наши корпуса, согласно полученному ими приказанію, начали отступать, избѣгая серьезныхъ столкновеній съ непріятелемъ. Корпуса Тучкова и графа Шувалова направились къ Вильнѣ, впереди которой заняли позиціи между рѣкою Виліею и селомъ Подвысокимъ; графъ Витгенштейнъ шелъ чрезъ Вилькомиръ на Солохъ. Опасаясь, чтобы французы, выступивъ изъ Ковны, не пришли ранѣе его въ Вилькомиръ, онъ условился съ генераломъ Уваровымъ, чтобы послѣдній держался въ этомъ городѣ до его прихода, куда и прибылъ 15 іюня. Арьергардъ его, подъ начальствомъ генералъ-майора Кульнева оборонялъ мостъ при мѣстечкѣ Девельтовѣ. Того же числа корпусъ маршала Удино занялъ Шаты, а на другой день двинулся впередъ, при чемъ авангардъ его встрѣтился утромъ, при Девельтовѣ, съ арьергардомъ Кульнева и былъ отраженъ его артиллеріей, состоявшей всего изъ 6 орудій. Въ полдень Удино со всѣмъ своимъ корпусомъ возобновилъ атаку. Кульневъ, къ которому прибылъ драгунскій полкъ, присланный Уваровымъ, хотѣлъ-было держаться, но, видя превосходство непріятеля, сталъ отступать къ Вилькомиру. Непріятельская кавалерія быстро прошла чрезъ м. Девельтово, намѣреваясь преслѣдовать русскихъ. Но Кульневъ рѣшился стоять твердо, чтобы дать время главному корпусу перейти рѣку Свенту. Наша кавалерія и артиллерія цѣлыхъ два часа удерживали французовъ; получа свѣдѣніе, что гр. Витгенштейнъ уже оканчиваетъ переправу, Кульневъ опять сталъ отступать къ Вилькомиру и былъ принужденъ непріятелемъ перейти за рѣку Свенту. Кульневъ, покидая г. Вилькомиръ, зажегъ провіантскіе магазины. Въ этой схваткѣ Кульневъ потерялъ 60 чел. убитыми и 38 раненыхъ, а непріятель понесъ уронъ 250 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Корпусъ Багговута перешелъ изъ Ширвинта къ Гедройцамъ. Генералъ Дохтуровъ, по какому-то недоразумѣнію, не получилъ

Графъ Леонтій Леонтьевичъ Беннигсенъ.

Генералъ Коленкуръ.

приказанія куда отступать; поэтому, не зная куда направиться, получа извѣстіе о приближеніи непріятеля, онъ рѣшилъ пойти на Ошмяны, гдѣ встрѣтилъ довольно значительныя силы непріятеля, которыя могли преградить ему путь. Тогда Дохтуровъ смѣло пробился и повелъ свой полкъ по Сморгонской дорогѣ и, отступая, сумѣлъ держать непріятеля, преслѣдовавшаго его по пятамъ, въ такомъ респектѣ, что тотъ не рѣшался серьезно атаковать его арьергардъ. Пройдя Вилейку, генералъ Дохтуровъ присоединился къ 1-й арміи. Гвардія осталась въ Свенцянахъ.

Графъ Сиверсъ.

Наполеонъ, окончивъ переправу войскъ у Ковны, выступилъ на Жижморы. Впереди по почтовой столбовой дорогѣ шелъ Мюратъ съ кавалерійскими корпусами Нансути и Монбрена; за ними Даву и гвардія. Удино двигался правымъ берегомъ Виліи, а Ней шелъ лѣвымъ на Скорули, съ приказаніемъ поворотить оттуда на Вильну, или, въ случаѣ надобности, служить подкрѣпленіемъ Удино. Первою задачею Наполеона было овладѣть Вильною, какъ главнымъ городомъ Литвы. 15-го іюня корпуса Тучкова и Шувалова оставили Вильну.

Императорская квартира 16 іюня прибыла въ Свенцяны, гдѣ пробыла и 17-е число, а на другой день выступила оттуда и 19-го расположилась въ Видзахъ, пройдя 56 верстъ. 23 іюня была въ Бельмонтѣ, а 25 числа, пройдя Самогитію, прибыла въ Дрисскій укрѣпленный лагерь, созданный по проекту прусскаго генерала Пфуля, перешедшаго въ русскую службу. Лагерь этотъ состоялъ въ комбинаціи системы укрѣпленныхъ лагерей, представлявшихъ тогда послѣднее слово стратегіи, практически подтвержденное опытомъ португальской кампаніи Велингтона (лагерь у Торресъ-Ведрасъ), съ полузабытымъ опытомъ Семилѣтней войны. Въ планѣ Пфуля было два момента: одинъ состоялъ въ устройствѣ укрѣпленнаго лагеря, гдѣ могла бы укрыться цѣлая армія, другой въ раздѣленіи самой арміи на двѣ части, одна изъ которыхъ удерживала бы непріятеля передъ этимъ лагеремъ, другая дѣйствовала бы ему во флангъ и тылъ. Такова была теорія плана. Графъ Беннигсенъ говоритъ, что Императоръ Александръ приказалъ ему сдѣлать рекогносцировку этого лагеря, на что имъ было употреблено полторы сутокъ. „Такъ какъ я, пишетъ гр. Беннигсенъ, не ограничился осмотромъ позиціи, а осмотрѣлъ и окрестности, откуда непріятель могъ подойти къ ней. Болѣе 2.000 чел. работало въ теченіе шести мѣсяцевъ надъ этими укрѣпленіями. Ихъ называли Гибралтаромъ. Поэтому можно себѣ представить мое изумленіе, когда я нашелъ тутъ самую плохую, самую невыгодную позицію, какую только можно было избрать для сраженія, которое должно было рѣшить участь кампаніи и, быть-можетъ, государства. Она была переполнена укрѣ-

Яковъ Петровичъ Кульневъ.

пленіями, по большей части плохо расположенными и возведенными самымъ грубымъ образомъ: насыпями, за которыми могъ засѣсть непріятель, редутами и батареями, расположенными одна подъ другой, при чемъ не было обращено вниманія на условія мѣстности, и заднія укрѣпленія рѣдко защищали доступъ въ переднія. Да и могло ли быть иначе, коль скоро генералъ Пфуль нанесъ на планѣ, привезенномъ ему изъ Петербурга, укрѣпленія по своей фантазіи, никогда не видавъ самой позиціи". Когда Александръ спросилъ гр. Беннигсена: „Каково же ваше мнѣніе?", графъ отвѣтилъ: „Намъ необходимо, Государь, оставить эту позицію и занять высоты противоположнаго берега, представляющія для насъ выгодную позицію". На этомъ аудіенція кончилась.

„Когда я вышелъ изъ кабинета, замѣчаетъ гр. Беннигсенъ, Государь послалъ за своимъ адъютантомъ Вольцогеномъ (ѣздившимъ осматривать позиціи съ графомъ), который призналъ, что все сказанное мною относительно занимаемой нами позиціи было справедливо. Вскорѣ послѣ этого, генералъ-адъютантъ князь Волконскій сообщилъ Государю, что полковникъ Мишо, выдающійся офицеръ генеральнаго штаба, знатокъ военнаго дѣла, осматривалъ позицію и также нашелъ ее неудовлетворительной. Александръ приказалъ явиться Мишо къ нему. Онъ описалъ позицію въ тѣхъ же краскахъ, какъ я, и кончилъ свой докладъ словами:

Князь Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ.

„Было бы очень полезно прислать сюда всѣхъ молодыхъ людей, изучающихъ фортификацію, чтобы они видѣли ошибки, которыхъ имъ слѣдуетъ избѣгать, они нашли бы ихъ въ этой позиціи".

Тогда Государь рѣшилъ пригласить нѣсколько свѣдущихъ лицъ, чтобы обсудить вмѣстѣ съ ними, какія мѣры надлежало принять при данныхъ обстоятельствахъ. Членами этого военнаго совѣта были избраны: зять Императора, принцъ Георгій Ольденбургскій, графъ Аракчеевъ, Барклай-де-Толли, князь Волконскій, полковники Мишо и Вольцогенъ. Когда они собрались, Александръ обратился къ Мишо и приказалъ ему повторить все, что докладывалъ ему о позиціи. Когда онъ кончилъ, Государь сказалъ: „Другіе докладывали то же самое". Обсудивъ вмѣстѣ съ присутствующими, что же надлежало сдѣлать, чтобы избѣжать опасности, Государь приказалъ оставить Дрисскій лагерь. „Рѣшеніе покинуть Дрисскій лагерь естественно, говоритъ Беннигсенъ, разрушило весь операціонный планъ Пфуля, который увѣрялъ, что Наполеонъ пойдетъ за нами по пятамъ и атакуетъ насъ на этой позиціи, которую онъ считалъ настолько сильной, что, по его мнѣнію, непріятель сразу потерпитъ пораженіе, несмотря на то, что онъ значительно превосходилъ насъ силами". Защитники Пфуля говорили, что для его плана вовсе не было нужно, чтобы русская армія была растянута вдоль всей западной границы на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ отдѣльными корпусами, которые потомъ соединялись передъ лицомъ превосходныхъ силъ непріятеля съ величайшимъ трудомъ и постоянною опасностью быть отрѣзанными. Такое расположеніе войскъ имѣло бы смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы предполагалось упорно защищать линію Нѣмана, но это не входило ни въ планъ Пфуля, ни, повидимому, въ намѣренія русскаго генеральнаго штаба, такъ какъ Наполеону было предоставлено перепра-

Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.

виться черезъ Нѣманъ безъ единаго выстрѣла. Далѣе, для плана Пфуля было существенно необходимо, чтобы вторая армія, направленная во флангъ и тылъ Наполеона, обладала достаточными размѣрами, для самостоятельныхъ дѣйствій. Между тѣмъ, въ то время, какъ первая армія, сосредоточенная въ лагерѣ при Дриссѣ, заключала въ себѣ 110 — 120 тысячъ человѣкъ, вторая армія князя Багратіона имѣла не болѣе 40 тысячъ штыковъ. Въ такомъ видѣ вторая армія была слабѣе двухъ Наполеоновскихъ корпусовъ; и ей ничего не оставалось, кромѣ поспѣшнаго отступленія въ глубь страны, впредь до соединенія съ первой арміей. Такое распредѣленіе силъ обезсмысливало въ корнѣ операціонный планъ Пфуля, который врядъ ли можно объяснить естественной ограниченностью человѣческаго предвидѣнія. Скорѣе здѣсь мы видимъ образчикъ перевѣса придворныхъ соображеній надъ военными. При первой арміи былъ Императоръ Александръ, она должна была закрывать дорогу въ Петербургъ, если бы Наполеонъ избралъ это направленіе — причины слишкомъ достаточныя, чтобы въ рукахъ Барклая сосредоточить втрое болѣе войска, чѣмъ у Багратіона.

Однако Наполеонъ не пошелъ этой дорогой, такъ какъ завладѣть Петербургомъ совсѣмъ не входило въ его планы—походъ вдоль береговъ Балтійскаго моря все время подставлялъ бы его лѣвый флангъ подъ удары англичанъ и шведовъ. Да и обладаніе административнымъ центромъ Россіи—Петербургомъ ни къ чему не вело. Одно, оно давало бы возможность замкнуть кольцо континентальной блокады, но въ то же время всѣ экономическіе рессурсы страны оставались бы въ рукахъ Александра, который могъ продолжать войну до безконечности. А это было бы еще одной изъ причинъ катастрофы; войну надо было кончить быстро, такъ какъ выносить одновременно двѣ такихъ болячки на своемъ тѣлѣ, какъ Россія и Испанія, французская Имперія не могла. Попытка покончить съ Испаніей не удалась, поэтому надо было кончить съ Россіей какъ можно скорѣе. Для этого надо было ударить въ центръ экономической жизни Россіи, захватить въ свои руки узелъ тѣхъ рѣчныхъ дорогъ, которыя являлись тогда почти единственными грузовыми путями, отрѣзать Петербургъ отъ губерній, снабжающихъ его хлѣбомъ, и запереть Императора Александра въ столицѣ. Ставъ между Окой и Волгой, Наполеонъ достигалъ всѣхъ этихъ цѣлей, а поднять французское знамя на башняхъ московскаго Кремля, значило дополнить реальный успѣхъ однимъ изъ сценическихъ эффектовъ, которые Наполеонъ, какъ великій актеръ, такъ цѣнилъ, и безъ которыхъ никогда не обходилась его политика, отъ похода къ пирамидамъ въ Египтѣ до высадки въ Каннѣ, въ 1815 г. при его бѣгствѣ. Саморазложенія французскихъ войскъ онъ не предвидѣлъ, какъ и того, что въ Москвѣ не найдетъ ничего, кромѣ развалинъ. Это были случайности, къ которымъ Наполеонъ не былъ готовъ и о которыя разбился весь его планъ. Но въ іюнѣ мѣсяцѣ 1812 года планъ этотъ казался вполнѣ осуществимымъ; французскіе солдаты знали, что они идутъ въ Москву, а надеждой прійти туда жила вся Наполеоновская армія.

Во время нахожденія Императора Александра въ Дрисскомъ лагерѣ никакихъ крупныхъ событій не произошло. „Только однажды, пишетъ гр. Беннигсенъ, генералъ Орловъ-Денисовъ съ гвардейскими казаками напалъ на отрядъ непріятельскаго авангарда, взялъ въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ; въ числѣ плѣнныхъ оказался одинъ французскій бригадный генералъ. По приказанію Государя, Витгенштейнъ со своимъ корпусомъ остался въ окрестностяхъ Динабурга, чтобы прикрыть дорогу на Петербургъ. Во время нашего перехода отъ Дриссы къ Полоцку сраженій не было, такъ какъ непріятель не думалъ преслѣдовать насъ; за нами шелъ слѣдомъ только одинъ незначительный корпусъ. При этихъ обстоятельствахъ присутствіе Императора Александра въ арміи было не столь нужно, какъ раньше; но оно было необходимо внутри имперіи для того, чтобы привести

Князь Петръ Михайловичъ Волконскій.

въ дѣйствіе начало образованія ополченій". Хотя Государь въ одномъ изъ приказовъ написалъ: „Я всегда буду съ вами",—это выраженіе привело въ ужасъ Шишкова, который уговорилъ Аракчеева и Балашова подписать письмо Монарху, что онъ этого обѣщать не можетъ. Сознавъ эту истину, Государь въ ночь на 7 іюля отправился въ Москву.

Занявъ Вильну, Наполеонъ прервалъ прямое сообщеніе между нашими арміями и направилъ свои войска такъ, чтобы отдѣлить одну армію отъ другой и перерѣзать путь соединенія корпусовъ 1-й арміи между собою. Первая армія, слабо преслѣдуемая, безпрепятственно отступала, только 18 іюня боковой отрядъ корпуса Дохтурова, подъ командою полковника Крейца, встрѣтился въ Ошмянахъ съ конною дивизіею Пажоля, составлявшею авангардъ корпуса Даву. Это обстоятельство заставило Дохтурова ускорить свое движеніе. 19 числа, по самой отвратительной дорогѣ, совершивъ переходъ въ 42 версты, онъ ушелъ отъ Даву и Нансути. Утомя напрасно своихъ лошадей, французы возвратились въ Михелишки. Одинъ лишь начальникъ авангарда корпуса гр. Шувалова, генералъ-майоръ Дороховъ, стоявшій въ Оранахъ, былъ отрѣзанъ вслѣдствіе того, что поздно получилъ приказаніе отступить. Дороховъ сосредоточилъ свой отрядъ (два пѣхотныхъ и три кавалерійскихъ полка) въ Олькеникахъ, гдѣ 16 іюня наконецъ получилъ приказаніе примкнуть къ князю Багратіону. Цѣлую недѣлю его отрядъ находился между колоннъ, посланныхъ Наполеономъ противъ 2-й арміи. Отрядъ Дорохова считали погибшимъ, но онъ, дѣлая самыя усиленные марши и избирая различныя направленія, благополучно вышелъ изъ опаснаго положенія и соединился съ Платовымъ близъ Воложина, потерявъ за все время 60 человѣкъ. Первое намѣреніе Наполеона, воспрепятствовать сосредоточенію арміи Барклая-де-Толли, не удалось, почему ему пришлось удовольствоваться тѣмъ, что 1-я армія добровольно отходила назадъ, по направленію, отдалявшему ее отъ арміи князя Багратіона, поэтому Даву приказано было атаковать Багратіона, который рискнулъ дойти до самаго Минска и пробраться раньше его въ Могилевъ. Планъ этотъ не удался благодаря медленности, которую обнаружилъ Іеронимъ, помогавшій Даву. Онъ сдѣлалъ двадцать миль въ семь дней! Наполеонъ недостаточно считался съ затрудненіями, которыя сильно стѣсняли движеніе войскъ въ лѣсистой и болотистой Литвѣ, при чемъ сама природа благопріятствовала намъ: то палили жары, то лились ливни, отчего дороги, мосты и плотины испортились, а низкія мѣста покрылись водою. Наполеонъ такъ разсердился на своего брата Іеронима, что хотѣлъ отдать его подъ начальство Даву.

Графъ Мишо-де-Боретуръ.

Имѣя въ виду атаковать Багратіона, Наполеонъ приказалъ Мюрату остановиться у Зимоша и выразилъ свое неудовольствіе маршалу Удино, который, идя за Витгенштейномъ, сдѣлалъ нападеніе на укрѣпленіе, защищавшее мостъ передъ крѣпостью Динабурга, въ которомъ было всего 16 орудій, и наши войска обороняли его слабо, имѣя въ виду лишь время необходимое для того, чтобы сжечь свои запасы, такъ какъ сама крѣпость,

какъ уже знаетъ читатель, была не готова. Удино. отбитый при атакѣ тетъ-де-пона, т.-е. укрѣпленія передъ мостомъ, присоединился къ Мюрату.

Перемѣна операціоннаго плана русскихъ войскъ, вмѣсто диверсіи во флангъ и тылъ непріятеля 2-й арміи, вызвала приказаніе кн. Багратіону итти на соединеніе съ 1-й арміей, а Платову прикрывать маршъ. Высочайшее повелѣніе объ этомъ движеніи застало Багратіона, 18 іюня, въ мѣстечкѣ Зельвѣ, близъ Слонима. Немедленно 2-я армія выступила къ Новогрудку, гдѣ была 27-я дивизія Невѣровскаго, только-что прибывшая изъ Москвы. Платовъ повернулъ къ Николаеву, для занятія тамъ переправы чрезъ Нѣманъ. Безъ дневки шелъ Багратіонъ изъ Слонима. Лишніе обозы и больные были отправлены въ Бобруйскъ, котораго Наполеонъ, какъ говорятъ, не могъ разыскать среди болотъ. 22 іюня армія Багратіона была уже въ Новогрудкѣ, и въ тотъ же день передовая колонна начала переправу у Николаева. Приказано было, чтобы 24 числа выступить на Вишнево и Воложинъ и предупредить тамъ непріятельскія войска, которыя, по донесеніямъ казаковъ, находились въ Ольшанахъ. Въ Николаевѣ кн. Багратіонъ получилъ извѣстіе, что Вестфальскій король шелъ въ его тылъ, что Слонимъ занятъ австрійцами, а влѣво, у мѣстечка Липняшки, показались разъѣзды вице-короля Италіи. Одновременно Платовъ доносилъ, что его разъѣзды повсюду встрѣчаютъ французовъ (корпуса Даву), на пространствѣ между Нѣманомъ и дорогою въ Минскъ. Будучи окруженъ непріятелемъ, кн. Багратіонъ прикрылъ также въ Кайдановъ. Для скрытія своего движенія, Багратіонъ приказалъ Платову усилить отряды на Вишневъ и, вмѣстѣ съ присоединившимся къ нему Дороховымъ, занять Воложинъ и держаться въ немъ до 26 числа, а затѣмъ отступать къ Минску. Платовъ не могъ вполнѣ выполнить даннаго ему приказа, такъ какъ въ Воложинѣ стоялъ уже Даву. Онъ свернулъ вправо на Бакшты и Хатово. Даву не поддался обману этою демонстраціею, но продолжалъ маршъ на Минскъ. Принцъ Евгеній, въ письмѣ къ своей женѣ, вице-королевѣ, сообщалъ отъ 9 іюня новаго стиля, т.-е. отъ 22 іюня: „Мы бѣжали за арміей Багратіона и съ большимъ трудомъ могли за ней слѣдовать. Послѣ двухъ тяжелыхъ дней, я прибылъ въ Новогрудку, гдѣ онъ провелъ три дня, и затѣмъ, какъ говорятъ, направился на Минскъ, тамъ маршалъ Даву можетъ его встрѣтить“.

Графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ.

2-я армія кн. Багратіона шла распашнымъ строемъ, въ полной готовности къ бою, такъ какъ ея главнокомандующій былъ въ полной рѣшимости атаковать непріятеля и силою открыть себѣ дорогу. 24 іюня 2-я армія пришла въ Миръ. Тамъ донесли Багратіону о большихъ массахъ французскихъ войскъ, которыя подходили со стороны Вилейки и Воложина и угрожали ему съ

тыла отъ Новогрудки. Багратіонъ, желая избѣжать сраженія съ превосходными силами непріятеля, снова измѣнилъ свое направленіе и пошелъ въ Слуцкъ и Бобруйскъ, чтобы искать соединенія съ 1-й арміей чрезъ Могилевъ. 26 іюня, въ день вступленія 1-й арміи въ лагерь подъ Дриссою, онъ прибылъ въ Несвижъ, гдѣ остановился на три дня для отдыха войскъ своихъ, утомленныхъ въ теченіе 10 дней безостановочными усиленными маршами по дурнымъ дорогамъ и глубокимъ пескамъ.

Императоръ Александръ весьма былъ доволенъ распоряженіями Багратіона; онъ предписалъ ему взять прежнее направленіе, но это приказаніе застало 2-ю армію уже въ Тимковичахъ, на первомъ переходѣ изъ Несвижа въ Слуцкъ, а потому Багратіонъ не могъ исполнить Высочайшей воли.

Карлъ Ѳедоровичъ Багговутъ.

Во время трехдневнаго отдыха въ Несвижѣ, часть казаковъ Платова, занимавшая Миръ, впервые встрѣтилась у Кореличей съ авангардомъ Вестфальскаго короля, который, какъ уже нами сказано, дѣйствовалъ съ самаго начала войны весьма медленно. Вступя 18 (30) іюня въ Гродно, Іеронимъ провелъ тамъ четыре дня, переправляя свои войска, а также участвуя на пышныхъ пріемахъ поляковъ, которые тотчасъ же стали созывать конференцію и готовиться къ войнѣ съ Россіею. Настоятельныя приказанія Наполеона вывели Вестфальскаго короля изъ бездѣйствія. Отправивъ впередъ Понятовскаго, Іеронимъ тронулся 22 іюня изъ Гродно и 26-го пришелъ въ Новогрудокъ, а передовой его отрядъ, состоявшій изъ трехъ конныхъ польскихъ полковъ, — въ Кореличи. Здѣсь и у Мира произошли первыя схватки съ отрядомъ Платова. Поляки, заманенные въ засаду и опрокинутые общимъ натискомъ казаковъ и посланнаго къ нимъ на подкрѣпленіе отряда генералъ-адъютанта Васильчикова, были обращены въ бѣгство и оставили въ нашихъ рукахъ много плѣнныхъ.

Графъ Беннигсенъ замѣчаетъ: „Платовъ со своими казаками находился въ Бѣлостокѣ, въ 40 миляхъ отъ Вильны, тогда какъ непріятель, вступивъ въ наши предѣлы, находился всего въ 12 миляхъ отъ этого города. Къ чему же это привело? Генералъ Платовъ, вмѣсто того, чтобы дѣлать диверсіи, былъ вынужденъ искать спасенія въ поспѣшномъ отступленіи, чтобы соединиться съ 2-й арміей. Единственная польза, которую это принесло намъ, состояла въ томъ, что Платову, по вступленіи въ Минскую губернію, представился случай разбить въ окрестностяхъ Мира нѣсколько полковъ польской кавалеріи, которая его преслѣдовала, и взять значительное число плѣнныхъ; но что бы могъ сдѣлать этотъ корпусъ казаковъ, если бы онъ очутился, съ самаго начала нашего отступленія, вмѣстѣ съ 1-й арміей? Мы знаемъ, какъ полезно можетъ быть этого рода войско во время отступленія и при преслѣдованіи непріятеля, когда его дѣйствія могутъ быть поддержаны регулярными войсками. Мы чувствовали, что намъ его недоставало, въ особенности, когда нужно было имѣть свѣдѣнія о движеніи непріятеля“.

Даву, занявъ Минскъ, гдѣ ему была устроена самая пышная встрѣча, получилъ отъ Наполеона благодарность за успѣшныя его дѣйствія и за прегражденіе пути князю Багратіону. А гнѣвъ Наполеона на Вестфальскаго короля Іеронима былъ безграниченъ; онъ ему писалъ: „Невозможно маневрировать хуже! Вы будете причиною, что Багратіонъ успѣетъ уйти, и я лишусь плода самыхъ искусныхъ соображеній“. И въ этихъ пророческихъ словахъ Наполеонъ не ошибся.

Съ своими главными силами Наполеонъ стоялъ въ окрестностяхъ Вильны и у Зимоша, ожидая результатовъ дѣйствій противъ 2-й русской арміи. Онъ былъ занятъ устройствомъ продовольствія своихъ войскъ и госпиталей, подвозомъ снарядовъ и образованіемъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій. Отъ усиленныхъ переходовъ на перерѣзъ нашимъ войскамъ, отъ безпорядочнаго продовольствія и дурной погоды, между Ковно и Вильною бродили толпы отсталыхъ солдатъ „Великой арміи“ Наполеона, которые грабили, безчинствовали и истощали средства и безъ того бѣдной и нехлѣбородной мѣстности. Для прекращенія всего этого въ Вильнѣ учредилъ Наполеонъ судебную комиссію и маршевыя колонны. Другая комиссія, подъ названіемъ Верховнаго временнаго прави-

Взятіе казаками въ плѣнъ польскаго генерала Тышкевича.

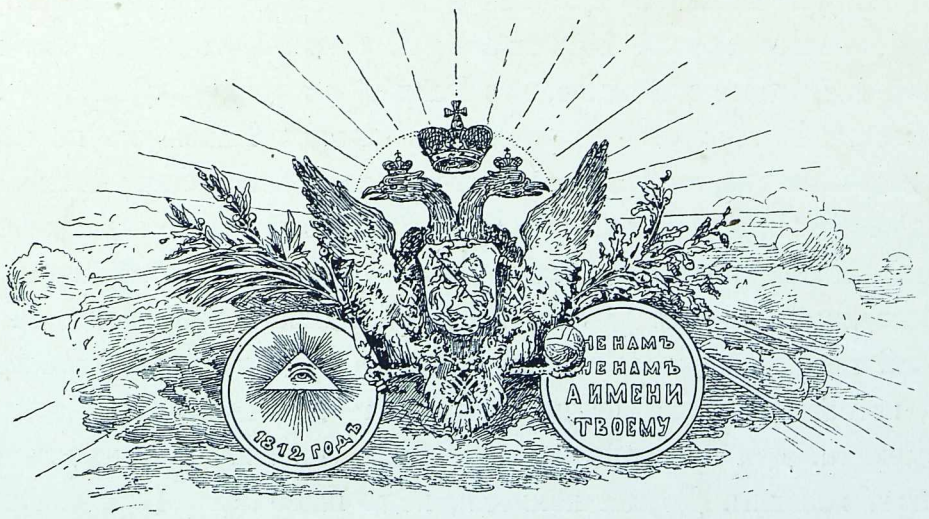
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1-го іюля Наполеонъ возобновилъ свои дѣйствія; онъ хотѣлъ соединить силы великой арміи между Двиною и Днѣпромъ, и затѣмъ атаковать и разбить порознь и Барклая и кн. Багратіона, о которыхъ, смѣясь, говорилъ, что „они болѣе не увидятся другъ съ другомъ“. Мѣстечко Глубокое было избрано средоточіемъ французскихъ силъ. Туда тронулись изъ Вильны гвардія и корпуса вице-короля и Сенъ-Сира. Когда въ нашей главной квартирѣ было получено объ этомъ извѣстіе, 2-го іюля, 1-я армія переправилась на правый берегъ Двины и 4 числа двинулась къ Полоцку, чтобы предупредить Наполеона тамъ или въ Витебскѣ. Графъ Витгенштейнъ былъ оставленъ близъ Дриссы, и ему предписано было дѣйствовать отдѣльно, по его усмотрѣнію, и, въ случаѣ возможности, перейти въ наступленіе. Въ подкрѣпленіе ему назначены были запасные батальоны и эскадроны князя Репнина и Гамена. Наканунѣ полученія этихъ распоряженій, гр. Витгенштейнъ отправилъ на лѣвый берегъ Двины при Друѣ авангардъ свой, подъ начальствомъ Кульнева, который выслалъ впередъ полковника Ридигера съ л.-гв. Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ. Ридигеръ напалъ въ расплохъ на бригаду французской конницы, опрокинулъ ее и взялъ въ плѣнъ одного генерала и 200 чел. и произвелъ такую тревогу, что Наполеонъ, считая гусаръ нашихъ головнымъ отрядомъ всей арміи, приказалъ на нѣкоторое время остановить движеніе французскихъ колоннъ. Узнавъ о близости значительныхъ силъ непріятеля, Кульневъ возвратился за Двину. Въ м. Глубокомъ Наполеонъ оставался пять сутокъ, приказавъ устроить тамъ складочное мѣсто для снарядовъ, припасовъ и оружія. Туда переведено было и интендантство. Затѣмъ армія На-

Покупка французами провіанта.

Иванъ Семеновичъ Дороховъ.

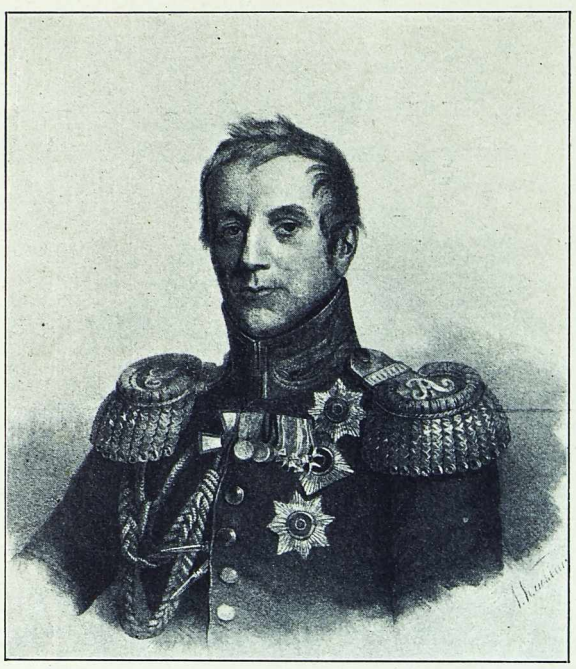
тельства великаго княжества Литовскаго, занималась управленіемъ занятыхъ французами губерній и сформированіемъ войскъ противъ Россіи. Положено было набрать 5 пѣхотныхъ и 4 конныхъ полка, не считая 2 волонтерскихъ. Литовскіе дворяне и шляхта спѣшили вступать въ ряды волонтерскихъ полковъ и приносить пожертвованія для возвращенія своей независимости. Сеймъ, собранный въ Варшавѣ, отправилъ Наполеону депутацію для представленія на его утвержденіе акта общей польской и литовской конфедераціи съ просьбою о покровительствѣ. Наполеонъ ободрялъ депутатовъ, приглашалъ ихъ къ единодушію и обѣщалъ свое содѣйствіе къ возстановленію Польши въ прежнихъ предѣлахъ, но исключилъ изъ нихъ Галицію, какъ землю, принадлежащую его тестю и союзнику, что не мало охладило восторгъ поляковъ. Императоръ Александръ, готовясь въ свою очередь къ упорной оборонѣ, „хотя бы пришлось протянуть войну на многіе годы и сражаться на берегахъ Волги“, какъ онъ писалъ наслѣдному принцу Швеціи, повелѣлъ, 1 іюля, въ лагерѣ при Дриссѣ, обнародовать манифестъ о наборѣ въ западныхъ губерніяхъ съ 500 душъ по 5 чел. и предписалъ: 1) формировать близъ Москвы изъ запасныхъ депо 2-й линіи еще 6 новыхъ полковъ; 2) въ Смоленскѣ собирать наблюдательный корпусъ изъ 17 запасныхъ батальоновъ; 3) Дунайской арміи отложить походъ въ Италію къ Адріатическому морю и, по полученіи изъ Константинополя ратификаціи мира, итти въ Волынскую губ. на соединеніе съ Тормасовымъ; 4) генералу Милорадовичу образовать въ Калугѣ изъ рекрутскихъ депо 1-й линіи корпусъ въ 55 бат., 34 эскадр. и 23 роты артиллеріи. Государь тогда же изъявилъ свое намѣреніе, при дальнѣйшемъ вторженіи непріятелей, призвать всю Россію къ истребленію ихъ народною войною, а такъ какъ занятіе Петербурга казалось тогда возможнымъ, то приказалъ принять заблаговременно мѣры къ вывозу оттуда присутственныхъ мѣстъ, архивовъ, учебныхъ заведеній, банковъ, всѣхъ сокровищъ, церквей и памятниковъ искусствъ; хотѣли даже увезти конную статую Петра Великаго, работы Фальконета. Все это предполагалось отослать въ Казань, куда должна была отправиться и Императорская фамилія.



полеона двинулась къ Бѣшенковичамъ. Въ аріергардѣ шелъ Удино, который срылъ укрѣпленія при Дриссѣ и получилъ приказаніе очистить правый берегъ Двины отъ русскихъ, утвердиться въ Полоцкѣ и всѣми силами напирать на графа Витгенштейна.

Императоръ Александръ, оставивъ армію Барклая, отправился черезъ Великіе-Луки и Смоленскъ въ Москву, чтобы лично развить оборонительныя средства Россіи. Передъ своимъ отъѣздомъ Александръ подписалъ воззваніе къ Москвѣ и манифестъ о вооруженіи всего государства. Этою мѣрою война должна была принять новый оборотъ; на защиту отечества поднялся весь народъ. На послѣдней станціи отъ Великихъ-Лукъ, въ Сеньковѣ, государственный канцлеръ, графъ Румянцевъ, поднесъ Государю мирный договоръ, заключенный съ уполномоченнымъ испанскихъ кортесовъ, и письмо отъ нашего посла въ Стокгольмѣ съ предложеніемъ наслѣднаго принца Шведскаго, сдѣлать высадку въ Ревелѣ, или въ другомъ мѣстѣ, въ тылу французовъ, если война для Россіи будетъ сопровождаться неудачею.

Въ Смоленскъ Александръ прибылъ 9 іюля и былъ восторженно принятъ жителями. Дворянство немедленно вызвалось вооружить на свой счетъ до 20.000 чел. или болѣе, въ подкрѣпленіе регулярныхъ войскъ. Императоръ съ благодарностью принялъ это предложеніе, собственноручно написалъ правила для формированія ополченій и приказалъ изъ войскъ, находившихся въ Смоленскѣ (17 бат., 8 эскадр. и 4 роты артиллеріи), составить особый отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Винцингероде, для прикрытія города и поддержанія сообщенія между 1-й и 2-й арміями. Не менѣе радостное извѣстіе было получено въ Смоленскѣ о ратификаціи мира съ Оттоманскою Портою, что дало возможность двинуть Дунайскую армію на защиту отечества. Въ полночь 12 іюля Александръ въѣхалъ въ Москву, и на слѣдующее утро на Кремлевскихъ площадяхъ не было мѣста, куда бы могло упасть яблоко, отъ запрудившаго ихъ народа. Когда Государь показался народу на Красномъ крыльцѣ, раздался звонъ колоколовъ, загремѣло ревущее „ура“ и клики народа: „Веди насъ, отецъ нашъ! умремъ, или истребимъ злодѣя!“



Генералъ-адъютантъ
Петръ Петровичъ Коновницынъ.

Собранное, 15 іюля, дворянство и купечество въ Слободскомъ дворцѣ, по прочтеніи имъ манифеста, призывавшаго всѣхъ и каждаго противъ врага, единогласно постановили: дворянство — собрать въ Московской губ. 80.000 чел. ополченія, вооружить ихъ чѣмъ можно и снабдить одеждою и провіантомъ; купечество—сдѣлать на потребныя для этого издержки денежный сборъ по капиталамъ, не считая частныхъ пожертвованій отъ лица каждаго. Къ подпискѣ было приступлено тутъ же, и она, менѣе чѣмъ въ два часа, въ первый день дала полтора милліона рублей. Примѣру Смоленска и Москвы послѣдовала вся Россія. Готовность всѣмъ жертвовать отечеству для его спасенія превышала мѣру потребности, почему Александръ счелъ излишнимъ общее вооруженіе распространить на всю Россію и манифестомъ своимъ, обнародованнымъ 18 іюля, положилъ составить ополченіе лишь въ 17-ти губерніяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ и Петербургу. Онѣ были раздѣлены на три округа: Московскій, С.-Петербургскій и Низовой, и въ общей сложности 17 губерній составили вооруженную силу: 1-й 121.000 чел.; 2-й 23.490 чел. и 3-й 63.705 чел., а всего 208.195 чел. Въ Москвѣ избрали главнокомандующимъ гр. Ростопчина, и округъ Московскій, предназначенный для обороны Москвы, состоялъ изъ 8-ми губерній: Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской, Тульской, Владимірской, Калужской и Смоленской. Для скорѣйшаго составленія ополченія, въ Москвѣ учреждено было два комитета: одинъ для пріема вооруженія и продовольствія людей, другой для пріема и расходованія пожертвованій. Ополченіе состояло изъ конныхъ и пѣшихъ казаковъ и пѣшихъ егерей. Конные полки дѣлились на 10 сотенъ, пѣшіе на 4 батальона по 4 сотни. Въ первыхъ состояло по 1.200, а во вторыхъ по 2.400 ратниковъ. Полки и сотни именовались по нумерамъ; штабъ и оберъ-офицерамъ даны были мундиры, общіе армейскіе; егеря, конные и пѣшіе казаки имѣли русскіе сѣрые кафтаны и длинныя шаровары изъ крестьянскаго сукна, кушакъ, фуражку съ

выбитымъ изъ мѣди крестомъ и подъ нимъ вензель имени императора и надпись: „за вѣру и царя“. Полковымъ и батальоннымъ командирамъ жалованья не полагалось, но недостаточные получали пособіе. Оберъ-офицерамъ назначено было жалованье, а для кавалерійскихъ частей фуражъ и деньги на покупку лошадей; нижнимъ чинамъ давалось по рублю въ мѣсяцъ и провіантъ. Полковые командиры утверждались въ должности Государемъ, батальонные — командующимъ генераломъ, прочіе офицеры—полковыми командирами. Производство было не по старшинству, а исключительно только за храбрость, или по особому представленію. Въ теченіе одного мѣсяца собрано и отправлено въ походъ, въ Москвѣ и ея губерніяхъ, 12 полковъ, изъ которыхъ 1 конный казачій, 3 егерскихъ и 8 пѣшихъ казачьихъ; всего 25.834 чел. Кромѣ этого ополченія, четыре московскихъ богача вызвались сформировать на свой счетъ 4 полка: это были: графъ Дмитріевъ-Мамоновъ и графъ Салтыковъ — конные гусары; Демидовъ и кн. Гагаринъ—пѣшіе, но послѣдніе два своего обѣщанія не исполнили.

Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.

Другія губерніи, при организаціи ополченія, слѣдовали примѣру Московской. Тверское дворянство положило собрать съ 500 душъ по 20 чел., въ томъ числѣ 1 коннаго, что составило 12.636 пѣшихъ и 665 конныхъ ратниковъ, раздѣленныхъ на 5 пѣхотныхъ и 1 кавалерійскій полкъ. Сверхъ того, дворянство приняло на себя доставку въ армію большого количества хлѣба безплатно. Въ Твери формировался также батальонъ изъ удѣльныхъ крестьянъ великой княгини Екатерины Павловны (которой, какъ говорятъ, принадлежала и самая мысль народнаго ополченія), вполнѣ обмундированный, вооруженный и содержавшійся на счетъ Ея Высочества.

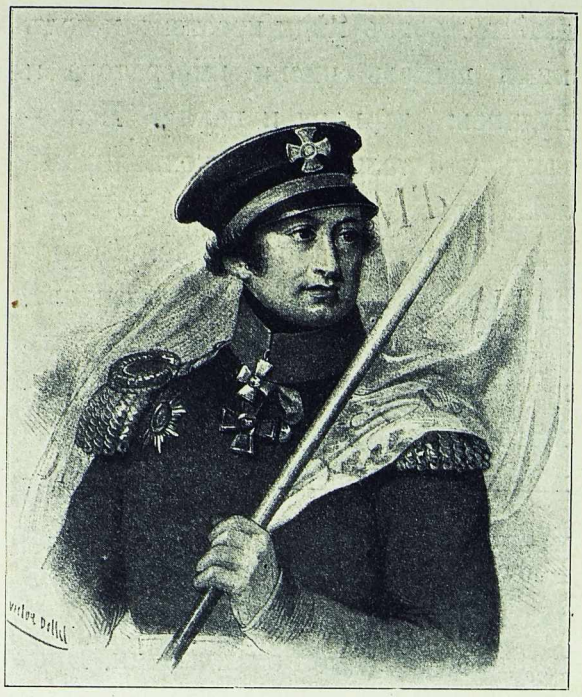
Ярославское дворянство ополчило съ каждыхъ 25 душъ по одному человѣку. Черезъ шесть недѣль были готовы 1 конный и 4 пѣшихъ полка, всего 11.112 человѣкъ.

Графъ Петръ Корниловичъ Сухтеленъ.

Во Владимірской губ. составилось также въ шесть недѣль ополченіе изъ 6 пѣхотныхъ полковъ, въ числѣ 15.086 чел.

Въ Рязани дворянство изъявило готовность поставить съ 22 душъ по одному воину, всего 15.918 чел., которые были раздѣлены на 1 полкъ конныхъ казаковъ, 2 полка егерей и 4 полка пѣшихъ казаковъ, и получили отъ дворянства натурою и деньгами лошадей, сбрую и амуницію.

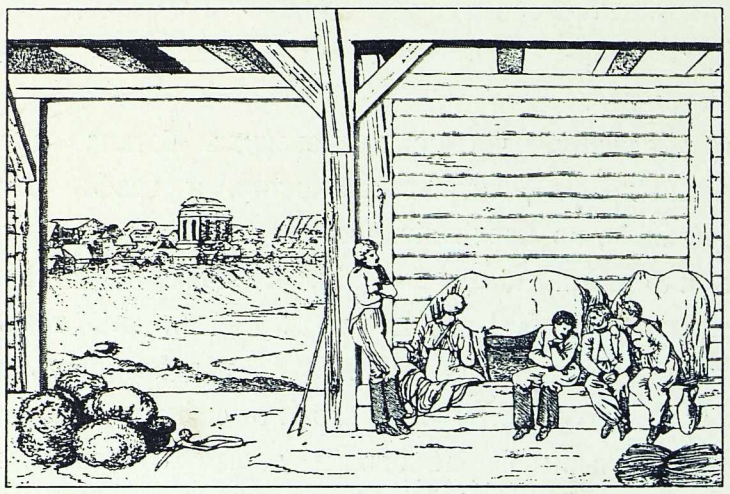
Тульское дворянство собрало ратниковъ 12.809 чел. и изъ нихъ сформировало 2 конныхъ, 1 егерскій и 4 пѣхотныхъ полка и роту конной артиллеріи, для которой орудія были высланы изъ Москвы. Было собрано также 700.000 руб. для покупки воловъ и до 70.000 четвертей хлѣба для арміи.



Сенаторъ, тайный совѣтникъ, генералъ-майоръ Алексѣй Алексѣевичъ Бибиковъ.

Въ Калугѣ дворянство выставило 15.000 чел., составившихъ 1 конный и 5 пѣшихъ казачьихъ полковъ и 1 батальонъ егерей. Въ теченіе одного мѣсяца они были сформированы и вооружены. Собраны были безплатно продовольственные запасы на 1.112.000 руб. не считая 80.000 четв. хлѣба и до 200.000 руб. наличными деньгами.

Въ Смоленской губ. формированіе ополченія, начатое вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій, сопряжено было съ большими трудностями, тѣмъ не менѣе усердіе дворянъ превозмогло всѣ препятствія. Въ короткое время въ Дорогобужѣ сведено 12.447 ратниковъ. Помимо этого, пожертвованія этой губерніи были неимовѣрны. Пока наши войска находились въ предѣлахъ Смоленской губ., она отдала все, что имѣла, выставивъ вдвое, втрое противъ того, сколько требовалось: болѣе 9.800.000 руб. деньгами, 91.000 четвертей хлѣба и 16.300 четв. овса. По выходѣ изъ губерніи русскихъ войскъ, удалились и жители, оставя свое достояніе на расхищеніе враговъ, или вооружаясь на истребленіе ихъ партій и мародеровъ. Великій князь Николай Павловичъ, впослѣдствіи императоръ Николай I, въ своемъ дневникѣ путешествія по Россіи, не даромъ замѣтилъ, что Смоленская губ. пострадала болѣе всѣхъ губерній, такъ какъ чрезъ нее два раза прошли наши войска и армія Наполеона.



Французы у Бѣшенковичей.

Такимъ образомъ съ небольшимъ въ мѣсяцъ, ополченіе 1-го округа частью выступило, а частью готово было къ походу въ назначенныя ему мѣста. Численная сила его равнялась 121.000 чел.; вооруженіе состояло для пѣхоты въ пикахъ и топорахъ, частью въ ружьяхъ, для кавалеріи въ пикахъ, саблях и пистолетахъ. Губерніи 2-го округа, С.-Петербургская и Новгородская, не уступали подмосковнымъ Петербургское дворянство единогласно избрало въ начальники ополченія того, на котораго, съ наступленіемъ опасности, указывала вся Россія — М. И. Голенищева-Кутузова и, немедля, приступило къ набору съ 100 душъ по 10 ратниковъ. Ополченіе дѣлилось не на полки, но на дружины, а послѣднія на сотни; каждая дружина въ числѣ 821 чел. состояла изъ людей одного уѣзда или въ сосѣдствѣ живущихъ. Ружья отпущены были изъ арсенала, равно топоры и лопаты. Единовременно формировались 15 дружинъ числомъ въ 12.985 чел. Одна изъ дружинъ состояла изъ мѣщанъ петербургскихъ и нарвскихъ, выставленныхъ усердіемъ купеческихъ обществъ. Кромѣ пѣшаго ополченія, вооружались въ Петербургѣ 2 кавалерійскихъ казачьихъ полка изъ охотниковъ; одинъ изъ нихъ назывался „Смертоноснымъ“, а другой „Александровскимъ“. Лошади для нихъ были поставлены отъ города. Въ одно время съ формированіемъ полковъ были приносимы и добровольныя пожертвованія, сумма которыхъ простиралась до 4-хъ милл.

Графъ Петръ Александровичъ Толстой.

Новгородская губ. поставила 16.435 ратниковъ и собрала на военныя нужды 200.000 руб. Численность 2-го округа простиралась до 23.420 чел.

3-й округъ, или Низовой, подъ начальствомъ графа П. А. Толстого, состоялъ изъ 6 губерній: Казанской, Пензенской, Костромской, Нижегородской, Симбирской и Вятской. По полученіи манифеста во всѣхъ этихъ губерніяхъ дворянство немедля съѣхалось въ губернскіе города и опредѣлило выставить ополченіе, въ однѣхъ губерніяхъ по 3, въ другихъ по 4 чел. со 100 душъ. На содержаніе, одежду и вооруженіе ратниковъ, а въ иныхъ губерніяхъ и на жалованье неимущимъ офицерамъ и изувѣченнымъ на полѣ брани, назначены были денежные взносы.

Ополченіе 3-го округа состояло:

Нижегородское	5 пѣх. полк.	1 кон. .	12.462	Казанское 1 пѣх. и 1 бат.	1 кон. . 2.977
Костромское	3 „ и 1 бат.	1 „ .	10.519	Вятское, да резервовъ всего округа .	19.520
Пензенское	4 „ „	1 „ .	9.356		
Симбирское	4 „ „	1 „ .	8.871	Итого . . .	63.205 чел.

Князь Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Въ губерніяхъ, не вошедшихъ въ составъ ополченія, тоже обнаружилась готовность къ вооруженію.

Въ Таврической губ. дворянство единодушно постановило: 1) дворянъ, способныхъ носить оружіе со всѣми записанными за ними людьми, считать государственными ратниками и всѣмъ, по первому призыву, итти для обороны отечества, вооруженными на собственный счетъ, а неимущимъ—на счетъ общихъ пожертвованій губерніи. Въ ближайшихъ уѣздахъ къ Россіи, Днѣпровскомъ и Мелитопольскомъ, собрать немедленно ополченіе, вооружая и содержа на свой счетъ по 3 челов. со ста; 2) татары Крымскаго полуострова изъявили готовность комплектовать 4 полка, служившихъ уже въ арміи; казенные крестьяне — выставить особые полки. Когда же манифестомъ отъ 18 іюля Таврическая и другія губерніи были изъяты изъ ополченія, то онѣ открыли подписку для добровольныхъ приношеній и собрали деньгами, хлѣбомъ и разными вещами до 650.000 руб.

Въ Херсонской губ. предполагалось поставить въ ополченіе по 1 чел. съ 50 душъ. Жители Одессы пожертвовали 300.000 руб. Бугское казачье войско выставило дружину въ 500 чел., а сынъ атамана, Скоржинскій, конный эскадронъ въ 180 чел., съ которымъ и присоединился къ 3-й арміи.

Дворянство Екатеринославской губ. постановило собрать съ 25 душъ по 1 ратнику, всего 10.000 чел., въ томъ числѣ 500 всадниковъ, и замѣнило потомъ этихъ людей различными пожертвованіями. Русское и греческое общество города Таганрога, поселяне греческихъ хуторовъ, армяне Нахичевани и греки Маріуполя назначили выставить 270 ратниковъ и собрали 109.000 руб.

Полтавское дворянство опредѣлило вооружить въ двѣ недѣли по одному человѣку съ 25 крестьянъ своихъ, пѣшихъ и конныхъ по ровному числу, снабдивъ ихъ всѣмъ потребнымъ на годъ. Изъ

Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ.

собранныхъ такимъ образомъ 16.116 чел. сформировали 7 пѣхотныхъ полковъ и 4 конныхъ, 600-я команда для нестроевой службы и батальонъ для прислуги въ госпиталяхъ. Независимо отъ земскаго ополченія, изъ казаковъ Полтавской губ. было сформировано 9 конныхъ полковъ, которые и присоединились къ арміямъ. Пожертвованія этой губерніи простирались до 3 милл. рублей.

Дворянство Черниговской губ. положило отдать 6 чел. со 100. Хотя и эта губернія была освобождена отъ вооруженія, но ополченія не распускали для защиты границъ со стороны Могилева и Смоленска. Съ тою же цѣлью было выставлено нѣсколько казачьихъ полковъ.

Кіевское дворянство готово было поставить съ 500 душъ по 3 чел., а дворяне Чигиринскаго и Черкасскаго уѣздовъ по 5 ратниковъ. Магистратъ г. Кіева и начальство казенныхъ лѣсовъ вооружили особые отряды охотниковъ; добровольныя же приношенія достигли 4-хъ милл. рублей.

Въ Харьковской губ. ратниковъ набрали 13.211 чел. какъ изъ помѣщичьихъ, такъ и казенныхъ крестьянъ, и внесено было по 1 рублю съ каждой души на ихъ содержаніе, не считая провіанта и фуража.

Дворяне Кавказской губ. хотѣли собрать 487 ратниковъ.

Въ Оренбургской губ. всѣ поголовно дворяне единогласно объявили о своемъ желаніи жертвовать всѣмъ достояніемъ и собою, если бы то потребовалось. Съ Уральскихъ горъ двинулись въ походъ 23 полка по 500 чел. и одинъ Оренбургскій атаманскій — тысячный. Желающихъ итти на защиту отечества было такъ много, что уголовная и казенная палаты затруднялись въ ихъ увольненіи.

Канцелярія войска Донского опредѣлила на Дону всеобщее вооруженіе, не изъемля ни одного человѣка, способнаго носить оружіе. Служивые, отставные, всякаго рода льготные офицеры, урядники, казаки и подростки до 19-лѣтняго возраста — всѣ должны были итти на войну. Ополченіе составило 26 полковъ съ 6-ю орудіями конной артиллеріи, всего 15.000 чел. Денежныя приношенія стекались со всего Дона; дворянство, изъ состоявшихъ въ его владѣніи 76.000 душъ, поставило 3.074 ратника, съ полнымъ вооруженіемъ и содержаніемъ.

Въ Астрахани разные азіатскіе народы собрали деньгами 563.000 руб., лошадей, сукно и проч. Помѣщики, за которыми считалось всего 957 душъ, выставили 30 рекрутъ. Получено было повелѣніе собрать 2 калмыцкихъ полка, которые черезъ 20 дней уже выступили въ походъ. Не менѣе значительны были пожертвованія людьми, деньгами и разными предметами, собранными въ губерніяхъ: Саратовской (гдѣ, между прочимъ, 271 колонистъ поступили въ россійско-германскій легіонъ), Воронежской, Орловской, Тамбовской, Курской, Вологодской (изъ которой отправился въ Петербургъ для присоединенія къ тамошнему ополченію отрядъ изъ 600 охотниковъ-звѣролововъ), Олонецкой, Архангельской и Псковской. Изъятая изъ общаго вооруженія Лифляндская губ. добровольно собрала ополченіе въ 2.260 чел. и конный казачій полкъ въ 2.000. Въ Дерптскомъ и Перновскомъ уѣздахъ, изобиловавшихъ лѣсами, собрали 200 стрѣлковъ и столько же на островѣ Эзелѣ.

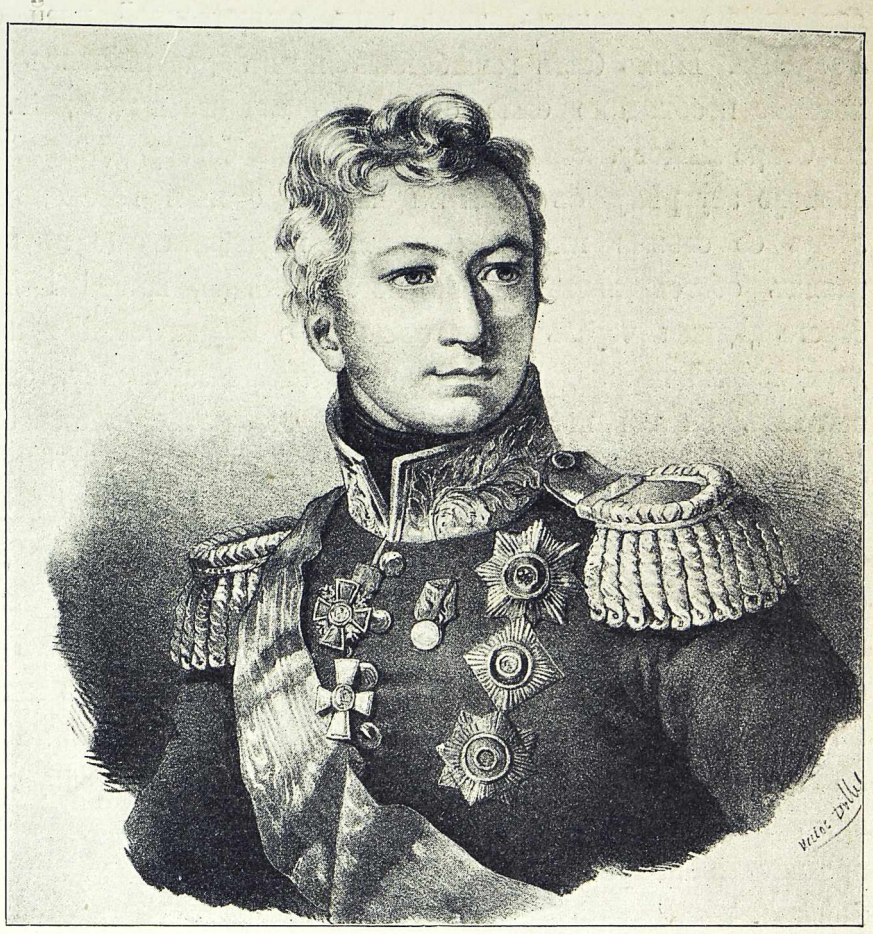
Василій Григорьевичъ Костенецкій.

Эстляндская губ. предложила правительству сдѣлать особый рекрутскій наборъ: съ каждыхъ 500 душъ поста-

вить по 17 чел. Хотя въ дѣйствующихъ арміяхъ было тогда 324 офицера изъ эстляндскаго дворянства, однако немногіе, оставшіеся затѣмъ въ губерніи, дворяне были готовы также вступить на службу, и бѣдные изъ нихъ получали обильное пособіе.

Финляндія, присоединенная къ Россіи въ 1809 г., также изъявила готовность на составленіе финскаго войска. Оно должно было состоять изъ 3-хъ єгерскихъ полковъ, двухбатальоннаго состава. Добровольныхъ приношеній было собрано до 200.000 руб., кромѣ значительнаго количества хлѣба и другихъ необходимыхъ предметовъ.

Сибирскій край не отставалъ отъ Европейской Россіи, такъ, въ Пермской губ. опредѣлено было составить ополченіе въ 4.000 чел.; но съ отмѣною его собрали пожертвованій на 211.000 руб. Въ Томской губ. эти пожертвованія простирались до 120.500 руб. и въ Иркутской до 170.000 рублей. Даже кочевые народы были готовы двинуться противъ французовъ. Буряты и тунгузы, услышавъ, уже годъ спустя, о нашествіи Наполеона, хотѣли: первые — сѣсть на коней до послѣдняго человѣка, а вторые — на своихъ оленей, чтобы спѣшить на помощь Бѣлому Царю, котораго они называли „Высокое солнце“.



Графъ Александръ Петровичъ Тормасовъ.

Ополченцы принимали участіе не только въ кампаніи 1812 года, но и въ 1813 и 14 годахъ. Часть полковъ 1-го округа стояла въ резервѣ въ Бородинской битвѣ и, слѣдуя потомъ съ арміею, была не безъ пользы употреблена для транспорта плѣнныхъ, прикрытія подвозовъ, несенія гарнизонной службы и т. д. Дружины 2-го округа сражались храбро подъ Полоцкомъ и въ другихъ дѣлахъ корпуса графа Витгенштейна подъ Данцигомъ. Въ 1813 г. часть войска герцога Александра Виртембергскаго подъ Данцигомъ состояла изъ ополченцевъ, а въ арміи графа Беннигсена находился особый корпусъ ополченія, подъ начальствомъ графа Толстого, который дѣйствовалъ при блокадѣ Дрездена и Гамбурга. По заключеніи перваго Парижскаго мира ополченцы возвратились въ Россію и были распущены по домамъ. Вскорѣ послѣ изданія манифеста о составленіи ополченія,

Генералъ Гаменъ.

Императоръ Александръ получилъ извѣстіе о заключенномъ договорѣ въ Оребро между нашимъ посломъ въ Швеціи, генераломъ Сухтеленомъ, и англійскимъ министромъ Торнтономъ, которымъ возстановлены были дружескія сношенія Россіи съ Великобританіею, какъ они существовали до 1808 г. Пробывъ въ Москвѣ недѣлю, Александръ I выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ скоро былъ изданъ манифестъ о рекрутскомъ наборѣ въ губерніяхъ, гдѣ не было ополченій, со 100 душъ по 2 человѣка.

Послѣ отъѣзда Государя изъ 1-й арміи, Барклай-де-Толли, назначенный главнокомандующимъ этой арміей еще до начала кампаніи, принялъ надъ нею начальство. „Мнѣ сильно нездоровилось, и это заставило меня,—пишетъ графъ Беннигсенъ: — просить императора, наканунѣ его отъѣзда, позволенія отправиться впередъ, чтобы отдохнуть нѣсколько дней въ Полоцкѣ; мое присутствіе въ арміи становилось

совершенно ненужнымъ, такъ какъ единственной моей обязанностью было состоять при особѣ Государя. Мною былъ выработанъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій и разсчитаны всѣ переходы, которые необходимо было совершить для его выполненія. Кн. Багратіонъ двигался въ то время къ Старо-Быхову, лежавшему на правомъ берегу Днѣпра, а Платовъ получилъ приказаніе перейти обратно эту рѣку съ большей частью своихъ казаковъ и присоединиться къ 1-й арміи. Наполеонъ со своими главными силами находился еще въ нѣсколькихъ переходахъ отъ насъ. При такихъ обстоятельствахъ, по моему мнѣнію, нашей 1-й арміи слѣдовало итти вдоль праваго берега Двины черезъ Куриловщину до Будиловской пристани, что составило бы 64 версты или двухдневный переходъ; перейдя въ этомъ мѣстѣ рѣку, они должны были направиться къ Оршѣ, оставивъ вправо посадъ Сенно, на что потребовалось бы еще два дня. Армія могла бы перейти Днѣпръ при Оршѣ, если бы Даву не переправился черезъ него ранѣе; иначе, мы могли бы спуститься внизъ по теченію рѣки, вдоль ея праваго берега. Если бы Багратіону было приказано совершить это движеніе, то Даву очутился бы между двухъ огней и, слѣдовательно, въ крайне опасномъ положеніи, изъ котораго онъ могъ бы выйти, лишь понеся значительный уронъ, и соединеніе нашихъ двухъ армій могло бы совершиться какъ нельзя легче, прежде чѣмъ Наполеонъ подоспѣлъ бы на помощь Даву; въ такомъ случаѣ онѣ могли бы въ полной безопасности двинуться къ Смоленску, и 1-й арміи не пришлось бы совершить тотъ обходъ, который она сдѣлала, идя на Витебскъ. Такъ какъ Императора не было въ арміи, то этотъ маневръ предложено было совершить Барклаю-де-Толли, который предпочелъ направиться на Витебскъ".

А. П. Ермоловъ.

Авторъ „Нашествія Наполеона на Россію въ 1812 г.", Д. Бутурлинъ, также говоритъ: „Кажется, выгоднѣе было бы отступать изъ Вильны къ Минску, гдѣ 1-я армія нашлась бы въ тѣсной связи со 2-ю и на самомъ естественномъ пути своихъ дѣйствій, т.-е. на средней дорогѣ черезъ Смоленскъ на Москву".

При маршѣ 1-й арміи къ Витебску, корпусъ Дохтурова шелъ позади, въ разстояніи одного перехода, прикрытый конницею Корфа и гр. Палена. Когда армія прошла Полоцкъ, кавалерійскій корпусъ Монбрена переправился у Дисны на правый берегъ Двины и пошелъ вслѣдъ за нами. 11 іюля Барклай дошелъ до Витебска, гдѣ получилъ извѣстіе (оказавшееся потомъ невѣрнымъ), что Могилевъ уже занятъ Багратіономъ. Считая препятствія къ соединенію со 2-й арміей устраненными, Барклай послалъ Багратіону приказаніе начать совмѣстное наступательное дѣйствіе и направить одинъ корпусъ къ Шклову. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ свѣдѣній, 1-я армія расположилась на довольно высокомъ холмѣ передъ Витебскомъ.

Между тѣмъ французы перешли черезъ р. Улу, и 12 іюля Мюратъ занялъ Бѣшенковичи. Непріятельскіе отряды показались по дорогѣ изъ посада Сенно въ Бабиновичи; корпусъ Сенъ-Сира былъ оставленъ для наблюденія при Ушичѣ, а кавалерійскій корпусъ Груши направленъ изъ Минска въ Оршу. 13 іюля рано утромъ аванпосты донесли, что непріятель потянулся къ Островнѣ. Надо было задержать французовъ, чтобы дать время Багратіону приблизиться. Графъ Остерманъ-Толстой получилъ приказаніе итти къ Островнѣ и узнать о силѣ и намѣреніи непріятеля. Графъ Остерманъ съ 4-мъ корпусомъ, одною драгунскою бригадою, л.-гв. Гусарскимъ и Сумскимъ гусарскими полками и ротою конной артиллеріи направился къ мѣсту назначенія, чтобы задержать непріятельскій авангардъ какъ можно дольше и тѣмъ дать время Дохтурову присоединиться къ арміи. Въ 6 часовъ утра у корчмы Комары, въ 12 верстахъ отъ Витебска, два эскадрона л.-гв. Гусарскаго полка опрокинули первые непріятельскіе ведеты и бросились ихъ преслѣдовать, при чемъ при м. Островнѣ, встрѣтясь съ превосходными силами непріятеля, были опрокинуты и прогнаны, оставя 6 орудій въ рукахъ непріятеля. Графъ Остерманъ, узнавъ о томъ, послалъ для удержанія французовъ Сумскій гусарскій полкъ и, подойдя за двѣ версты къ Островнѣ, увидѣлъ предъ собою главныя силы корпуса Нансути, подъ личнымъ командованіемъ короля Неаполитанскаго. При выходѣ изъ густого лѣса, лежащаго впереди Островны, корпусъ нашъ былъ атакованъ французами, именно дивизіею Дельзона, поддержаннаго корпусомъ вице-короли Италіи, Евгенія. Остерманъ

Великій Князь Константинъ Павловичъ.
Съ портрета, находящагося въ музеѣ П. И. Щукина.

вышелъ изъ критическаго положенія, благодаря своей храбрости и распорядительности, понеся довольно значительныя потери ранеными и убитыми, свыше 2.000 чел., отступя къ дер. Какувичинѣ, гдѣ былъ смѣненъ 3-й дивизіей Коновницына. 14 іюля французы, подъ личнымъ наблюденіемъ Наполеона, возобновили атаку и, послѣ самой упорной обороны, оттѣснили Коновницына къ Витебску. Съ разсвѣтомъ 15 іюля, французы тронулись отъ Какувичины къ Витебску и въ 4 часа утра завязали перестрѣлку съ нашимъ авангардомъ, которымъ командовалъ гр. Паленъ и выказалъ въ этомъ случаѣ всѣ свои способности и военныя познанія. Сражаясь, Паленъ отступилъ къ берегамъ Лучосы; Наполеонъ сталъ развертывать свои силы, угрожая слабо прикрытому лѣвому флангу арміи. Барклай-де-Толли вначалѣ думалъ принять сраженіе на позиціи предъ Витебскомъ, но прибытіе адъютанта князя Багратіона измѣнило это намѣреніе, такъ какъ князь увѣдомлялъ, что Даву прежде его занялъ Могилевъ и пробиться 2-й арміи въ этотъ городъ не удалось, почему Багратіонъ полагалъ соединиться съ 1-й арміей, взявъ направленіе на Мстиславль и Смоленскъ.

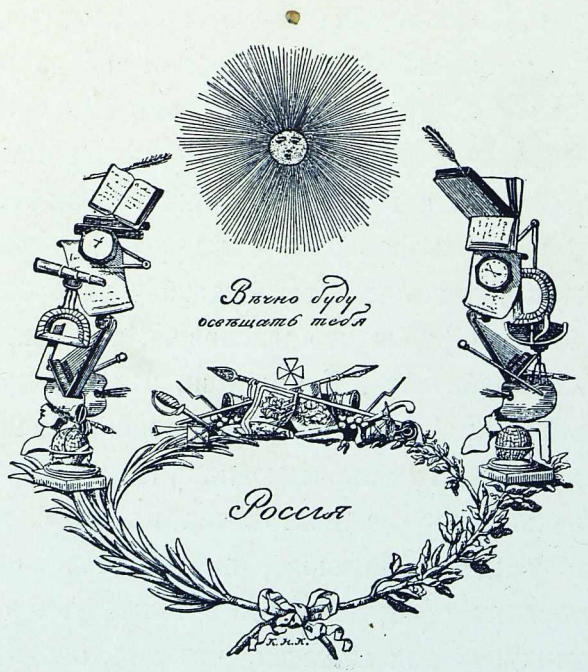
8 іюля корпусъ Даву занялъ Могилевъ; находившійся въ городѣ мѣстный батальонъ, встрѣтившій французскій авангардъ около города, пострѣлявъ въ непріятеля, скоро отступилъ, и французскіе солдаты разсыпались по улицамъ Могилева, преслѣдуя нашихъ солдатъ, убивая и бросая ихъ въ Днѣпръ. Одинъ изъ русскихъ офицеровъ былъ также убитъ на улицѣ. Появленіе французскихъ солдатъ было столь неожиданно для жителей, что они опомниться не успѣли, а могилевскій губернаторъ, графъ Толстой, едва успѣлъ скрыться изъ города на дрожкахъ, а потомъ даже бѣжалъ пѣшкомъ по болоту. Главнымъ начальникомъ въ Могилевѣ былъ назначенъ Даву. Въ городѣ

было устроено французское управленіе, и бывшій могилевскій уѣздный предводитель дворянства, Даніилъ Венцлавовичъ, назначенъ на должность мэра г. Могилева. Жители были насильно приведены къ присягѣ на вѣрность Наполеону и временно стали французами. Однако на своихъ новыхъ властителей они смотрѣли съ нескрываемой ненавистью, особенно, когда тѣ позволяли себѣ кощунства надъ православной религіей, входили въ храмы въ шапкахъ, производили уличныя безчинства и обижали женщинъ и горожанъ. Изъ числа могилевскихъ жителей набиралось потомъ ополченіе для войны съ русскими, но къ этому времени въ Могилевъ уже стали доходить слухи, что французамъ въ Москвѣ не повезло, что Наполеонъ идетъ обратно во Францію, и ополченіе это разбѣжалось.

Главнокомандующій, узнавъ о занятіи Могилева, велѣлъ корпусамъ сниматься съ лагеря и отступать по дорогѣ въ Порѣчье. Трудное это движеніе, среди яснаго, лѣтняго вечера, поблизости непріятеля, было выполнено превосходно и въ такомъ порядкѣ, что Наполеонъ принялъ его за передвиженіе арміи къ бою. Онъ также сталъ устраивать свои огромныя массы войскъ и послалъ къ Сенъ-Сиру и Груши предписанія поспѣшить къ Витебску. Графъ Паленъ держался на р. Лучосѣ до приближенія ночи, отступая медленно, оспаривая каждый шагъ земли. Подходя къ Лучосѣ, онъ остановился на позиціи, на правомъ флангѣ, которымъ была рѣка Двина, а на лѣвомъ—лѣсъ. Генералъ Брусье, наступая на Палена, построившаго свои войска въ карре, расположенныя уступами, не могъ сбить его, а французскій конно-егерскій полкъ, показавшійся на равнинѣ, противъ праваго фланга нашего, былъ опрокинутъ л.-гв. Казачьимъ полкомъ, поддержаннымъ Сумскими гусарами, при помощи огня скрытой батареи, расположенной позади нѣсколькихъ зажженныхъ домовъ. Эта батарея, поставленная на высотѣ возлѣ большой дороги, била во флангъ непріятельской кавалеріи, вышедшій на луга, лежащіе около Двины, что много способствовало успѣху блистательныхъ атакъ, произведенныхъ кавалеріею гр. Палена.

На слѣдующее утро французы заняли Витебскъ, въ которомъ Наполеонъ прожилъ до 1-го августа, и съ балкона губернаторскаго дома, сохранившагося до настоящаго времени, смотрѣлъ на парадъ проходившихъ церемоніальнымъ маршемъ полковъ своей арміи, о чемъ въ пышныхъ донесеніяхъ доводилось до свѣдѣнія Парижа.

Событія 1812 г. потрясли всѣ слои русскаго народа и воодушевили единымъ чувствомъ царя, дворянство и всѣ другія сословія. Русская жизнь съ этого времени, оставивъ прежнюю подражательность, вышла на дорогу народности. Литература приняла національный характеръ, памятникомъ вспышки партіотизма служитъ „Собраніе стихотвореній, относящихся къ незабвенному 1812 году“, съ заглавнаго листка котораго взята виньетка, служащая концовкою настоящей главы.



Видъ гор. Смоленска въ 1812 году.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

торая армія князя Багратіона прибыла 1-го іюля въ г. Слуцкъ, гдѣ получено было извѣстіе о томъ, что непріятельскіе разъѣзды появились въ Свислочѣ, въ 40 верстахъ отъ Бобруйска. Это былъ корпусъ Пажоля, котораго Даву послалъ изъ Минска, а самъ пошелъ на Могилевъ. Багратіонъ рѣшилъ также итти прямо къ Могилеву, надѣясь предупредить непріятеля. Раздѣливъ армію на двѣ колонны, онъ послалъ Раевскаго съ 7-мъ корпусомъ и нѣсколькими кавалерійскими полками, чтобы атаковать непріятеля, въ случаѣ занятія имъ Бобруйской дороги. Самъ же, съ корпусомъ Бороздина и 2-го Кирасирскаго дивизіона, шелъ въ одномъ маршѣ за Раевскимъ, для поддержки Платова, который при Романовѣ отразилъ авангардъ короля Вестфальскаго, состоявшій изъ 7-ми полковъ конницы, и взялъ у него въ плѣнъ 16 офицеровъ и 300 чел. нижнихъ чиновъ. Обозы, раненые и больные были отправлены въ Мозырь.

Далѣе Романова непріятель не преслѣдовалъ 2-й арміи. Наполеонъ, какъ уже выше сказано, недовольный дѣйствіями своего брата, подчинилъ его начальству Даву. Іеронимъ не хотѣлъ повиноваться маршалу, почему оставилъ армію и Россію, уѣхавъ въ свою столицу Кассель. Тогда же, вслѣдствіе неудовольствія, Вандамъ замѣненъ былъ, какъ командиръ вестфальскаго корпуса, маршаломъ Жюно. Даву приказалъ корпусамъ Понятовскаго и Латуръ-Мобура присоединиться къ нему черезъ Игуменъ, а Жюно слѣдовать черезъ Минскъ и Борисовъ къ Оршѣ. Такимъ образомъ армія Багратіона, освободясь отъ непріятеля, находившагося у ней въ тылу, могла продолжать свой путь на Бобруйскъ, куда и прибыла 6-го іюля. Здѣсь провелъ Багратіонъ три дня, давъ отдыхъ войскамъ и время для подвоза провіанта и снарядовъ. При выходѣ изъ Бобруйска Багратіонъ увелъ изъ него 6 резервныхъ батальоновъ, оставивъ въ крѣпости лишь 4.000 чел. гарнизона и сотню казаковъ подъ начальствомъ неутомимаго генерала Игнатьева. Генералъ-майоръ Запольскій, командовавшій корпусомъ, расположеннымъ при г. Мозырѣ, и находившійся подъ начальствомъ Багратіона, получилъ приказаніе держаться въ этомъ пунктѣ, чтобы прикрыть сообщеніе 3-й арміи Тор-

масова съ г. Кіевомъ. Багратіонъ выступилъ изъ Бобруйска 7 и 8-го іюля къ Могилеву, при чемъ впереди шелъ Раевскій съ своимъ корпусомъ, конницею гр. Сиверса и казаками полковника Сысоева. Но когда казаки Сысоева, 9 числа, подошли къ Дашковкѣ (послѣдней станціи отъ Могилева), то узнали, что городъ наканунѣ былъ занятъ маршаломъ Даву, который воспользовался отдыхомъ Багратіона въ Бобруйскѣ и вступилъ ранѣе его въ Могилевъ. Занимавшій городъ слабый отрядъ полковника Грессера отступилъ къ Дашковкѣ, преслѣдуемый французской кавалеріей. Полковникъ Сысоевъ устроилъ засаду, взялъ въ плѣнъ 200 чел. и погнался преслѣдовать непріятельскихъ всадниковъ, но, встрѣтивъ пѣхоту съ орудіями, долженъ былъ остановиться.

Князю Багратіону чрезвычайно важно было взять Могилевъ, гдѣ была лучшая переправа черезъ Днѣпръ и прямая дорога для соединенія съ 1-й арміей Барклая. Переправляться ниже, значило терять время и давать возможность непріятелю итти къ Мстиславлю и тамъ снова преградить путь 2-й арміи. Вотъ почему Багратіонъ отдалъ приказаніе Раевскому немедля атаковать непріятеля, занявшаго прекрасную позицію за болотистою рѣчкою у селенія Салтановки. Однако, несмотря на умѣлыя распоряженія Раевскаго, направившаго въ 8 часовъ пополуночи 12-ю пѣхотную дивизію генералъ-майора Колюбакина атаковать мостъ и 26-ю дивизію генералъ-майора Паскевича, посланнаго влѣво, къ селу Фатову, наши войска не могли одолѣть Даву. Багратіонъ, прибывъ на поле сраженія и убѣдившись въ значительности силъ противника, отдалъ приказаніе отступить. Рѣшено было переправиться черезъ Днѣпръ, ниже Могилева, и итти на Мстиславль, чтобы оттуда искать соединенія съ Барклаемъ, черезъ Горки или Смоленскъ. Для этого Раевскому было приказано отойти къ Дашковкѣ, а Бороздину устроить мостъ у Новаго Быхова. Платову же перейти Днѣпръ въ бродъ у Ворколабова и прикрыть движеніе 2-й арміи, слѣдуя на Чаусы и Горки. 13-го іюля армія была у Стараго Быхова, 14-го перешла мостъ и 17-го, направясь на Пропойскъ и Чириковъ, достигла Мстиславля. Атаманъ Платовъ изъ Чаусы сдѣлалъ видъ, что хочетъ атаковать Могилевъ съ лѣваго берега рѣки. Даву не рѣшился съ усталыми войсками итти въ глубь Россіи, притомъ онъ былъ увѣренъ, что Багратіонъ возобновитъ атаку Могилева и опасался Платова, а еще болѣе слишкомъ большого отдаленія отъ главныхъ силъ Наполеона, находившихся близъ Витебска, почему потерялъ изъ виду 2-ю армію нашу, которая безпрепятственно пошла къ Смоленску, а Платовъ присоединился къ Барклаю, направясь изъ Горокъ на Дубровну.

Дмитрій Петровичъ Невѣровскій.

Когда Багратіонъ открылъ себѣ путь къ Смоленску, Барклай былъ на маршѣ изъ Витебска въ Порѣчье,— направленіе имъ избранное имѣло въ виду прикрытіе всѣхъ транспортовъ и парковъ, которые были отправлены именно по этой дорогѣ. Армія Барклая слѣдовала тремя колоннами на Яновичи, Колышки и Ліозну. Графъ Паленъ былъ въ арьергардѣ. 16 іюля получили извѣстіе, что Наполеонъ намѣренъ пересѣчь намъ дорогу къ Смоленску, направивъ туда войска изъ Витебска чрезъ Рудню и изъ Могилева черезъ Горки. Барклай приказалъ Дохтурову, слѣдовавшему со своимъ корпусомъ и гвардіею на Ліозну, итти усиленными маршами въ Смоленскъ, куда онъ и вступилъ 19-го іюля. Бар-

клай-де-Толли пришелъ 17-го въ Порѣчье и на слѣдующій день тронулся на Холмъ, а 20-го достигъ также Смоленска, не тревожимый французами, которые отъ Порѣчья прекратили свое преслѣдованіе русскихъ.

Армія расположилась на правомъ берегу Днѣпра, имѣя авангарды: гр. Палена въ Холмѣ, Шевича въ Руднѣ и Оленина въ Красномъ. Платову было приказано стать въ Холмѣ и находиться въ безпрерывномъ сношеніи съ авангардами, прикрывать фланги арміи и дороги, ведущія къ непріятелю. Особый отдѣльный отрядъ изъ четырехъ казачьихъ и одного драгунскаго полка, подъ командою генералъ-адъютанта Винценгероде, былъ посланъ въ Духовщину съ приказаніемъ тревожить лѣвый флангъ французовъ и не давать имъ распространяться въ нашу землю.

21-го іюля Багратіонъ, опередивъ свою армію, пріѣхалъ въ Смоленскъ. Онъ былъ старше Барклая въ чинѣ, но, безъ Высочайшаго повелѣнія, подчинилъ себя Барклаю, который въ прежнихъ войнахъ часто бывалъ подъ его начальствомъ.

На другой день пришла къ Смоленску 2-я армія и стала на лѣвомъ берегу Днѣпра. Позабыты были всѣ понесенные труды при 750-верстномъ обходѣ французскихъ войскъ.

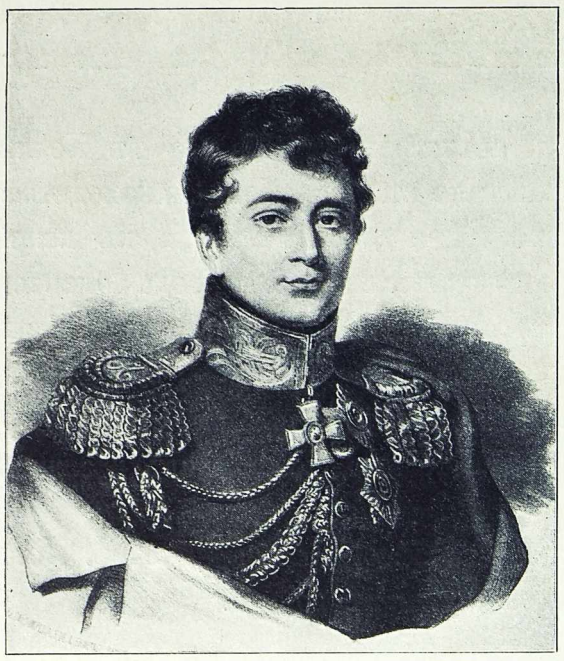
Французы подъ Ліозной 23-го іюля 1812 г.

Узнавъ, что Даву не успѣлъ преградить путь князю Батратіону къ Смоленску, Наполеонъ остановилъ движеніе своей главной арміи. Эта остановка была необходима, такъ какъ французскія войска нуждались въ отдыхѣ, а также требовалось время для собранія отсталыхъ, подхода запоздавшихъ обозовъ и сосредоточенія продовольствія, обезпечивающаго тылъ и флангъ при дальнѣйшемъ движеніи въ Россію.

Размѣстивъ свою армію на кантониръ-квартиры между Двиною и Днѣпромъ, отъ Велижа до Орши, Наполеонъ въ такомъ положеніи провелъ двѣ недѣли, при чемъ его гвардія находилась съ нимъ въ Витебскѣ, а Мюратъ, съ кавалерійскими корпусами Нансути и Монбрена, стоялъ въ Ліознѣ и Руднѣ; позади его Ней. На лѣвомъ крылѣ вице-король въ Суражѣ и Велижѣ, на правомъ Даву, Жюно и Груши въ Оршѣ и Дубровнѣ. Латуръ-Мобуръ на маршѣ туда же; Понятовскій въ Могилевѣ. Передовая цѣпь французскихъ войскъ шла отъ Лядова черезъ Инково до Велижа.

Обѣ наши арміи 1-я и 2-я находились у Смоленска, съ авангардами въ Духовщинѣ, Холмѣ, Ковалевскомъ, Катани и Красномъ.

Барклай-де-Толли не хотѣлъ отступать далѣе и рѣшилъ начать дѣйствія, которыхъ и Императоръ Александръ ожидалъ съ нетерпѣніемъ. На военномъ совѣтѣ, собранномъ въ Смоленскѣ 25-го іюля, на который были приглашены главнокомандующіе арміями, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, начальникъ главнаго штаба 1-й арміи генералъ-майоръ Ермоловъ, начальникъ 2-й арміи

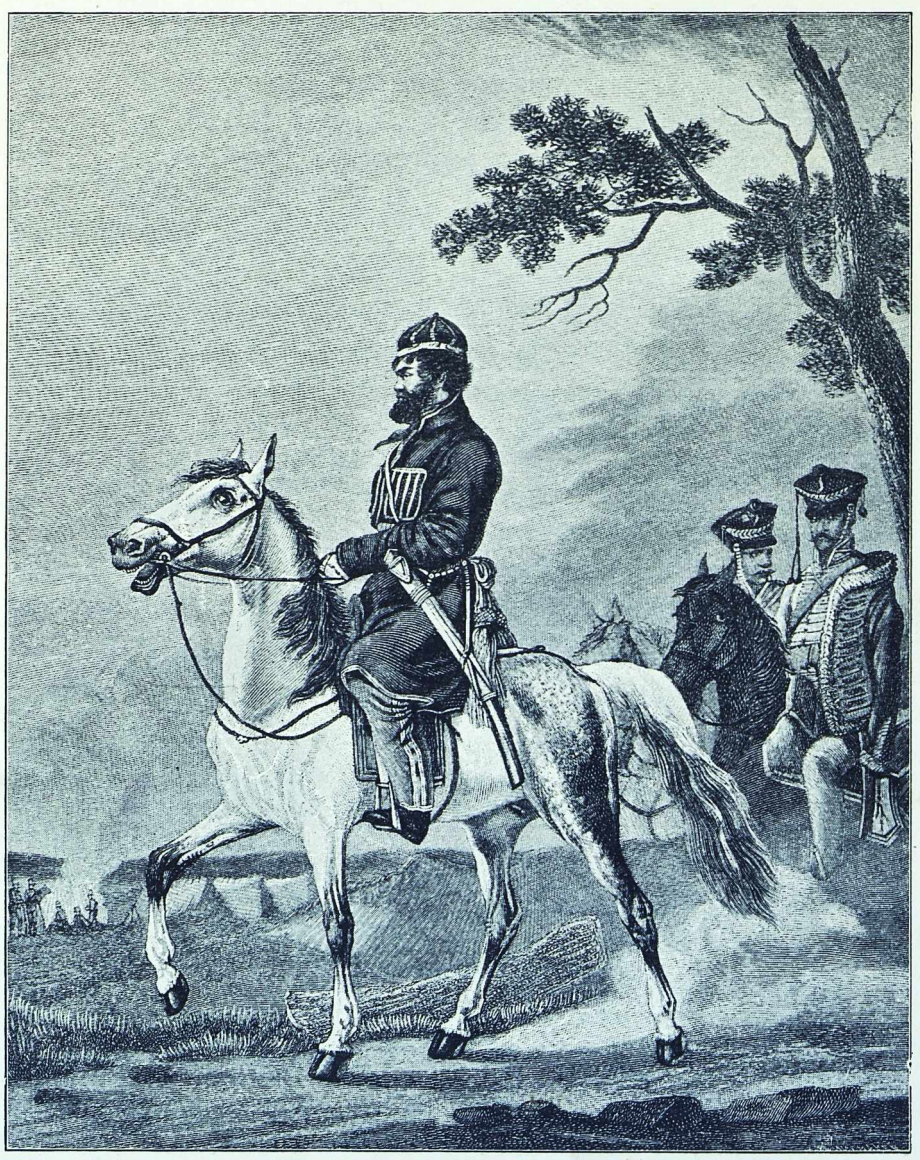


Эмануилъ Францевичъ Сентъ-Пріестъ.

генералъ-адъютантъ Сентъ-Пріестъ и генералъ-квартирмейстеръ первой арміи полковникъ Толь, который предложилъ, пользуясь раздѣленіемъ французскихъ корпусовъ, немедленно атаковать центръ ихъ временныхъ квартиръ, направивъ главныя наши силы къ мѣстечку Руднѣ. Толь представилъ, что, дѣйствуя съ быстротою, можно надѣяться легко разорвать непріятельскую линію, послѣ чего легко будетъ, со всею выгодою внутреннихъ путей противъ внѣшнихъ, дѣйствовать или въ правый флангъ ихъ лѣваго крыла, или, что казалось еще выгоднѣе, въ лѣвый флангъ того же крыла, чтобы опрокинуть его къ Могилеву. Мнѣніе это, одобренное цесаревичемъ и Багратіономъ, принято было всѣми единодушно и рѣшено итти со всѣми силами на Рудню, какъ на центръ расположенія Наполеона.

26-го іюля обѣ арміи двинулись впередъ, 1-я двумя колоннами шла къ Ковалевскому и Приказъ-Выдрѣ; 2-я на Катань; Платовъ съ казаками, подкрѣпленными отрядомъ гр. Палена, составлялъ авангардъ; Невѣровскій, съ 27-ю дивизіею, однимъ драгунскимъ и тремя казачьими полками былъ посланъ въ Красный, для смѣны Оленина и наблюденія Оршанской дороги; небольшой отрядъ кн. Шаховского занялъ деревню Касплю, на оконечности Касплинскаго озера. Генералъ-квартирмейстеры выѣхали впередъ для осмотра дорогъ. Воспрянулъ духъ обѣихъ армій, такъ какъ это было первое наступательное движеніе въ походѣ, какъ вдругъ, на слѣдующее утро, главнокомандующій отдалъ приказъ остановиться. Ложныя донесенія о силѣ непріятеля въ Порѣчьѣ и опасеніе, чтобы Наполеонъ не двинулся въ тылъ намъ, заставили Барклая перевести 1-ю армію на Порѣчьевскую дорогу, 2-я должна была занять ея мѣсто у Приказъ-Выдры, а Платову предписано было не двигаться впередъ. Но прежде чѣмъ эта перемѣна диспозиціи дошла до атамана, онъ и графъ Паленъ имѣли утромъ 27-го іюля удачное дѣло съ непріятелемъ, внезапно атаковавъ при Молевомъ болотѣ и прогнавъ до Рудни передовыя войска авангарда генерала Себастіани.

28-го іюля первая армія сосредоточилась у Стабни и Мощинокъ, вторая стала у Приказъ-Выдры. Изъ этого расположенія Барклай хотѣлъ, въ случаѣ надобности, напасть съ превосходными силами на лѣвый флангъ французовъ, открыть прямое сообщеніе съ гр. Витгенштейномъ и уже потомъ обезпечить Московскую дорогу. Багратіонъ не соглашался съ нимъ насчетъ опасности со стороны Порѣчья, настаивалъ на необходимости продолжать маршъ на Рудню и утверждалъ, что Наполеонъ будетъ обходить нашъ лѣвый флангъ, а не правый. Барклай, уступая настойчивымъ требованіямъ Багратіона, приказалъ ему возвратиться со 2-ю арміею въ Смоленскъ, чтобы не дать французамъ



Партизанъ Денисъ Давыдовъ.

возможности предупредить насъ въ этомъ пунктѣ. Передовые отряды арміи Багратіона остались на дорогѣ къ Руднѣ. Платовъ расположился у Гаврикова. Такъ прошли дни 29, 30 и 31 іюля. Для дальнѣйшихъ распоряженій ждали извѣстій о непріятелѣ, а тѣмъ временемъ распространился слухъ, что между Багратіономъ и Барклаемъ идутъ разногласія, что значительно понизило въ войскахъ довѣріе къ Барклаю. Отношенія между главнокомандующими напоминали отношенія Беннигсена и Буксгевдена въ 1806 году. „Никогда главнокомандующій какой-либо арміи не находился въ столь непріятномъ положеніи, какъ я въ сіе время“,—писалъ потомъ Барклай Императору Александру. Багратіонъ обвинялъ Барклая прямо въ государственной измѣнѣ и притомъ не только устно, но и письменно. „Мы проданы, писалъ онъ Ермолову, я вижу, насъ ведутъ на гибель“. „Я служилъ моему Государю, а не Бонапарту“,—прибавлялъ Багратіонъ, намекая на то, что кто-то другой служитъ Бонапарту. Поставленный между двухъ огней—опасеніемъ погрома, который Барклай въ глубинѣ души считалъ неизбѣжнымъ при столкновеніи съ главными силами Наполеона, и нежеланіемъ быть ославленнымъ, какъ измѣнникъ—Барклай изображалъ шагъ на мѣстѣ, въ сущности не идя впередъ, и все время имѣлъ въ виду не столько положеніе французовъ, сколько отношенія къ себѣ Багратіона. „Я долженъ былъ льстить его самолюбію, признавался онъ впослѣдствіи Александру, и уступать ему въ разныхъ случаяхъ противъ собственнаго своего удостовѣренія“.

Наполеонъ среди войскъ по дорогѣ къ Смоленску. (Съ акварели, находящейся въ музеѣ П. И. Щукина).

Іюля 31-го было получено донесеніе, что непріятельскій отрядъ очистилъ Порѣчье и пошелъ по Витебской дорогѣ. Барклай, не имѣя болѣе опасенія за свой правый флангъ, снова, 1-го августа, направился на дорогу къ Руднѣ и сталъ на Волоковой, а Багратіона пригласилъ къ выступленію изъ Смоленска къ Надвѣ.

Когда наши арміи производили эти безполезныя движенія передъ Смоленскомъ, Наполеонъ созвалъ въ Витебскѣ совѣтъ для рѣшенія вопроса: довольствоваться ли ему занятымъ краемъ или итти далѣе? Большая часть призванныхъ маршаловъ полагала остановиться до весны будущаго года, укрѣпить выгоднѣйшія мѣста на Днѣпрѣ и Двинѣ, заняться приготовленіями къ продолженію войны и, присоединивъ покоренную уже французами страну къ Польшѣ, усилить армію сформированіемъ новыхъ полковъ. Наполеонъ утверждалъ, что въ іюлѣ рано думать о зимнихъ квартирахъ, и что арміи его, привыкшей къ быстрымъ наступательнымъ дѣйствіямъ, несвойственно оборонитель-

ное положеніе въ продолженіе восьми мѣсяцевъ; онъ приказалъ быстро перебросить главную массу своихъ войскъ на лѣвый берегъ Днѣпра и черезъ Красный попытаться охватить лѣвое крыло соединенныхъ русскихъ армій, отрѣзывая ихъ этимъ движеніемъ отъ южныхъ губерній и отъ резервной арміи Тормасова, а въ случаѣ успѣха захвата Смоленска и отъ Москвы. Но тутъ, въ кампаніи 1812 г., вторично обнаружилось, что маршалы Наполеона, въ отсутствіе своего императора, способны были дѣйствовать не лучше нашихъ генераловъ. Мюратъ повторилъ ошибку Даву,— давъ отступить во-время небольшому сторожевому отряду, прикрывавшему нашъ лѣвый флангъ, и позволилъ, благодаря этому, сосредоточить намъ наскоро достаточныя силы для защиты Смоленска.

Когда французы намѣревались тронуться изъ Витебска, они узнали о нападеніи Платова на передовыя ихъ войска у Рудни. Первымъ дѣломъ Наполеона было помѣшать дальнѣйшему наступленію русскихъ. Онъ приказалъ Мюрату и Нею сосредоточиться у Рудни, вице-королю перейти изъ Суража въ Ліозну, куда слѣдовала также гвардія отъ Витебска; Даву, Понятовскому, Жюно и Латуръ-Мобуру предписалъ собраться у Расасны и Романова, такъ какъ Расасна и Хомино назначены были мѣстами переправы черезъ Днѣпръ, гдѣ приступили немедленно къ наводкѣ мостовъ, и 2-го августа на лѣвомъ берегу Днѣпра сосредоточилась вся главная армія непріятеля въ 190.000 чел. и двинулась къ Лядамъ. Впереди находился Мюратъ съ тремя кавалерійскими корпусами; за нимъ корпуса Нея, Даву, вице-короля и гвардейскій. Правѣе, черезъ Романово, шли Понятовскій, Жюно и Латуръ-Мобуръ. Только одна кавалерійская дивизія Себастіани осталась на правомъ берегу Днѣпра для наблюденія за русскими. Наступали корпуса арміи Наполеона широкимъ фронтомъ, верстъ въ 40—50, какъ это дѣлалось въ послѣднюю японскую войну нашими арміями.

Наша 1-я армія стояла тогда у Волковой; Багратіонъ подходилъ къ Надвѣ съ корпусомъ Бороздина, корпусъ Раевскаго долженъ былъ слѣдовать за нимъ днемъ позже. Невѣровскій занималъ Красный. 2-го августа послѣ полудня онъ былъ атакованъ конницею Мюрата, которая, напирая съ фронта, въ то же время обходила и атаковала его справа и слѣва. Невѣровскій, лишившись при первомъ же натискѣ непріятеля большей части своей артиллеріи, оставленный также опрокинутою своею кавалеріею, свернулъ пѣхоту въ карре и десять верстъ молодецки отступалъ, отстрѣливаясь изъ ружей и отражая атаки штыками 15.000 конницы. Ночью 27-я дивизія отошла до оврага, въ шести верстахъ отъ Смоленска.

Чудотворная икона Смоленской Божіей Матери Одигитріи (Путеводительницы) въ каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ г. Смоленска.

Канонада подъ Краснымъ слышна была на правомъ берегу Днѣпра, по которому Раевскій шелъ за Багратіономъ къ Надвѣ. Когда было получено увѣдомленіе объ опасности, грозившей Невѣровскому, Раевскій остановился и, получивъ ночью предписаніе вернуться въ Смоленскъ, послалъ впередъ Паскевича съ восемью батальонами, за которыми пошелъ и самъ. 3-го августа утромъ Паскевичъ соединился съ Невѣровскимъ, стоявшимъ за оврагомъ, у котораго онъ остановился наканунѣ. Раевскій сталъ позади за три версты. Положеніе было опасное: пространство въ 30 и 40 верстъ раздѣляло его отъ 2-й и 1-й армій, а въ виду были всѣ силы Наполеона.

Утро 3-го августа прошло спокойно; въ 4 часа пополудни французскій авангардъ подошелъ къ оврагу и остановился на пушечный выстрѣлъ. Вечеромъ на огромномъ пространствѣ запылали огни, по которымъ легко было судить объ огромномъ числѣ непріятеля. Раевскій со-

Съ картины, находящейся въ Зимнемъ дворцѣ.

ПОДЪ СМОЛЕНСКОМЪ.

Профессора Петра Гессъ.

Повтореніе этой картины Императоромъ Николаемъ I подарено въ 1841 г. дворянству Смоленской губерніи и находится въ залѣ дворянскаго собранія.

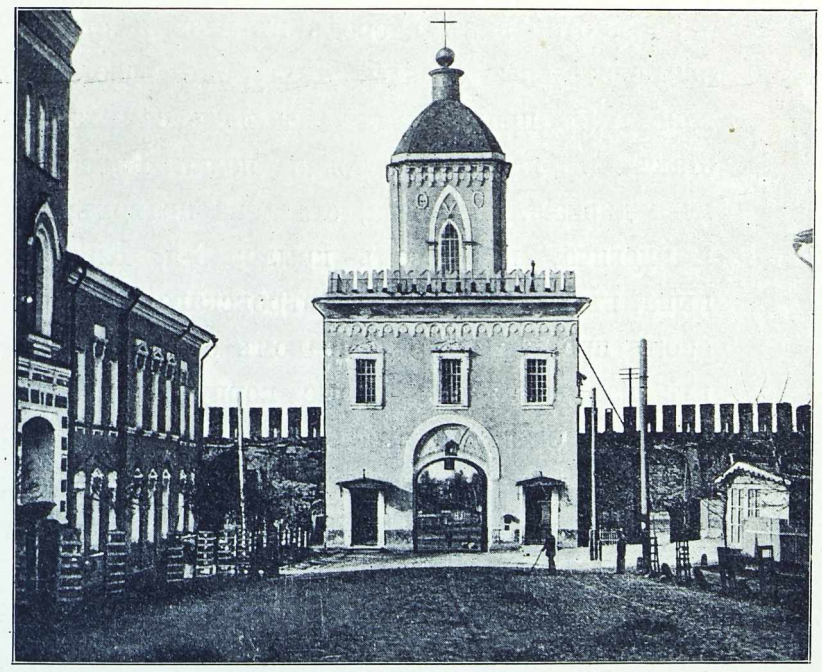
звалъ военный совѣтъ. Мнѣніе генерала Паскевича, „что должно сражаться не въ полѣ, а у самого Смоленска“, было принято. Ночью корпусъ отступилъ къ городу и расположился впереди его въ предмѣстьяхъ: Красненскомъ, Мстиславскомъ и Никольскомъ. Резервы стояли въ городѣ и Королевскомъ бастіонѣ.

Современный видъ Успенскаго собора въ гор. Смоленскѣ.

Правымъ крыломъ, на которое ожидалась атака, командовалъ Паскевичъ. Онъ поставилъ двѣ пушки впереди Красненскаго предмѣстья, для обстрѣла дороги по Днѣпру: 6 батальоновъ 26-й дивизіи помѣстилъ за прикрытіемъ орудій. Самый кронверкъ вооружилъ 18-ю орудіями, а по стѣнѣ разставилъ Виленскій полкъ. Въ центрѣ бригада Ставицкаго (27-й дивизіи) съ 24-мя орудіями заняла кладбище впереди Мстиславскаго форштата, а 8 батальоновъ и 24 орудія 12-й дивизіи остались въ самомъ форштатѣ. На лѣвомъ крылѣ, къ дорогѣ въ Рославль, поставили 2 батальона и 4 орудія, а за ними, въ Никольскомъ предмѣстьѣ, остальную бригаду 27-й дивизіи Невѣровскаго.

Кромѣ того, набрали изъ госпиталей нѣсколько сотъ человѣкъ выздоравливавшихъ, вооружили ихъ и поставили также на городской стѣнѣ.

Съ 3-го на 4-е августа Наполеонъ ночевалъ въ новомъ архіерейскомъ дворѣ, въ 7 верстахъ отъ Смоленска. Съ зарею 4-го числа выѣхалъ онъ къ авангарду, составленному изъ корпуса Нея и конницы Мюрата. Осмотрѣвъ окрестности, Наполеонъ приказалъ Нею атаковать городъ. Онъ былъ увѣренъ, что русскія арміи еще далеко, а въ Смоленскѣ лишь дивизія Невѣровскаго. Наша кавалерія, тѣснимая французами, отступила къ городу. Спустя полчаса, появились три большія непріятельскія колонны у деревни Чернушки; одна изъ нихъ шла на Королевскій бастіонъ, другая на кладбище, а третья вдоль Днѣпра на Красненское предмѣстье. 70 русскихъ орудій открыли огонь. Непріятель, приближаясь къ оврагу, составлявшему на этомъ мѣстѣ ровъ Смоленской крѣпости, взобрался на гласисъ; Орловскій полкъ, расположенный за прикрытымъ путемъ, открылъ ружейный огонь и остановилъ французовъ; нѣсколько разъ пытались они выйти изъ оврага и броситься на нашу пѣхоту, но, встрѣчаемые батальнымъ огнемъ, принуждены были отступать. Видя, что атака непріятеля слабѣетъ, Паскевичъ приказалъ Орловскому полку ударить въ штыки; Ладожскій и Нижегородскій полки сдѣлали то же; непріятель былъ выбитъ изъ оврага и трупами своими покрылъ все пространство до противоположной стороны оврага. Получа подкрѣпленіе, французы снова двинулись впередъ, часто стрѣляя, но не смѣя дѣлать новыхъ атакъ. Въ центрѣ, ихъ стрѣлки и колонны подошли къ нашимъ батареямъ и выдвинули свою артилерію. Ихъ встрѣтили сначала картечью, а потомъ при крикахъ „ура!“ наши бросились впередъ и отбили приступъ.



Современный видъ Молоховскихъ воротъ со стороны города.

На Никольскій форштатъ атаки не было.

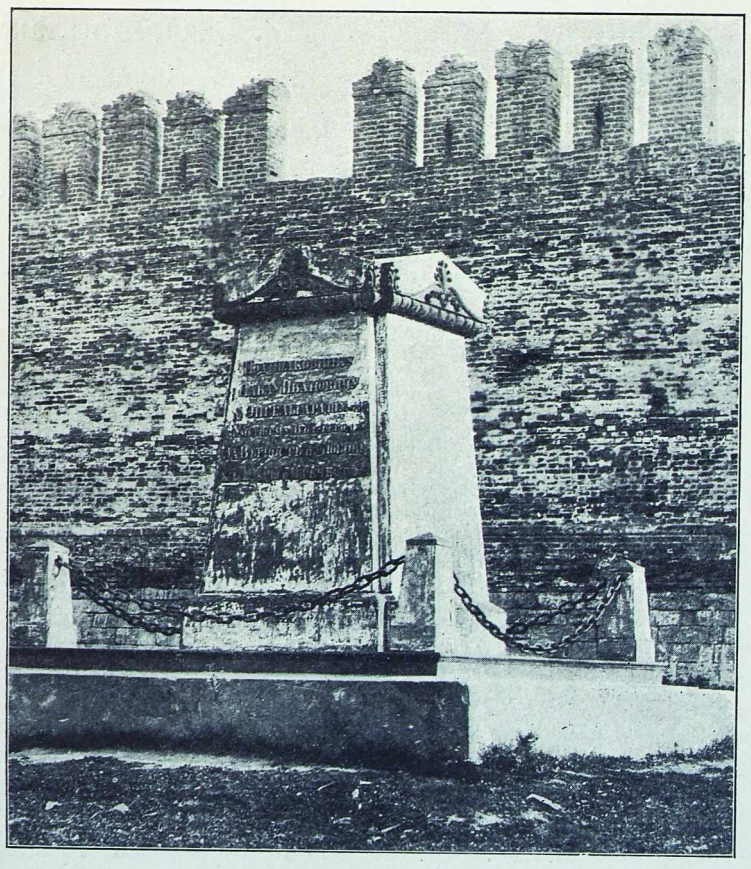
Въ 9 часовъ утра стала сосредоточиваться вся французская армія, окружая городъ. Наполеонъ, видя неудачу приступовъ, поставилъ батареи и билъ городскія стѣны, занявъ промежутки между батареями стрѣлками. Наши за прикрытымъ путемъ теряли немного людей. Около полудня

появилась на правомъ берегу Днѣпра 2-я армія Багратіона. Съ высокаго берега, по которому шла армія, видны были всѣ движенія непріятеля, равно и оборона Раевскаго. Невзирая на усталость людей, совершившихъ ночной переходъ болѣе 30 верстъ, никто не думалъ объ отдыхѣ; глаза всѣхъ войскъ 2-й арміи были устремлены на мѣсто сраженія. Наполеонъ, увидя наши войска, былъ увѣренъ въ близости общаго сраженія, почему сказалъ: „Наконецъ русскіе въ моихъ рукахъ“.

Доставленіе раненаго молодого французскаго офицера въ крестьянскій домъ близъ Смоленска.—Картина М. Машинскаго.

На подмогу Раевскому была послана 2-я кирасирская дивизія, но оказалась безполезною и остановлена была по ту сторону Днѣпра. За кирасирами, въ 7-мъ часу, подошла 2-я гренадерская дивизія, но и ее остановили у моста, потому что бой мало-по-малу сталъ стихать. Наполеонъ, полагая, что наши арміи приближались для боя, не ввелъ въ дѣло всѣхъ войскъ, собранныхъ уже подъ Смоленскомъ, но хотѣлъ прежде сосредоточить всѣ свои силы. Вечеромъ 4-го августа и въ ночь на 5-е число подходили французскіе корпуса, которые утромъ расположились кругомъ Смоленска: на лѣвомъ крылѣ у Днѣпра—Ней; правѣе отъ него, на дорогахъ Красненской и Мстиславской—Даву; рядомъ съ нимъ—Понятовскій; на правомъ крылѣ, примыкая къ Днѣпру—конница Мюрата. Гвардія была въ резервѣ позади корпуса Даву, а вице-король Италіи остался на Красненской дорогѣ, между Корытною и Любною, наблюдая, не попытаются ли русскія войска перейти Днѣпръ и атаковать французовъ съ тыла. Корпусъ Жюно, назначенный примкнуть къ правому флангу, сбился съ дороги и пришелъ къ мѣсту своего назначенія лишь въ 5 часовъ пополудни.

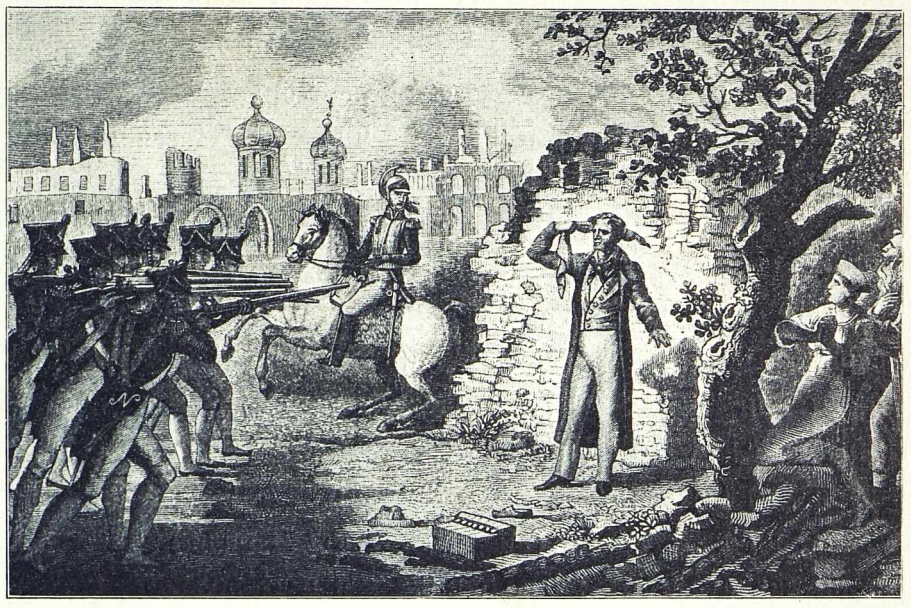
Съ восходомъ солнца Наполеонъ былъ на полѣ сраженія, ожидая боя, но Барклай рѣшилъ съ Багратіономъ: 2-й арміи двинуться по Дорогобужской дорогѣ къ Соловьеву, оставя у Смоленска, на Московской дорогѣ, авангардъ подъ начальствомъ кн. Горчакова, а для прикрытія этого движенія 1-й арміи занять однимъ корпусомъ Смоленскъ, прочимъ же корпусамъ расположиться на высотахъ за Петербургскимъ предмѣстьемъ. Ночью на 5-е августа стали приводить въ исполненіе эти распоряженія. Въ Смоленскъ назначили корпусъ Дохтурова, который въ полночь смѣнилъ Раевскаго и усиленъ былъ дивизіями Невѣровскаго и Коновницына и бригадою дивизіи Колюбакина. Къ утру 5-го числа 1-я армія заняла указанное ей мѣсто по обѣ стороны Петербургской дороги; 2-я отошла на 12 верстъ по Московской дорогѣ, отправивъ впередъ въ разныя стороны наблюдательные отряды. Дохтуровъ разставилъ войска въ предмѣстьяхъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ наканунѣ стояли полки Раевскаго: 24-я дивизія, Лихачева, стала на правомъ; 7-я, Капцевича, на лѣвомъ крылѣ; 3-я, Коновницына, въ резервѣ; 27-я Невѣровскаго, въ Раченскомъ предмѣстьѣ. На правомъ берегу Днѣпра, гдѣ находились остальные корпуса 1-й арміи, устроены были сильныя батареи, съ цѣлью бить во флангъ непріятелю, когда онъ пойдетъ штурмовать Смоленскъ. Въ 8 часовъ утра раздались первые выстрѣлы; въ 10 пальба была общею, и начались частныя нападенія на предмѣстья, но французы въ теченіе утра не дѣлали никакихъ особенныхъ усилій для овладѣнія Смо-



Памятникъ Энгельгардту и Шубину, героямъ 1812 г.

ленскомъ. Къ 2 часамъ они даже отступили на пушечный выстрѣлъ. Наполеонъ ждалъ, что русскіе выйдутъ изъ Смоленска и примутъ сраженіе впереди города, но скоро онъ получилъ донесеніе съ праваго фланга, что тамъ замѣтили отступленіе нашихъ войскъ по Московской дорогѣ. Наполеонъ поскакалъ къ Шеину-Острову; здѣсь онъ своими глазами убѣдился въ движеніи Багратіона. Первою мыслью Наполеона было отрѣзать 2-ю армію отъ 1-й; но разосланные разъѣзды не нашли брода, и тогда Наполеонъ, рѣшившись овладѣть во что бы то ни стало Смоленскомъ, велѣлъ начать общую атаку. Въ 4 часа пополудни одновременно двинулись колонны.

Ней шелъ на Красненское предмѣстье, Даву на Мстиславское, Понятовскій атаковалъ Раченку и поставилъ батареи, направленныя вдоль Днѣпровскаго моста. Часа два держался Дохтуровъ, но наконецъ принужденъ былъ войти въ городъ и разставить пѣхоту по стѣнамъ, а артиллерію по бастіонамъ, только небольшое количество стрѣлковъ оставалось внѣ стѣнъ. Русскія батареи, стоявшія по правому берегу Днѣпра, на оконечности лѣваго фланга арміи, все время не переставали стрѣлять по французамъ. Обиліе войскъ дало Наполеону возможность вдругъ атаковать всѣ части города, но крѣпкія, старинныя стѣны укрывали наши войска отъ дѣйствія орудій непріятеля и его ружейныхъ выстрѣловъ; благодаря этимъ стѣнамъ, уронъ нашъ былъ незначителенъ въ сравненіи съ ужасною потерею французовъ. Недаромъ въ старину смоленскія стѣны назывались дорогимъ ожерельемъ Россіи. Ибо съ половины XIII в. Смоленскъ былъ оплотомъ русскаго государства и сохранилъ это значеніе до 1812 года. Мало того, самая династія дома Романовыхъ—Захарьиныхъ—Кошкиныхъ смоленскаго происхожденія; въ домѣ Романовыхъ три царевны были смолянки: Евдокія Семеновна, Наталья Кириловна и Агаѳья Семеновна. Кромѣ того черезъ царицу Анастасію Романовну новая династія связана со старою.



Подвигъ подполковника Павла Ивановича Энгельгардта.

Главный натискъ французовъ былъ направленъ на Молоховскія ворота, защищаемыя Коновницынымъ. Четыре раза пришлось перемѣнить наши 4 орудія, стоявшія у воротъ, самъ Коновницынъ былъ раненъ въ руку.

Барклай, безпокоясь объ успѣхѣ защиты города, послалъ на подкрѣпленіе сражавшихся къ нему 2-ю дивизію, принца Евгенія Виртембергскаго. Два полка ея пошли къ Раченкѣ, а съ остальными четырьмя принцъ пошелъ къ Молоховскимъ воротамъ. Онъ подоспѣлъ въ самую опасную минуту, когда остальныя войска Дохтурова, бывшія внѣ города, въ разстройствѣ возвращались въ ворота. Дохтуровъ приказалъ принцу сдѣлать вылазку. Не безъ труда очистивъ проходъ, принцъ выступилъ за городъ съ 4-мъ егерскимъ полкомъ, бросился въ прикрытый путь и батальоннымъ огнемъ прекратилъ покушенія французовъ на Молоховскія ворота. Успѣхъ былъ на сторонѣ русскихъ и на лѣвомъ крылѣ, у Раченки, гдѣ выгоды мѣстоположенія были на сторонѣ французовъ. Неустрашимость храбраго Невѣровскаго, подкрѣпленнаго гвардейскими егерями, и отличныя распоряженія начальника артиллеріи 1-й арміи, гр. Кутайсова, лично управлявшаго огнемъ орудій, восторжествовали надъ усиліями Понятовскаго. Не разъ поляки кидались къ стѣнамъ, даже врывались въ ворота небольшими группами, но гибли подъ штыками и пулями нашихъ солдатъ.

Безполезность атакъ утомила Наполеона, и онъ приказалъ итти на приступъ ни передъ чѣмъ не останавливаясь и взять Смоленскъ. Передъ головами атакующихъ колоннъ были вывезены батареи, но крѣпость смоленскихъ стѣнъ противостояла чугуну. Тучи ядеръ и гранатъ, летѣвшихъ въ городъ изъ жерлъ 150 пушекъ, произвели въ немъ во многихъ мѣстахъ пожары. Жители въ страхѣ и въ безпамятствѣ бросали дома, чтобы спасти свою жизнь за Днѣпромъ; вынесли изъ Благовѣщенской церкви чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери. Шествіе сопровождалось трескомъ раз-

Николай Николаевичъ Раевскій.
Оригиналъ въ музеѣ 1812 г.

рушаемыхъ зданій и явленіями битвы, кипѣвшей среди прекраснаго лѣтняго вечера. Не было ни малѣйшаго вѣтра: огонь и дымъ поднимались столбомъ къ облакамъ. Съ большимъ трудомъ могли спасти мостъ, единственное сообщеніе съ арміей, но и тогда солдаты Дохтурова, спереди громимые непріятелемъ, а сзади жаромъ пожарища, не оставляли стѣнъ. Поздно вечеромъ, около 11 часовъ, канонада прекратилась; французы отступили въ предмѣстья. Такова была славная битва подъ Смоленскомъ; ничто не могло поколебать мужества русскихъ войскъ, которыя въ этотъ день потеряли до 4.000 убитыми и ранеными. О потерѣ французовъ показанія разнорѣчивы; одни опредѣляютъ ихъ потерю въ 6, другія въ 7, а третьи въ 12 тысячъ.

Мнѣнія русскихъ генераловъ о томъ, какъ воспользоваться удачною обороною Смоленска и духомъ необыкновенной храбрости войскъ, были различны. Одни предлагали перейти утромъ въ Смоленскъ черезъ Днѣпръ и атаковать французовъ; другіе совѣтовали какъ можно долѣе удерживать городъ; но Барклай, опасавшійся за свой лѣвый флангъ и сообщеніе съ Багратіономъ, рѣшилъ ночью оставить городъ и, занявъ нѣкоторое время Петербургское предмѣстье и лежащія позади его высоты, перейти на слѣдующую ночь проселочными дорогами на Московскій трактъ. Въ часъ пополуночи Дохтуровъ получилъ приказъ очистить Смоленскъ, перейдя на правый берегъ Днѣпра, и истребить мостъ. Коновницынъ командовалъ арьергардомъ. До разсвѣта городъ опустѣлъ; мостъ разрушили. Нѣсколько полковъ, подъ начальствомъ генерала Корфа, стали въ предмѣстьѣ противъ бывшаго моста и при бродахъ; мимо войскъ нашихъ тянулись повсюду несчастные жители, спасавшіеся отъ непріятеля бѣгствомъ, сами не зная куда.

Едва занялась заря дня 6-го августа, праздника Преображенія, какъ французскіе ведеты, не видя никого ни внѣ стѣнъ, ни на стѣнахъ городскихъ, стали мало-по-малу входить въ Смоленскъ. За передовою цѣпью тронулся авангардъ; скоро пріѣхалъ и Наполеонъ, который, въѣхавъ въ Никольскія ворота, направился въ храмъ надъ Днѣпровскими воротами, для осмотра нашей диспозиціи. Сюда же были втащены по его приказу два орудія, изъ которыхъ былъ открытъ огонь по нашимъ аванпостамъ. Пожаръ занялся въ предмѣстьѣ, и наши полки стали отступать.

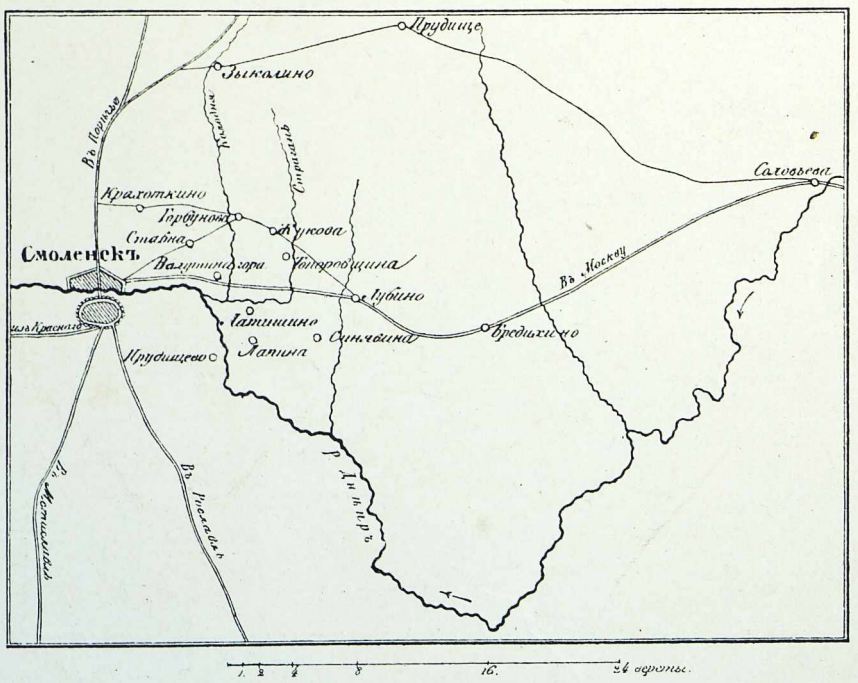
Графъ Беннигсенъ въ своихъ запискахъ говоритъ: „Надобно замѣтить, что никакой рекогносцировки дорогъ и мѣстности лежащей по обѣимъ берегамъ р. Днѣпра, произведено не было. Правильно говорятъ, что искусный и бдительный врагъ есть самый нелицепріятный судья, такъ какъ онъ не прощаетъ противнику грубыхъ ошибокъ, а наказываетъ его за нихъ. Какъ только наши войска очистили Смоленскъ, Наполеонъ немедленно приказалъ довольно значительнымъ силамъ съ многочисленной артиллеріей обойти городъ; имъ пришлось немного промаршировать, чтобы занять высоты лѣваго берега рѣки, господствующія надъ противоположнымъ берегомъ и большой дорогой, которая проходитъ у самаго Днѣпра и по которой должны были отступать наши войска. Такъ какъ главныя силы нашей арміи находились уже на правомъ берегу Днѣпра, и движеніе было начато ночью, то первыя колонны перешли благополучно. Но къ тому времени, когда двинулся нашъ арьергардъ, подъ командою генерала Корфа, французы уже успѣли не только поставить артиллерію въ батареи, но и соорудить два моста и провести черезъ нихъ благополучно значительное количество войска, чего мы совершенно не замѣтили.

И. Ѳ. Паскевичъ.

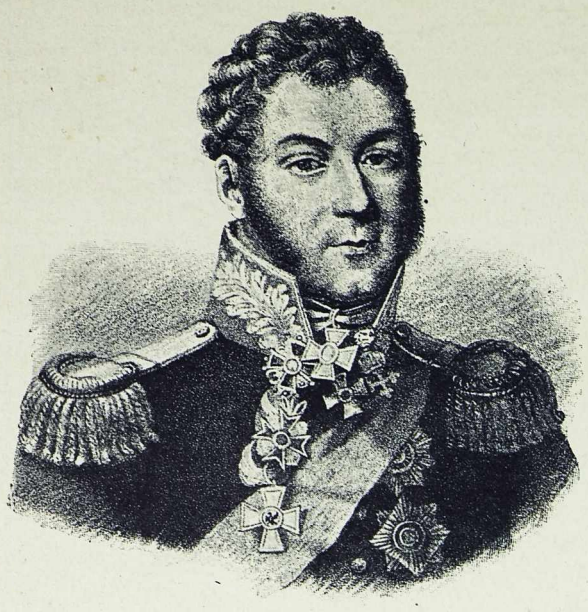
Въ тотъ моментъ, когда генералъ Корфъ подошелъ къ непріятелю на ружейный выстрѣлъ, онъ былъ встрѣченъ имъ столь сильнымъ огнемъ, что принужденъ былъ вернуться и пробиться сквозь кустарники, позади возвышенностей. Онъ попытался выйти изъ этого узкаго прохода, пройти черезъ деревню Гедемово, чтобы выйти снова на большую дорогу; но тутъ онъ встрѣтилъ вскорѣ непріятельскую колонну, которая помѣшала ему выполнить это, и онъ былъ вынужденъ пробиваться и далѣе сквозь кусты. Генералу Тучкову съ корпусомъ было приказано занять главную позицію, чтобы онъ могъ прикрыть большую дорогу и обождать генерала Корфа съ арьергардомъ, однако непріятель, оттѣснивъ этотъ арьергардъ и построившись въ колонны противъ Тучкова, поспѣшно атаковалъ его на всѣхъ пунктахъ. Дѣло было вначалѣ очень жаркое; обѣ стороны долго дрались съ величайшимъ ожесточеніемъ. Непріятель то и дѣло получалъ подкрѣпленія, и нашъ генералъ, видя, что онъ успѣлъ обойти его правый флангъ, былъ вынужденъ бросить свою позицію и большую дорогу и отступить влѣво, пройдя мимо небольшой деревушки. Ночь настала весьма кстати, такъ какъ по ту сторону деревни оказалось болото, въ которомъ увязла вся артиллерія; ее удалось вытащить только благодаря усиленнымъ стараніямъ, но все-таки четыре орудія достались непріятелю. Послѣ столь непріятной случайности генералъ Тучковъ вышелъ снова на большую дорогу и присоединился къ нашему арьергарду. На слѣдующій день, рано утромъ, нашъ генералъ оставилъ эту позицію и отступилъ на большую дорогу, чтобы слѣдовать за движеніемъ нашей арміи. Это сраженіе и въ особенности отступленіе генерала Тучкова, въ тотъ моментъ, когда непріятель обходилъ его правый флангъ, стоило намъ очень дорого; особенно пострадалъ нашъ гренадерскій корпусъ. Мы потеряли убитыми, ранеными и плѣнными болѣе 3.000 чел., въ числѣ этихъ послѣднихъ находился генералъ-майоръ Тучковъ“.

Понятовскій.
Оригиналъ въ музеѣ П. И. Щукина.

Это сраженіе произошло, когда обѣ арміи совершали передвиженія на Заднѣпровскихъ высотахъ, т.-е. на горахъ Серебрянкѣ, Скляной, Покровской, Дѣвичьей и Валутиной; у послѣдней возлѣ Колодни и у Гедеоновки произошелъ горячій бой съ войсками Наполеона, старавшимися захватить Московскую дорогу и разъединить наши арміи. Благодаря мужеству отряда Тучкова это намѣреніе французовъ не удалось. Тучковъ во главѣ Екатеринославскаго гренадерскаго полка бросился въ штыки на войска Гюдена, перешедшія въ сумеркахъ рѣчку Страгель; онъ получилъ нѣсколько ранъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Это ему Наполеонъ въ разговорѣ сказалъ: „Мы уже довольно сожгли пороха, и довольно пролито крови; вѣдь когда-же-нибудь надобно кончить! За что деремся?“ Повидимому, ради заключенія мира Наполеонъ не прочь былъ даже отъ нѣкоторыхъ уступокъ въ области континентальной блокады. „Вы хотите имѣть сахаръ и кофе,—говорилъ онъ:—вы будете имѣть ихъ“. Обо всемъ этомъ онъ просилъ Тучкова довести до свѣдѣнія Александра черезъ брата его корпуснаго командира.



Планъ сраженія при Валутиной горѣ.



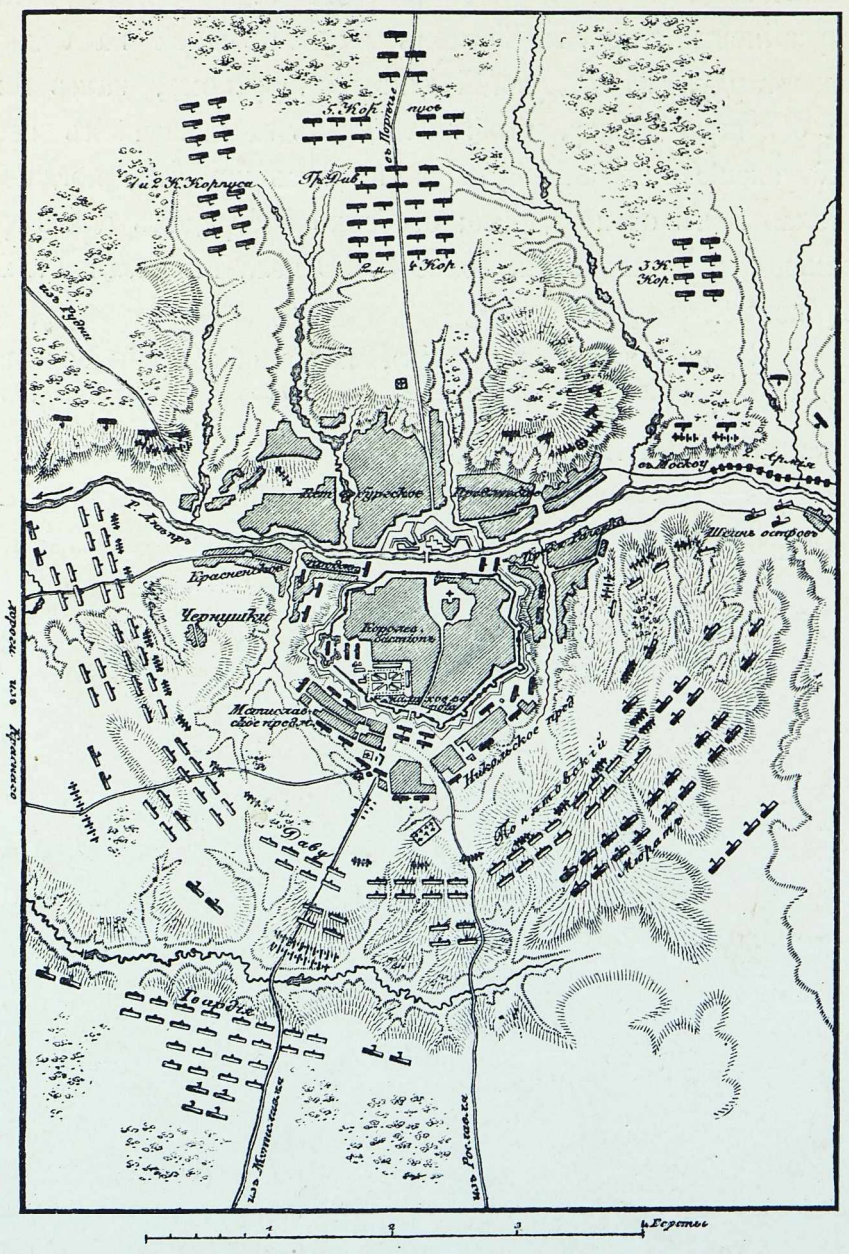
Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ.

„Въ этомъ сраженіи,—говоритъ тотъ же Беннигсенъ:—мы потеряли большую часть нашихъ понтоновъ; лошади и телѣги были разнесены огнемъ непріятельскихъ батарей. Увѣряютъ, будто генералъ Жюно, шедшій съ своимъ корпусомъ, съ намѣреніемъ обойти Тучкова съ тыла, былъ заведенъ проводникомъ не туда, куда слѣдуетъ, и уклонился слишкомъ вправо: быть-можетъ, это спасло русскій корпусъ отъ окончательной гибели. Такимъ образомъ совершилась эвакуація Смоленска, и такъ былъ для насъ потерянъ самый значительный постъ, который наши должны были защищать во время своего отступленія и который заслуживалъ величайшаго вниманія. Всякій военный пойметъ, какъ важно было для насъ владѣть Смоленскомъ. Бросьте взглядъ на карту, изучите положеніе этого города, и вы согласитесь съ тѣмъ, что онъ прикрываетъ Витебскъ и большую часть Бѣлоруссіи, и что изъ него можно угрожать Москвѣ, Тулѣ и Калугѣ. Почему же никто не задался въ то время слѣдующими вопросами: во-первыхъ, почему, въ старину, сдѣланы были такія затраты на укрѣпленіе Смоленска, несмотря на то, что эта крѣпость мало пригодна какъ крѣпость? Во-вторыхъ, почему въ описаніи войнъ, происходившихъ между русскими и поляками, такъ часто упоминается о Смоленскѣ. Внимательно разсмотрѣвъ карту, мы убѣдились бы въ томъ, какъ важно владѣть этимъ городомъ, и не отдали бы его такъ легко, а заставили бы непріятеля заплатить за него болѣе дорогой цѣною. Увѣряютъ, будто бы Тучкову пришлось имѣть дѣло съ цѣлымъ корпусомъ маршала Нея, который первый перешелъ Днѣпръ. Послѣ взятія Смоленска наши соединенныя арміи продолжали отступать по большой Московской дорогѣ“.

Само собою разумѣется, что самыми цѣнными свѣдѣніями являются записки очевидцевъ. Таковымъ въ г. Смоленскѣ былъ священникъ Одигитріевскаго храма, Н. А. Мурзакевичъ, въ дневникѣ котораго отведено довольно большое мѣсто о пребываніи французовъ въ г. Смоленскѣ. Также въ яркихъ краскахъ представлена гибель Смоленска и оставленіе его русскими войсками въ „Запискахъ русскаго офицера“ Ѳ. Глинки.

Письма 1812 года французскаго офицера весьма интересны, какъ очевидца бѣдственнаго времени г. Смоленска, даютъ не мало новыхъ фактовъ, не упомянутыхъ другими очевидцами и писателями этой эпохи. Авторъ писемъ—одинъ изъ старшихъ офицеровъ великой наполеоновской арміи, виконтъ де-Пюибюскъ, взятый впослѣдствіи русскими въ плѣнъ, который въ первомъ письмѣ говоритъ:

„Вотъ уже пять дней, какъ Наполеонъ съ главною квартирою пошелъ вслѣдъ за арміей по Московской дорогѣ; итакъ, тщетно мы ожидали, что войска наши останутся въ Польшѣ и, сосре-



Планъ сраженія при Смоленскѣ.

доточивъ силы свои, станутъ твердою ногою. Жребій брошенъ, русскіе, ретируясь во внутреннія свои земли, находятъ вездѣ сильныя подкрѣпленія, и нѣтъ сомнѣнія, что они вступятъ въ битву лишь тогда, когда выгодность мѣста и времени дастъ имъ увѣренность въ успѣхѣ.

„Нѣсколько дней раздача провіанта становится весьма безпорядочной: сухари всѣ вышли, вина и водки нѣтъ ни капли, люди питаются одной говядиной отъ скота, отнятаго у жителей окрестныхъ деревень. Но и мяса надолго не хватитъ, такъ какъ жители при нашемъ приближеніи разбѣгаются и уносятъ съ собою все, что только могутъ взять, и скрываются въ густыхъ, почти неприступныхъ лѣсахъ.

„Солдаты наши оставляютъ свои знамена и расходятся искать пищи; русскіе мужики, встрѣчая ихъ по одиночкѣ или по нѣскольку человѣкъ, убиваютъ нашихъ дубьемъ, копьями и ружьями.

„Собранный въ небольшомъ количествѣ провіантъ въ Смоленскѣ отправленъ на возахъ за арміей, а здѣсь не остается ни одного фунта муки; уже нѣсколько дней нечего почти ѣсть бѣднымъ раненымъ, которыхъ здѣсь въ госпиталяхъ отъ 6 до 7 тысячъ. Сердце обливается кровью, когда

Французы подъ стѣнами Смоленска 6-го августа 1812 г.

видишь этихъ храбрыхъ воиновъ, валяющихся на соломѣ и не имѣющихъ подъ головою нччего, кромѣ мертвыхъ тѣлъ своихъ товарищей. Кто изъ нихъ въ состояніи говорить, тотъ проситъ только о кускѣ хлѣба или о тряпкѣ, или коршп, чтобы перевязать раны; но ничего этого нѣтъ. Нововыдуманныя лазаретныя фуры, еще за 50 миль отсюда, даже тѣ фуры, на которыхъ уложены самые необходимые предметы, не успѣваютъ за арміей, которая нигдѣ не останавливается и идетъ впередъ ускореннымъ маршемъ.

„Прежде, бывало, ни одинъ генералъ не вступалъ въ сраженіе, не имѣя при себѣ лазаретныхъ фуръ, а теперь все иначе; кровопролитнѣйшія сраженія начинаютъ, когда угодно; и горе раненымъ, зачѣмъ они не дали убить себя? Несчастные отдали бы послѣднюю рубашку для перевязки ранъ; теперь у нихъ нѣтъ ни лоскутка, и самыя легкія раны дѣлаются смертельными. Но всего болѣе голодъ губитъ людей. Мертвыя тѣла складываютъ въ кучу, тутъ же, подлѣ умирающихъ, на дворахъ и въ садахъ; нѣтъ ни заступовъ, ни рукъ, чтобы зарыть ихъ въ землю. Они начали уже гнить; нестерпимая вонь на всѣхъ улицахъ, она еще болѣе увеличивается отъ городскихъ рвовъ, гдѣ до сихъ поръ навалены большія кучи мертвыхъ тѣлъ, а также множество мертвыхъ лошадей покрываютъ улицы и окрестности города. Всѣ эти мерзости, при довольно жаркой погодѣ, сдѣлали Смоленскъ самымъ несноснымъ мѣстомъ на земномъ шарѣ“.

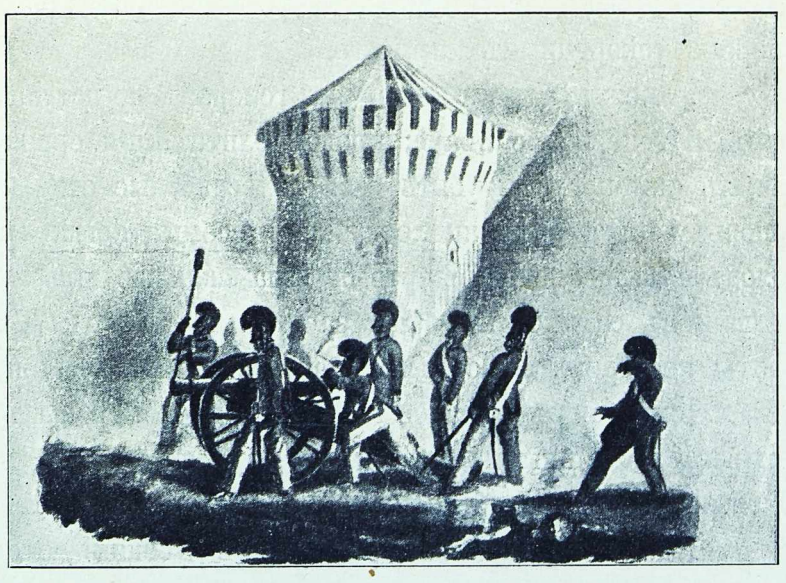
А какъ обращались французы съ русскими, о томъ краснорѣчиво говоритъ „Памятникъ героямъ Отечественной войны“, подполковнику Павлу Ивановичу Энгельгардту и коллежскому асессору Семену

Баронъ Ѳедоръ Карловичъ Корфъ.
Оригиналъ въ музеѣ 1812 г.

Ивановичу Шубину. Энгельгардтъ, помѣщикъ сельца Дягилева Порѣчскаго уѣзда, былъ арестованъ французами по обвиненію въ партизанскихъ нападеніяхъ на ихъ отряды и посаженъ подъ караулъ въ Спасскую церковь. Ему предлагали свободу, если онъ присягнетъ на вѣрность Наполеону. „Свобода моя принадлежитъ Богу и русскому Государю, — отвѣчалъ онъ.— Русскіе умѣютъ умирать за Отечество и не привыкли быть рабами иноплеменника“. Когда Наполеонъ утвердилъ приговоръ военнаго суда о разстрѣляніи Энгельгардта, онъ попросилъ къ себѣ священника Мурзакевича, исповѣдался у него и причастился Св. Таинъ и просилъ сопровождать его на мѣсто казни. 15-го октября французы повели его за Малоховскія ворота, въ крѣпостной ровъ, и остановились возлѣ башни. Когда стали читать приговоръ, онъ сказалъ по-французски: „Полно врать, пора перестать! Заряжайте скорѣй и пали, чтобы не видѣть мнѣ разоренія моего отечества“. Ему хотѣли завязать глаза. Энгельгардтъ сбросилъ платокъ и сказалъ: „Русскій смерти не боится“. Потомъ попрощался съ Мурзакевичемъ, его маленькимъ сыномъ и двумя русскими чиновниками, свидѣтелями казни, и сталъ передъ могилой. Отецъ Никифоръ осѣнилъ его крестомъ. „Павелъ Ивановичъ! перекрестись и скажи: „Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой“. Энгельгардтъ началъ молиться, по командѣ раздался залпъ изъ 18-ти ружей; онъ упалъ на правое колѣно, потомъ навзничь, но еще дышалъ. Тогда одинъ изъ солдатъ подошелъ и прикончилъ его выстрѣломъ въ високъ. Мурзакевичъ отшѣлъ надъ тѣломъ краткій проводъ, а солдаты, раздѣвъ трупъ до-нага, бросили его въ яму, а одежду—бекешу, камзолъ и проч.—подѣлили между собою.

Подъ стѣнами Смоленска.

С. И. Шубинъ-Бѣльскій, помѣщикъ, былъ разстрѣлянъ 24-го октября за Свирской заставой (это мѣсто—въ саду Кубышкина, черезъ три дома отъ Клименковыхъ казармъ). Императоръ Александръ I, удостовѣрившись по докладу Кутузова, въ истинности подвига Энгельгардта и Шубина, назначилъ 30-го августа 1813 года женѣ перваго ежегодную пенсію въ 6.000 руб., брату его—6.000 руб., племянницѣ, дѣвицѣ Губиной—3.000 руб., матери Шубина 6.000, женѣ 9.000, двумъ сестрамъ по 3.000 руб. и одной 2.000 руб. На могилѣ Энгельгардта сначала стоялъ небольшой каменный памятникъ, поставленный его вдовою (онъ хранится у владѣльца с. Богородицкаго, Смоленскаго уѣзда). Настоящій памятникъ открытъ 3-го сентября 1835 г., по повелѣнію Императора Николая I-го, отпустившаго на него 6.000 руб. Въ 1886 г. ровъ былъ засыпанъ землей отъ срытаго бруствера, памятникъ приподнятъ и на обратной сторонѣ его прибавлено имя Шубина. Предполагалось устроить здѣсь бульваръ, но до сихъ поръ этого не сдѣлано.



Бой у башни гор. Смоленска.

Съ картины, находящейся въ Зимнемъ дворцѣ.

ПРИ ВАЛУТИНОЙ ГОРѢ.

Профессора Петра Гессъ.

Могила генералъ-майора Иркутскаго и Сибирскаго драгунскихъ полковъ, А. А. Скалона, исчезла по отсутствію надгробнаго креста. Скалонъ убитъ 5-го августа во время атаки кавалерійской дивизіи Брюйера на Молоховскія ворота. Наполеонъ, по свидѣтельству взятаго подъ Лубинымъ въ плѣнъ генерала Тучкова, приказалъ похоронить его въ Королевской крѣпости со всѣми воинскими почестями и самъ присутствовалъ на погребеніи. По словамъ старожиловъ, могила Скалона находилась въ углу, противъ Сѣвернаго бастіона крѣпости.

Принцъ Евгеній, вице-король Италіи.
Оригиналъ въ музеѣ П. И. Щукина.

Могила перваго историка г. Смоленска священника Никифора Адріановича Мурзакевича, находится въ Окопѣ, противъ алтаря. Мурзакевичъ (1769—1834), будучи еще соборнымъ дьякономъ, издалъ въ 1804 году свою „Исторію г. Смоленска“ въ 4 частяхъ съ приложеніемъ древнихъ королевскихъ и царскихъ грамотъ Смоленску, сгорѣвшихъ потомъ при пожарѣ магистрата въ 1812 году. За этотъ трудъ онъ получилъ отъ Императора Александра I-го 500 руб. въ награду. Въ 1812 году онъ оставался въ Смоленскѣ и во время боя 4-го и 5-го августа безстрашно являлся съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, пріобщая раненыхъ и умирающихъ, что официально засвидѣтельствовано впослѣдствіи генераломъ И. Ѳ. Паскевичемъ и приговоромъ Уголовной Палаты. Онъ упросилъ Мюрата спасти соборъ отъ разграбленія; личными усиліями спасъ отъ грабежа архіерейскую ризницу, Троицкій монастырь и свою Одигитріевскую церковь. Постоянное заступничество за святыни храмовъ и русскихъ плѣнныхъ не разъ навлекало на него со стороны французскихъ солдатъ побои, сократившіе ему жизнь. Онъ напутствовалъ, какъ уже сказано, Энгельгардта. 28-го октября, идя къ больному, онъ встрѣтилъ у Троицкаго монастыря Наполеона, бѣжавшаго изъ Москвы. Смѣшавшись отъ испуга, онъ сунулъ ему просфору, которую несъ больному, и за это былъ отданъ подъ судъ, какъ измѣнникъ. Духовный судъ отрѣшилъ его отъ мѣста, гражданскій же не только оправдалъ, но и подтвердилъ всѣ его подвиги, послѣ чего онъ снова получилъ свой приходъ. Мурзакевичъ былъ дѣятельный и образованный человѣкъ; имѣлъ большую библіотеку, которую завѣщалъ кадетскому корпусу и семинаріи; часть ея была отдана его сыномъ губернатору Хмельницкому въ основаніе публичной библіотеки. Нѣсколько рукописей его хранится въ мѣстномъ музеѣ.

Наполеонъ даруетъ пенсію на воспитаніе осиротѣвшаго сына маркитантки.

Памятникъ Отечественной войны 1812 года, изображенный на рисункѣ — концовкѣ этой главы, открытъ 5-го ноября 1841 года, по повелѣнію Николая I, въ память осады Смоленска Наполеономъ 4-го и 5-го августа. Онъ сдѣланъ изъ чугуна, основаніе круглое, 2 саж. 2¼ арш. въ діаметрѣ, высота 8 саж. 2 арш. Пирамидальный верхъ его окруженъ у основанія восемью парами колоннъ съ восемью грановидными главками и позолоченными орлами. Памятникъ увѣнчанъ шестиконечнымъ крестомъ на многогранной главкѣ. На восточной сторонѣ памятника— икона Смоленской Богоматери, подъ

нею — вырѣзанный на мѣди планъ сраженія подъ Смоленскомъ. Вокругъ начертаны имена русскихъ главнокомандующихъ, указаны число войскъ и потерь съ обѣихъ сторонъ въ сраженіяхъ 4-го и 5-го августа, а въ промежуткахъ помѣщены художественные барельефы, изображающіе военныя эмблемы, а вверху „Всевидящее Око“. Памятникъ окруженъ чугунными цѣпями; по бокамъ, на особыхъ пьедесталахъ, двѣ наполеоновскія пушки съ его иниціалами. Пушки найдены были въ 1856 году при устройствѣ фундамента подъ зданіе мужской гимназіи; художественной работы лафеты отлиты на Брянскомъ заводѣ и поднесены имъ въ даръ городу Смоленску.

Приводъ лошадей и скота въ лагерь французовъ.

Бѣдствія, перенесенныя Смоленскомъ и губерніей, были оцѣнены современниками такъ: дворянство Костромской губерніи пожертвовало въ пользу разоренной Смоленской губерніи 500 тысячъ рублей, а въ Петербургѣ нѣкто И. Ильинъ издалъ „Пѣснь, при полученіи свѣдѣнія о изгнаніи изъ Смоленской губерніи французскихъ войскъ“. Насколько значительны были раздаваемыя пособія, свидѣтельствуетъ слѣдующая бумага графа В. Кочубея на имя костромского губернатора Н. Ф. Пасынкова, отъ 25-го мая 1813 г., хранящаяся въ одномъ изъ дѣлъ Губернскаго архива г. Костромы: „Коллежскій асессоръ Дмитрій Пискаревъ, въ присланной въ сословіе призрѣнія разоренныхъ отъ непріятеля чрезъ г. смоленскаго гражданскаго губернатора барона Аша просьбѣ, описывалъ разстроенное положеніе имѣнія, состоящаго въ Смоленской губ., матери его, вдовы надворной совѣтницы Анны Пискаревой. Сословіе, принимая въ уваженіе изъясненныя въ означенномъ прошеніи обстоятельства, засвидѣтельствованныя мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, и опредѣливъ единовременно въ пособіе на поправленіе сего имѣнія семь тысячъ рублей, поручило мнѣ изъ числа суммы сея доставить прямо къ г-жѣ Пискаревой, находящейся нынѣ въ г. Костромѣ въ крайнемъ положеніи, тысячу рублей, а остальныя шесть тысячъ рублей отправить въ Смоленскъ къ г-ну губернскому предводителю Лесли для врученія вышеупомянутому сыну ея, коллежскому асессору Пискареву. Прося покорно Ваше Превосходительство о доставленіи присланныхъ при семъ тысячи рублей г-жѣ Пискаревой по жительству ея въ Костромѣ, и о присылкѣ въ полученіи оныхъ ея расписки для храненія при дѣлахъ“.

Сраженіе при Клястицахъ 19-го іюля 1812 г.
Съ картины Петра Гессе, находящейся въ Зимнемъ Дворцѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

арклая и Багратіона дальнѣйшее отступленіе опишемъ въ слѣдующей главѣ, а въ настоящей бросимъ взглядъ на дѣйствія Тормасова, графа Витгенштейна и военнаго губернатора г. Риги—Эссена.

При началѣ кампаніи 1812 года, генералъ Тормасовъ стоялъ съ 3-ю резервною обсерваціонною арміею въ г. Луцкѣ. Но онъ не могъ выступить въ походъ, не зная какое направленіе предприметъ Багратіонъ и обезпечены ли наши области со стороны австрійской границы. Между тѣмъ князь Шварценбергъ занялъ Слонимъ, откуда онъ долженъ былъ присоединиться черезъ Несвижъ и Минскъ къ главной французской арміи, такъ какъ Наполеонъ не желалъ оставить въ своемъ тылу союзниковъ, въ искренности которыхъ не былъ твердо увѣренъ, а потому хотѣлъ ихъ имѣть на своихъ глазахъ. По выступленіи австрійцевъ изъ Слонима, остался тамъ Ренье съ саксонцами, имѣя задачу прикрывать Варшавское герцогство. Спустя нѣсколько дней Ренье получилъ изъ Глубокаго повелѣніе вступить въ Волынскую губернію, поднять ее противъ Россіи и учредить конфедерацію. Въ то же самое время и Барклай объявилъ Тормасову Высочайшую волю начать наступательныя дѣйствія. Тормасовъ дѣйствовалъ быстро и предупредилъ противника. Онъ выступилъ къ Ковелю, приказавъ Сакену отправить 6 батальоновъ на усиленіе Мозырскаго отряда, а во Владиміръ-Волынскій послать генерала Хрущева, съ двумя драгунскими и двумя казачьими полками, для наблюденія за австрійцами и польскою границею, а съ остальною частью его корпуса расположиться у Житомира.

Ренье стоялъ въ Пружанахъ, занимая отрядами Брестъ, Кобринъ, Яново и Пинскъ. Тормасовъ хотѣлъ сначала очистить эти пункты и потомъ атаковать Ренье. Составлены были три отряда: первый, генералъ-адъютанта графа Ламберта (4 бат. 16 эскадр. и 5 казачьихъ полковъ), направленъ вдоль р. Буга въ Брестъ; второй, генералъ-майора князя Щербатова (6 бат. 8 эскадр., 1 казачій полкъ), изъ Ратно черезъ Мокряны также къ Бресту. По взятіи этого города, оба отряда должны были направиться въ два перехода къ Кобрину, куда хотѣлъ двинуться и самъ Тормасовъ черезъ Ратно и Дивинъ. Третій отрядъ (4 бат. 7 эскадр.), генералъ-майора Мелиссино, долженъ былъ дѣйствовать партіями къ Янову и своими ложными движеніями давать видъ, будто главныя силы наши идутъ на Пинскъ.

Предположенія Тормасова увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Ренье, введенный въ заблужденіе отрядомъ Мелиссино, пошелъ со всѣмъ своимъ корпусомъ черезъ Хомскъ къ Янову, гдѣ стоялъ уже авангардъ его подъ начальствомъ Габленца. Князь Щербатовъ, 12-го іюля вечеромъ, не ожидая Ламберта, атаковалъ Брестъ, выгналъ изъ него слабый саксонскій гарнизонъ и захватилъ въ плѣнъ начальника его. Въ то же время Мелиссино, при сильной бурѣ съ градомъ, принудившей саксонцевъ оставить свои посты, перешелъ р. Пину и разбилъ 3 эскадрона Габленца, который поспѣшно отступилъ въ Дрогочинъ. Партія, посланная къ Пинску, подъ командою полковника князя Жевахова, разсѣяла бывшій тамъ непріятельскій отрядъ и взяла пушку — это былъ первый трофей нашъ въ Отечественную войну.

Графъ Ламбертъ пришелъ изъ Бреста 13-го числа, соединился съ княземъ Щербатовымъ и немедленно выступилъ съ кавалеріею и конною артиллеріею къ Кобрину; пѣхота слѣдовала сзади. Тамъ стоялъ саксонскій генералъ Клингель съ бригадою пѣхоты и тремя эскадронами уланъ, имѣя одинъ полкъ, четыре орудія и эскадронъ уланъ въ Бульковѣ, на дорогѣ въ Брестъ, остальныя войска въ Кобринѣ и занимая постами дороги въ Дивинъ и Антополь. Узнавъ о приближеніи русскихъ, Клингель притянулъ къ себѣ постъ изъ Булькова и, получивъ отъ Ренье новое предписаніе удержать за собою Кобринъ во что бы то ни стало, сталъ готовиться къ упорной защитѣ. Каждая изъ трехъ вышесказанныхъ дорогъ (въ Брестъ, Дивинъ и Антополь) была занята двумя и тремя ротами съ 2-мя орудіями и частью кавалеріи; резервы расположились на рыночной Кобринской площади и у моста на правомъ берегу р. Мухавца, двѣ роты были отправлены въ Пружаны. Вся сила отряда Клингеля простиралась отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ человѣкъ.

Захаръ Дмитріевичъ Олсуфьевъ.

15-го іюля къ Кобрину подошелъ и генералъ-майоръ Чаплицъ съ авангардомъ Тормасова, который, лично осмотрѣвъ непріятельскую позицію, приказалъ: 1) графу Ламберту начать атаку; 2) Чаплицу, оставя часть кавалеріи главнаго корпуса для занятія непріятеля, стоявшаго на Дивинской дорогѣ, принять съ остальными полками и артиллеріею вправо и атаковать городъ съ Антопольской дороги; 3) подполковнику князю Мадатову переправиться съ нѣсколькими эскадронами и казаками чрезъ р. Мухавецъ, для отрѣзанія непріятелю путей отступленія къ Пружанамъ.

Графъ Ламбертъ сбилъ саксонцевъ съ позиціи и оттѣснилъ ихъ къ самому городу, гдѣ они заняли дома на окраинѣ его стрѣлками, а у заставы поставили пушки. Одновременно атаковали и опрокинули саксонцевъ и по Дивинской дорогѣ. Видя отовсюду себя окруженными русскими, Клингель хотѣлъ очистить путь на Пружаны и Антополь, но нашелъ и эти дороги во власти русскихъ, почему вынужденъ былъ войти въ городъ и ограничиться его защитою. Тогда Тормасовъ приказалъ отрядить нѣсколько полковъ отъ арміи, которая между тѣмъ подходила уже къ Кобрину, и направилъ ихъ со всѣхъ сторонъ на приступъ Кобрина. Саксонцы защищались отчаянно въ укрѣпленіи, наскоро сдѣланномъ ими, за каменною монастырскою оградою и на подъемномъ мосту на р. Мухавцѣ. Долго они оборонялись, но принуждены были уступить численному превосходству русскихъ и сложить оружіе, при чемъ нами было взято 4 знамя, 8 орудій, генералъ Клингель, 9 штабъ и 57 оберъ-офицеровъ и 2.234 чел. рядовыхъ; убитыхъ и раненыхъ было 285. Уронъ съ нашей стороны былъ: убитыхъ 77 и раненыхъ 182 чел. Въ уваженіе храбрости, оказанной саксонцами, Тормасовъ возвратилъ плѣннымъ офицерамъ шпаги. Во время сраженія въ Кобринѣ возникъ пожаръ, которымъ было истреблено 548 домовъ.

Эта побѣда была первою послѣ вторженія полчищъ Наполеона въ Россію, почему принята народомъ съ большимъ восторгомъ въ столицахъ, гдѣ до того времени обнародовались только печальныя реляціи объ отступленіи Барклая и Багратіона. Она имѣла также весьма большое нравственное вліяніе на Варшавское герцогство. Страхъ появленія и мести со стороны русскихъ обуялъ

умы поляковъ, и ихъ прежняя увѣренность въ успѣхѣ уступила мѣсто боязни и унынію. Ренье, узнавъ о настоящемъ направленіи арміи Тормасова, пошелъ на Кобринъ.

Въ это время Шварценбергъ переходилъ отъ Слонима къ Несвижу; Ренье, съ саксонскимъ корпусомъ, сталъ отступать на соединеніе съ нимъ къ Слониму. Узнавъ о результатѣ Кобринской битвы, Шварценбергъ повернулъ назадъ, соединился съ Ренье, и 23-го іюля выступилъ навстрѣчу Тормасова, имѣя подъ командою до 20.000 австрійцевъ и 13.000 саксонцевъ.

Тормасовъ, боясь слишкомъ удалиться отъ Волыни, которую онъ прикрывалъ и гдѣ были его магазины, расположился съ главными силами у Антополя, выдвинувъ два авангарда (одинъ—графа Ламберта къ Городечнѣ, по направленію къ Пружанамъ, а другой—Чаплица, къ Хомску). Шварценбергъ намѣревался воспользоваться превосходствомъ своихъ силъ, чтобы отбросить Тормасова на Волынь и открыть сообщеніе съ Варшавою. Для этого рѣшился онъ дѣйствовать противъ лѣваго фланга русскихъ: саксонцы двинулись вправо на Валковисскую дорогу. Узнавъ о направленіи непріятеля, Тормасовъ, 25-го числа, приказалъ графу Ламберту перейти къ Пружанамъ; мѣсто его впереди Городечны долженъ былъ занять князь Хованскій, а Чаплицъ перейти изъ Хомска въ Ревятицы. 26-го іюля главныя силы Шварценберга уже появились на рѣкѣ Яцольдѣ и заставили наши аванпосты отступить за Бенетскій ручей. 28-го числа Чаплицъ и Хованскій были атакованы и отступили къ Пружанамъ и Хомску. Оставивъ противъ нихъ дивизію Зигенталя, самъ Шварценбергъ двинулъ свои силы противъ Ламберта. Атакованный съ фронта саксонцами и боясь обхода австрійской колонны на Линево (между Кобриномъ и Пружанами), Ламбертъ, послѣ трехъ часовъ боя, отступилъ къ Городечнѣ, подъ прикрытіемъ своей кавалеріи. Между тѣмъ Тормасовъ рѣшился двинуться на помощь авангарду и корпусъ генерала Маркова расположилъ у Городечны, когда Ламбертъ, съ наступленіемъ ночи, отошелъ къ этому пункту. 30-го іюля прибылъ и корпусъ графа Каменскаго, такъ что Тормасовъ имѣлъ до 28.000 чел. Несмотря на неравенство силъ, Тормасовъ хотѣлъ принять бой, надѣясь на выгоды своей позиціи. Впереди фронта русскихъ войскъ тянулся топкій болотистый ручей, черезъ который было только два прохода по узкимъ плотинамъ: одинъ у Городечны, по большой дорогѣ изъ Пружанъ въ Кобринъ, другой нѣсколько лѣвѣе, у Поддубья.

Фельдмаршалъ австрійскихъ войскъ
Князь Шварценбергъ.

Правый флангъ позиціи примыкалъ къ болоту, а лѣвый къ болотистому лѣсу, который мы считали непроходимымъ, а на самомъ дѣлѣ чрезъ него пролегала тропа изъ мѣстечка Шершева въ Кобринъ. Саксонскій разъѣздъ, убѣдясь, что по этой тропѣ, съ небольшими расчистками можетъ пройти даже артиллерія, донесъ о томъ Ренье, который и предложилъ Шварценбергу обойти съ саксонцами лѣвый флангъ русскихъ и отрѣзать имъ отступленіе на Кобринъ, тогда какъ австрійцы со стороны Городечны и Поддубья угрожали бы ихъ фронту.

31-го іюля, въ 10-мъ часу утра, Ренье прошелъ не безъ труда лѣсъ съ саксонскимъ корпусомъ и двумя полками австрійской кавалеріи, и сталъ дебушировать противъ лѣваго фланга позиціи нашихъ войскъ. Тормасовъ перевелъ туда сперва дивизію князя Щербатова, стоявшаго у Поддубья, а затѣмъ послалъ къ нему на помощь большую часть войскъ, расположенныхъ на позиціи противъ Городечны, оставя тамъ небольшое количество полковъ. Не опасаясь за фронтъ позиціи, защищенной естественной преградой, онъ пытался удержать саксонцевъ, для чего расположилъ свои главныя силы угломъ къ прежней линіи, на возвышенностяхъ противъ болотистаго лѣса, рѣшивъ ихъ защищать до послѣдней возможности; непріятель же старался овладѣть Кобринскою дорогою.

Въ 10 часовъ Ренье открылъ жестокую канонаду противъ Щербатова и вмѣстѣ съ тѣмъ, желая обойти его еще правѣе, сталъ, по мѣрѣ выхода войскъ изъ лѣса, удлинять свое правое

Егоръ Ивановичъ Властовъ.

крыло; Тормасовъ дѣлалъ то же самое, пристраивая полки, подходившіе изъ Городечны, къ лѣвому флангу князя Щербатова и постоянно распространяя свою новую линію.

Въ 12-мъ часу два полка непріятельской кавалеріи (одинъ саксонскій, а другой австрійскій) выдвинуты были по дорогѣ, ведущей изъ Шершева въ Кобринъ, чтобы ударить на самую оконечность нашего лѣваго фланга; но они были атакованы и разбиты графомъ Ламбертомъ, съ Павлоградскимъ и Александрійскимъ гусарскими полками. Тогда Шварценбергъ, по настоянію Ренье, послалъ къ нему въ подкрѣпленіе часть дивизіи Біанки, между тѣмъ дивизія Зигенталя развернулась у Поддубья, а дивизія Траутенберга и резервная кавалерія Фримона у Городечны, пытаясь нѣсколько разъ, но тщетно, прорваться чрезъ плотины. Сраженіе превратилось тогда въ канонаду и перестрѣлку разсыпавшихся по берегамъ ручья стрѣлковъ, при чемъ наша артиллерія съ обычнымъ искусствомъ отвѣчала на огонь непріятеля и заставила отступить одну саксонскую дивизію, подавшуюся слишкомъ впередъ. Подъ вечеръ одинъ изъ австрійскихъ полковъ (Іеронима Коллорада) пробрался чрезъ болото, лежавшее противъ праваго фланга нашей позиціи, гдѣ никакъ не предполагали прохода, и уже было-утвердился по эту сторону болота, но былъ атакованъ въ штыки Владимірскимъ пѣхотнымъ полкомъ и прогнанъ назадъ. Русскіе остались на прежней позиціи, и наступившая ночь положила конецъ упорной битвѣ. Тормасовъ, видя невозможность болѣе держаться у Городечны, не подвергаясь опасности быть отрѣзаннымъ отъ Волыни, отступилъ, оставивъ на полѣ сраженія арьергардъ подъ начальствомъ графа Ламберта. Потери съ нашей стороны достигали до 1.500 чел., со стороны союзниковъ было то же число убитыхъ и раненыхъ.

Ренье преслѣдовалъ нашъ арьергардъ, стараясь безпрестанно обойти его съ фланга, но Ламбертъ успѣлъ отступить и былъ во-время поддержанъ Чаплицемъ. Въ тотъ же день союзники отошли къ Кобрину. Тормасовъ, присоединивъ къ себѣ отряды Мелиссино и Хрущова, отступилъ черезъ Ратню и Ковель къ Луцку, гдѣ расположился со своею арміею за р. Стырью, въ ожиданіи Дунайской арміи, которая выступила 19-го іюня въ походъ, слѣдуя на Яссы, Хотинъ, Заславль и Острогъ. Шварценбергъ преслѣдовалъ Тормасова весьма медленно. Уже тогда было видно, что австрійцы ведутъ войну противъ своей воли. Они остановились у Киселина, саксонцы между мѣстечками Локочи и Торчиломъ. Во все это время корпусъ генерала Эртеля стоялъ неподвижно въ Мозырѣ, держа край въ повиновеніи и наблюдая за дивизіею Домбровскаго, которая изъ Свислоча охраняла Минскъ, Могилевъ и путь непріятельскихъ сообщеній и иногда дѣлала демонстраціи противъ Бобруйска.

Генералъ-майоръ Потемкинъ.

Обращаясь къ дѣйствіямъ графа Витгенштейна, надо сказать, что онъ и Удино, оставшись отдѣленными отъ армій, скоро начали свои дѣйствія. Первый стоялъ въ Почаевцахъ, а второй поднимался отъ Дриссы, по лѣвому берегу Двины къ Полоцку, и занялъ его 14-го іюля, перейдя Двину безъ выстрѣла. Другая часть его корпуса переправилась къ Диснѣ. Изъ Полоцка Удино продолжалъ движеніе по Петербургской дорогѣ до Сивошина. Графъ Витгенштейнъ послалъ генералъ-майора Балка съ отрядомъ въ Вольницы, для наблюденія Удино, а авангардъ Кульнева на лѣвый

берегъ Двины, чтобы тревожить нападеніями его тылъ. Считая движенія непріятеля одною демонстраціею для отвлеченія войскъ нашей главной арміи, Витгенштейнъ думалъ самъ итти черезъ Друю за авангардомъ, когда получилъ отъ Балка донесеніе о направленіи значительныхъ непріятельскихъ силъ къ Себежу. Это заставило его отмѣнить движеніе за Двину и обратиться съ главными своими силами къ Замшанамъ, между тѣмъ Кульневъ дѣлалъ удачные поиски къ сторонѣ Двины. На пути къ Замшанамъ прискакалъ къ Витгенштейну посланный отъ генерала Гамена изъ Динабурга съ увѣдомленіемъ, что Макдональдъ переправляется у Якобштадта и идетъ на Рѣжицу и Люцинъ, гдѣ предполагалъ соединиться съ Удино, въ тылу нашего корпуса. Графъ Витгенштейнъ, предчувствуя опасность своего положенія, рѣшилъ сначала напасть на Удино. Онъ приказалъ Кульневу возвратиться на правый берегъ Двины и поручилъ ему главный авангардъ, а 17-го іюля выступилъ, черезъ Расицы и Коханово, къ Клястицамъ по Себежской дорогѣ. Отряду Гамена приказано было ложными движеніями обманывать Макдональда и затруднять слѣдованіе его къ Люцину.

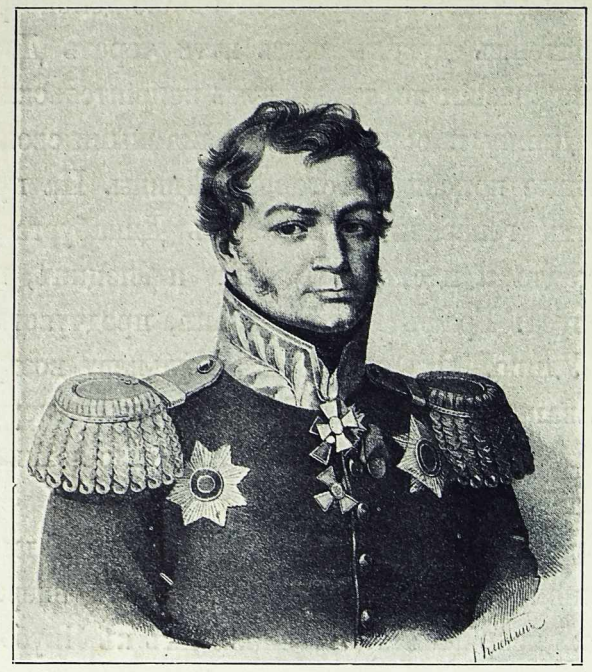
Удино занималъ Клястицы дивизіей Вердье и конницей, прикрывая свой лѣвый флангъ дивизіей Леграна у селенія Якубова, по ту сторону р. Нищи, а дивизію Мерля въ резервѣ, впереди Сивошина. 18-го числа Кульневъ атаковалъ передовыя войска непріятеля и оттѣснилъ ихъ къ Якубову, а на другой день произошло упорное и жаркое дѣло при этомъ селеніи: гр. Витгенштейнъ съ авангардомъ Кульнева и дивизіею Берга, разбилъ Леграна, отбросивъ его за р. Нищу, и самъ перешелъ эту рѣку.

Передъ Полоцкомъ 25-го іюня 1812 г.

Послѣ сраженія подъ Якубовымъ гр. Витгенштейнъ писалъ: „Если разобью Удинскихъ войскъ. Гр. Витгенштейнъ отвелъ кавалерію выше и приказалъ строить тамъ мостъ для нея. Увидя это, Удино, опасаясь за свой лѣвый флангъ, сталъ отступать. Наши стрѣлки, поддержанные батареями, бросились на Клястицы въ штыки. Напрасно французы зажгли находившійся тутъ мостъ; стрѣлки, невзирая на огонь и пламя, пробѣжали по немъ и овладѣли селеніемъ Клястицы. Пѣхота двинулась впередъ по горѣвшему мосту, а Ямбургскій драгунскій полкъ и одна рота артиллеріи перешли въ бродъ, найденный недалеко отъ Клястицъ. Французы повсюду отступали, отстрѣливались изъ пушекъ и истребляли переправы чрезъ небольшія рѣчки и ручьи. Преслѣдованіе ихъ, порученное Кульневу, который имѣлъ въ помощь генерала Сазонова, съ 4-мя полками и батарейною ротою, прекратилось у рѣки Дриссы. Перейдя чрезъ нее, Удино остановился за Сивошинымъ, гдѣ присоединилъ къ себѣ дивизію Мерля.

Графъ Витгенштейнъ остался на полѣ своей побѣды, за которую получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени и 12.000 рублей пенсіи. Въ рукахъ его непріятель оставилъ 12 офицеровъ и около 900 солдатъ плѣнными, пороховые ящики, казенный и частный обозы. Всѣ селенія и поля покрыты были трупами французовъ. Подъ Клястицами сражалось 18.000 русскихъ противъ 23.000 французовъ.

Удино, отступивъ за рѣку Дриссу, оставилъ свой арьергардъ, состоявшій изъ легко-кавалерійской бригады Корбино, для наблюденія за бродами чрезъ рѣку, самъ же занялъ позицію у Боярчины. Кульневъ, посланный съ Гродненскимъ гусарскимъ, Ямбургскимъ драгунскимъ, частью Рижскимъ драгунскимъ полками, своднымъ батальономъ гренадеръ 14-й дивизіи и всѣми казаками, несмотря на полученное приказаніе не переходить р. Дриссу, если встрѣтитъ значительныя силы непріятеля, увлеченный своею пылкостью, на разсвѣтѣ 20-го іюля перешелъ Дриссу, безъ труда опрокинулъ фран-

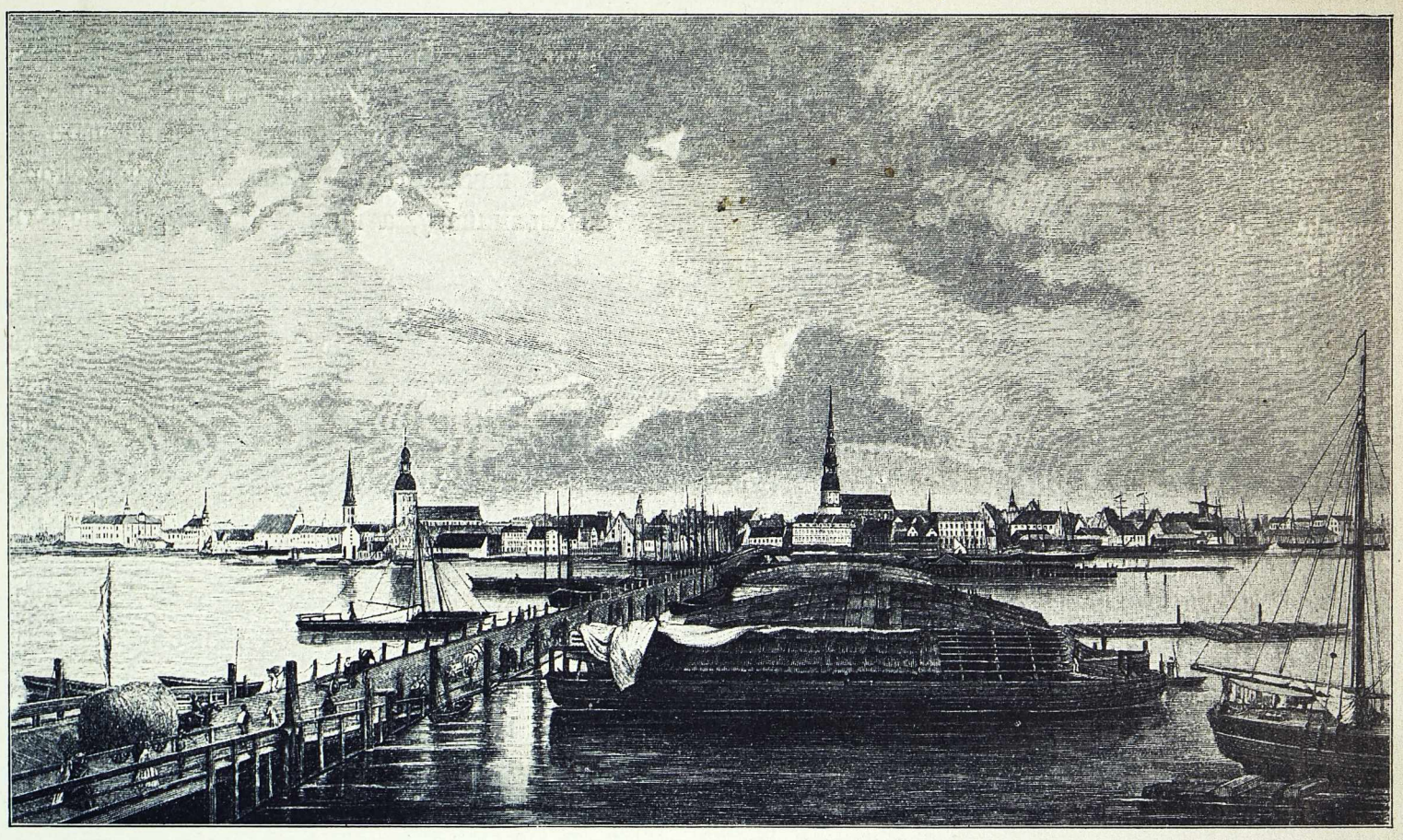


Кириллъ Ѳедоровичъ Казачковскій.

Князь Валеріанъ Григорьевичъ Мадатовъ.

цузскій арьергардъ при Москаленкѣ и, наткнувшись на главныя силы Удино, выдвинулъ свою конную артиллерію. Потомъ, когда непріятель началъ сильную канонаду изъ батарейныхъ орудій, Кульневъ принужденъ былъ также съ своей стороны выдвинуть Тульскій полкъ, присланный генераломъ Сазоновымъ съ 12-ю батарейными орудіями и увидѣлъ, что дѣло принимаетъ невыгодное положеніе. Наши войска, имѣя впереди кавалерію, должны были проходить колонною чрезъ дефиле, обстрѣливаемое во всю длину непріятельскою артиллеріею, расположенною при выходѣ его на высотахъ. Головная часть нашей кавалеріи, встрѣченная сильнымъ огнемъ и атаками, повернула назадъ, увлекая за собою резервъ генерала Сазонова, уже вошедшій въ дефиле. Кульневъ хотѣлъ прикрыть это отступленіе Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ, но былъ убитъ ядромъ, и тогда разбитый авангардъ нашъ пришелъ въ полный безпорядокъ, потерялъ 9 пушекъ и много плѣнными. Удино для преслѣдованія русскихъ послалъ Вердье, который самъ повторилъ ту же ошибку; сильно насѣдая на разбитыя наши войска, онъ наткнулся на главныя силы Витгенштейна, который двинулся впередъ къ Головчицамъ, выславъ впередъ князя Яшвиля и Гельфрейха на выручку отступавшихъ войскъ. Армія Витгенштейна опиралась правымъ флангомъ на рѣчку Нищу, лѣвымъ къ деревнѣ Головчицы, при чемъ первая линія состояла изъ 16 батальоновъ, а вторая изъ 9 и за ними кавалерія князя Репнина; вся пѣхота была въ батальонныхъ колоннахъ. Три эскадрона находились на лѣвомъ флангѣ, на равнинѣ, лежащей за деревней Головчицами. Авангардъ, отступивъ къ Головчицамъ, прошелъ за главныя силы. Вердье смѣло атаковалъ центръ и правый флангъ нашъ, но былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ артиллеріи. Гр. Витгенштейнъ, рѣшивъ охватить оба его фланга, двинулъ правое крыло первой линіи, подъ командою генерала Берга, вправо, а лѣвое подъ начальствомъ генерала Казачковскаго, влѣво; центру же второй линіи приказалъ итти впередъ для атаки непріятеля съ фронта. Французы стали отступать; часть ихъ праваго крыла хотѣла-было удержаться въ рощѣ, но, обойденная Казачковскимъ, была принуждена частью положить оружіе, такъ какъ остальная часть ихъ была уничтожена. Графъ Витгенштейнъ, несмотря на полученную рану, продолжалъ преслѣдовать отступавшаго непріятеля. Бергъ и Казачковскій, соединившись на большой дорогѣ, сильно напирали съ фронта на французовъ и одновременно старались обходить ихъ фланги. Прочія войска слѣдовали въ недальнемъ разстояніи, для поддержки первой линіи. Вердье пытался удержаться на позиціи у Соколицъ, но скоро принужденъ былъ отступить за Дриссу, которую перешелъ въ Сивошинѣ, потерявъ болѣе 2.000 плѣнными. Русскія войска расположились эшелонами отъ Соколицъ до Сивошина, а легкія войска доходили до Боярчины; 21-го числа нашъ авангардъ двинулся къ Бѣлому, откуда Удино со всѣмъ своимъ корпусомъ отступилъ, ночью съ 21-го на 22-е, въ Полоцкъ и остался тамъ, ожидая вспомогательныхъ войскъ Сенъ-Сира, посланныхъ къ нему Наполеономъ, по полученіи извѣстія о Клястицкомъ сраженіи. Во всѣхъ дѣлахъ 18-го, 19-го и 20-го іюня, подъ Клястицами, Боярчинѣ и Головчицахъ, мы потеряли до 4.300 чел. убитыми, ранеными и плѣнными а потери французовъ доходили до 10.000, въ томъ числѣ 3.000 плѣнными.

Во время этихъ дѣйствій Макдональдъ перешелъ у Якобштадта Двину съ дивизіей Гранжана. Дивизія пруссаковъ Граверта послана была на Митаву. Главное назначеніе Макдональда состояло въ обложеніи г. Риги и занятіи Динабурга, чтобы оттуда угрожать правому флангу нашихъ войскъ, стоявшихъ на Двинѣ. Изъ Якобштадта маршалъ пошелъ къ Динабургу и 20-го іюля занялъ его безъ сопротивленія, гдѣ сжегъ и потопилъ всѣ запасы и матеріалы, которые русскіе не успѣли истребить. Узнавъ о пораженіи Удино, Макдональдъ не отважился итти на Ригу и не сталъ дѣйствовать съ одною дивизіею Гранжана во флангъ Витгенштейна. Онъ остался въ Динабургѣ и провелъ тамъ нѣсколько недѣль въ полномъ бездѣйствіи, за что навлекъ на себя гнѣвъ Наполеона. Графъ Витгенштейнъ, получивъ донесеніе о занятіи Динабурга, немедленно перешелъ въ Рясицы, откуда хотѣлъ напасть на Макдональда, оставивъ противъ Полоцка однѣ кавалерійскія части, но извѣстіе о томъ, что корпусъ Сенъ-Сира идетъ изъ Бѣшенковичъ на подкрѣпленіе Удино, заставило его снова повернуть къ Клястицамъ. Летучій отрядъ майора Бедряги былъ оставленъ для наблюденія за Макдональдомъ.



Видъ Риги въ началѣ XIX вѣка.

29-го іюля, за четыре версты передъ Кохановымъ, графъ Витгенштейнъ встрѣтилъ авангардъ непріятеля, главныя силы котораго стояли за Свольною. 30-го числа авангардъ былъ атакованъ и прогнанъ за рѣку. Наши стали готовиться къ переправѣ; но Удино снова отступилъ къ Полоцку, преслѣдуемый двумя отрядами Гельфрейха и Властова, по дорогамъ къ Гапзелеву и Сивошину, 4-го августа весь корпусъ гр. Витгенштейна расположился въ виду Полоцка у мызы Пресменицы. Соединенныя силы французскихъ корпусовъ, Удино и Сенъ-Сира, достигали 30.000 чел., а у насъ было только 17.000 чел.; но это не остановило Витгенштейна напасть 5-го августа на непріятеля, расположившагося на выгодной укрѣпленной позиціи впереди Полоцка. Сражались русскіе и французы съ перемѣннымъ успѣхомъ до наступленія темноты. Удино былъ раненъ и передалъ команду Сенъ-Сиру, совѣтуя ему отступить за Двину. Вмѣсто того, Сенъ-Сиръ приготовился къ нечаянному нападенію на гр. Витгенштейна; 6-го августа, въ 5 часовъ пополудни, французы вдругъ двинулись впередъ, стараясь прорвать нашъ центръ, расположенный противъ мызы Спаса. Послѣ перваго замѣшательства, наши войска оправились и построились къ бою, удержали натискъ непріятеля въ центрѣ и оттѣснили его лѣвое крыло. Но силы Сенъ-Сира далеко превосходили наши. Онъ успѣлъ овладѣть Пресменицею и заставилъ Витгенштейна отступить въ лежавшій позади лѣсъ, съ потерею 5 орудій и 2.000 человѣкъ. Французы лишились двухъ генераловъ, до 1.500 чел. убитыхъ и раненыхъ и двухъ пушекъ. На слѣдующій день гр. Витгенштейнъ занялъ позицію у села Бѣлаго, а 11-го

августа у Сивошина. Сенъ-Сиръ, довольный отступленіемъ своего противника, опять сталъ впереди Полоцка, выдвинувъ свой авангардъ къ Ганзелеву.

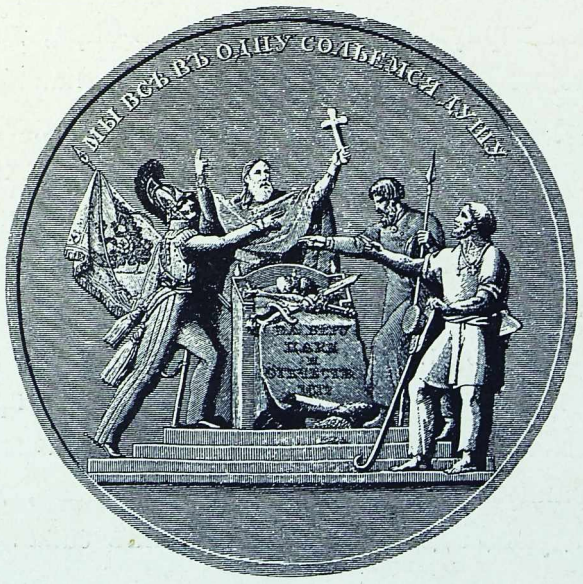
Въ такомъ положеніи обѣ стороны пробыли до начала октября. Наполеонъ, видя малые успѣхи трехъ своихъ маршаловъ, дѣйствовавшихъ на Двинѣ, отказался отъ наступательныхъ движеній на правомъ ея берегу, предписалъ Сенъ-Сиру лишь удерживаться на Двинѣ и охранять путь его сообщеній. Графъ Витгенштейнъ съ своей стороны, лишась въ трехнедѣльныхъ безпрерывныхъ битвахъ болѣе трети своего корпуса и не имѣя до самаго Петербурга ни резервовъ, ни подкрѣпленій, не могъ ничего предпринимать рѣшительнаго. Тѣмъ не менѣе мы видѣли, что онъ съ однимъ своимъ корпусомъ сумѣлъ удержать три французскихъ корпуса, прикрыть дороги къ Петербургу, успокоить жителей столицы. Въ честь Витгенштейна была сочинена военная пѣсня, въ которой говорилось:

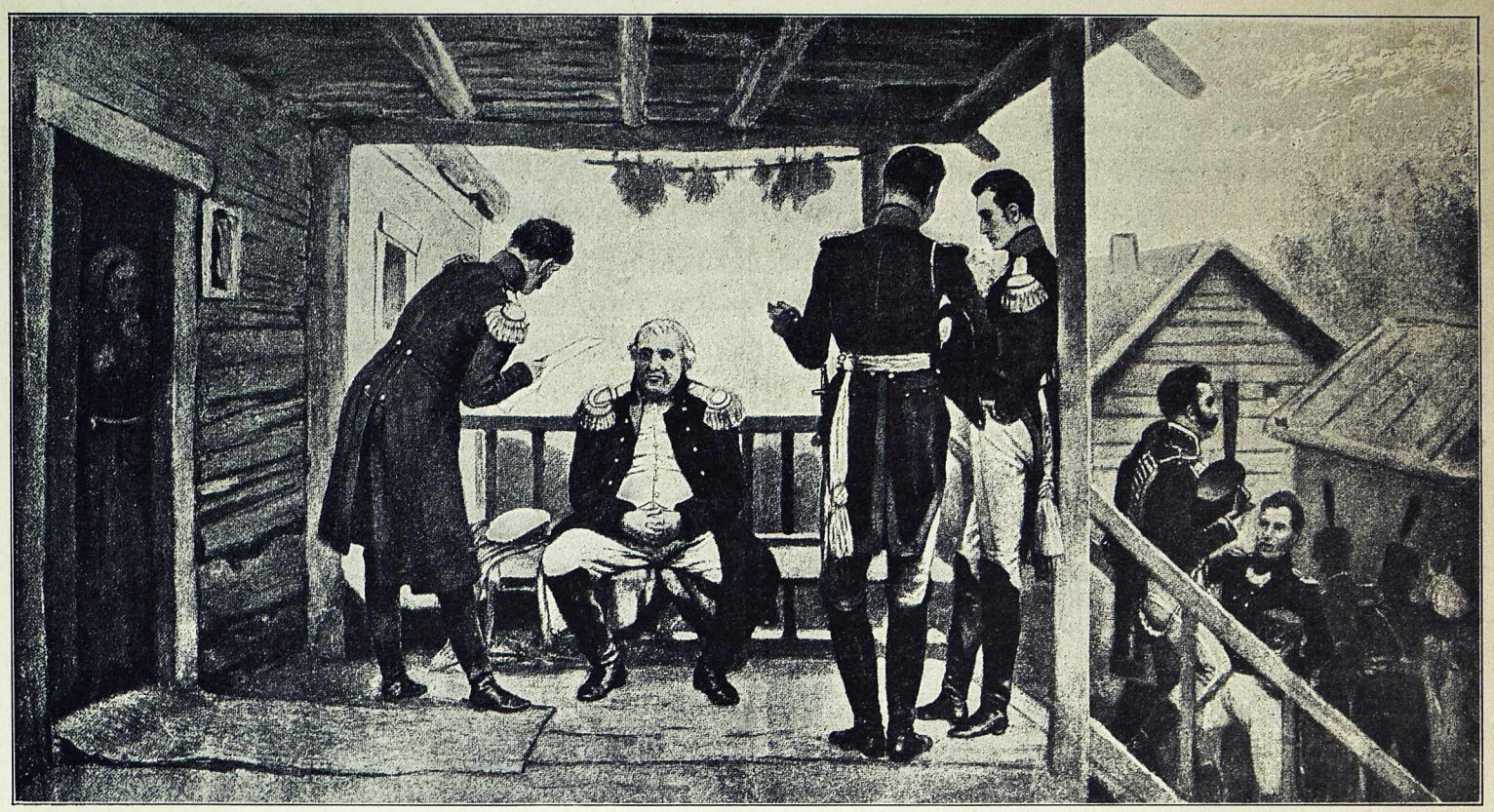
„Защитника Петрова града
Велитъ намъ славить гласъ;
Его былъ Витгенштейнъ ограда,
И врагъ не смѣлъ итти на насъ“.

Наконецъ скажемъ о дѣйствіяхъ Эссена, охранявшаго Ригу. Пространство вправо отъ занятыхъ Витгенштейномъ мѣстъ, т.-е. весь низовой край по Двинѣ, было совершенно не защищено нашими войсками. Лишь 15-тысячный гарнизонъ, составленный большею частью изъ запасныхъ и резервныхъ батальоновъ и эскадроновъ, занималъ Ригу, подъ начальствомъ военнаго губернатора генерала Эссена. Передовой отрядъ, ввѣренный генералу Вельяминову, а потомъ Левису, наблюдалъ изъ Бауска сѣверную границу Виленской губерніи.

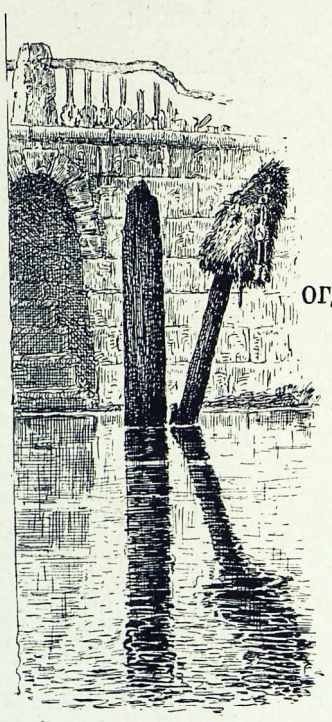
На Дюнамюндскомъ рейдѣ находилась англійская эскадра адмирала Мартенса, который съ самаго начала войны изъявилъ Эссену полную готовность оказать намъ свое содѣйствіе, тамъ, гдѣ это будетъ нужно. 23-го іюня прусская дивизія генерала Граверта, посланная Макдональдомъ изъ Шавли въ Курляндію, подходила къ Янишкамъ. Левисъ медленно отошелъ къ Экау, гдѣ 7-го іюля онъ былъ атакованъ пруссаками и, послѣ упорной защиты, долженъ былъ отступить чрезъ Даленкирхенъ къ Ригѣ. Въ день св. Ольги, 11-го іюля, послѣ обѣда было получено извѣстіе о приготовленіяхъ пруссаковъ перейти ночью черезъ Двину у Юнгфергофа, овладѣть предмѣстьями и обложить, Ригу. Посланный на рекогносцировку штабъ-офицеръ подтвердилъ этотъ, какъ потомъ оказалось ложный слухъ, и Эссенъ поторопился дать приказаніе сжечь предмѣстья, чѣмъ нанесъ жителямъ убытокъ болѣе 11.000.000 рублей. 16-го іюля генералъ Гравертъ прислалъ письмо, въ которомъ требовалъ сдачи города, но это предложеніе было Эссеномъ отвергнуто. Пруссаки расположились вдоль рѣки Миссы, отправляя иногда фуражировъ на правый берегъ Двины; Эссенъ высылалъ противъ нихъ отряды, но не рѣшался дѣлать большія вылазки. 29-го іюля пришли изъ Свеаборга 67 канонерскихъ лодокъ, которыя поднимались нѣсколько разъ по рѣкѣ Аа, перестрѣливаясь съ пруссаками, но безъ существенной для насъ пользы. Такъ прошелъ конецъ іюля и весь августъ.

Графъ Беннигсенъ замѣчаетъ, что, „если бы Макдональдъ, оставивъ 15.000-й корпусъ для наблюденія за Ригой, послалъ остальныя силы для подкрѣпленія Удино, тогда Витгенштейнъ, подавленный численнымъ превосходствомъ, былъ бы принужденъ отойти къ Двинѣ, и оба маршала, идя къ Петербургу, могли бы дѣйствительно угрожать столицѣ“.





Князь Кутузовъ въ Царевѣ-Займищѣ.
Съ рисунка профессора П. О. Ковалевскаго.



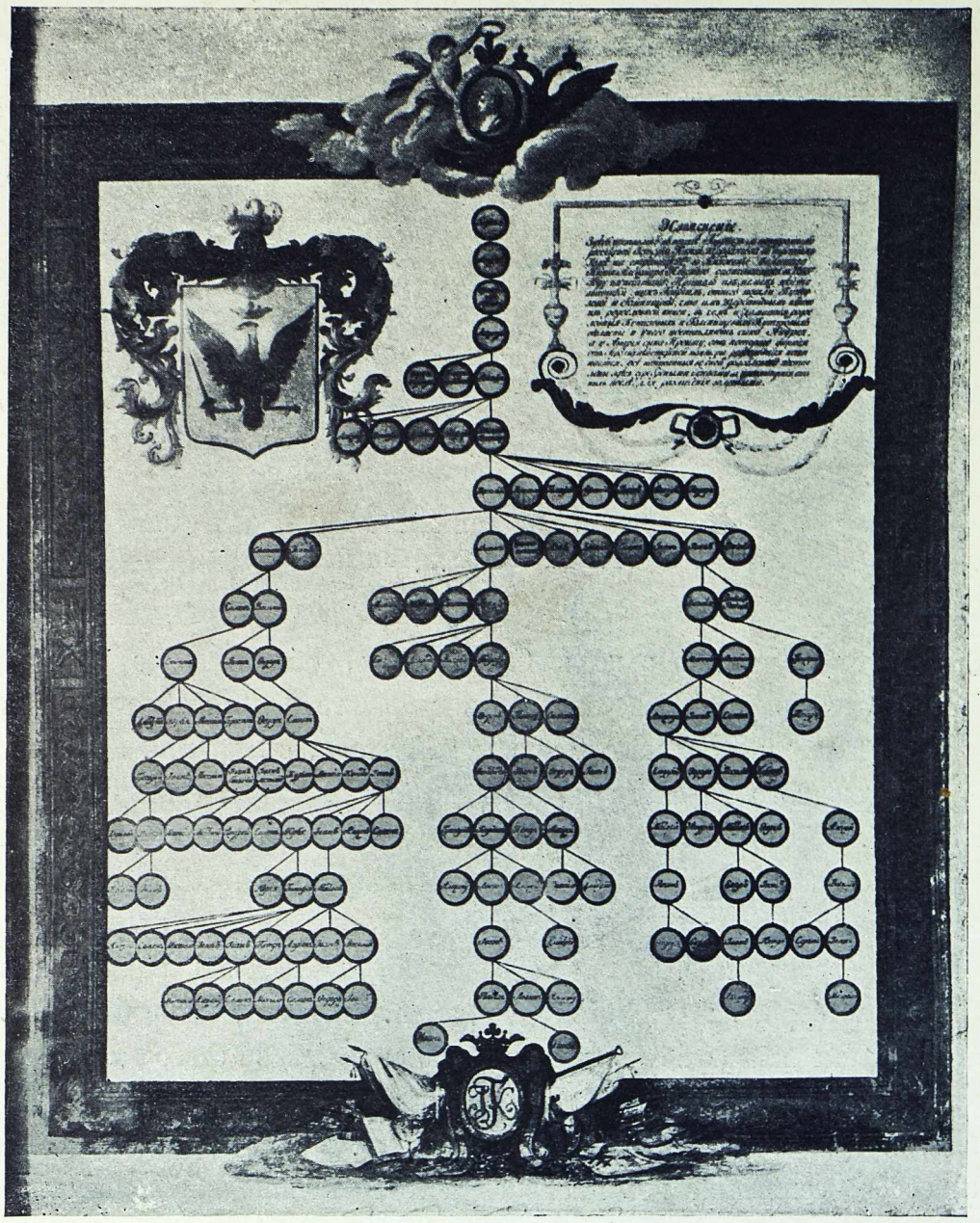
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Когда происходили бои подъ Смоленскомъ, общественное мнѣніе обѣихъ столицъ находилось подъ впечатлѣніемъ удачнаго соединенія армій, съ одной стороны, „нерѣшительности и медленности“ Барклая, съ другой. Ярые патріоты требовали немедленнаго перехода въ наступленіе и перемѣны главнокомандующаго. Извѣстія изъ лагеря князя Багратіона въ сильной степени поддерживали такое настроеніе. Императору Александру, чувствовавшему свою нравственную отвѣтственность за Барклая, котораго никто другой, какъ онъ, вывелъ въ люди, сдѣлалъ военнымъ министромъ и главнокомандующимъ, предстояло рѣшиться на шагъ, чтобы удовлетворить желаніямъ дворянства. Словомъ, надо было не только замѣнить Барклая кѣмъ-нибудь другимъ, но и выбрать этого другого непремѣнно изъ оппозиціи. Александръ видѣлъ необходимость пойти на уступку — и, весьма антипатичный ему еще съ Аустерлица, Кутузовъ сталъ главнокомандующимъ. Въ вечеръ второго Смоленскаго сраженія (5-го августа) особое совѣщаніе изъ высшихъ военныхъ чиновъ, нѣкоторыхъ министровъ и членовъ Государственнаго Совѣта, въ теченіе трехъ часовъ заслушавъ и обсудивъ отчеты Барклая о ходѣ военныхъ дѣйствій, „пришло къ заключенію, что необходимо назначить одного общаго главнокомандующаго силами Россіи, и что имъ долженъ быть Кутузовъ“. Послѣдній былъ избранъ начальникомъ Петербургскаго и Новгородскаго ополченій и за нѣсколько дней передъ новымъ своимъ назначеніемъ возведенъ въ княжеское достоинство, и весь Петербургъ зналъ, что главнокомандующимъ будетъ назначенъ именно онъ. Его имя было на устахъ всѣхъ, изъ глубины сердца призывали его на защиту родины и ожидали спасенія ея только отъ него, какъ полководца, воспитаннаго въ громкое побѣдами царствованіе Екатерины II. 8-го августа Государь утвердилъ выборъ комитета, и Россія праздновала это назначеніе съ такою радостью, какой она еще не ощущала со времени вторженія непріятеля.

На другой день Императоръ отправился въ Або, для свиданія съ наслѣднымъ принцемъ Шведскимъ, и въ дружескихъ съ нимъ совѣщаніяхъ положено было: отсрочить предполагаемую экспедицію противъ Даніи и Норвегіи, а употребить корпусъ войскъ, находившійся въ Финляндіи подъ начальствомъ графа Штейнгеля, для дѣйствія противъ Макдональда. Кутузовъ, отправляясь въ армію, возложилъ на себя икону Казанской Божіей Матери, хранящуюся въ Казанскомъ соборѣ,

и откровенно заявлялъ близкимъ людямъ, что онъ не надѣется разбить Наполеона, но надѣется его обмануть. Первое очень скоро оправдалось въ точности—второго пришлось ждать довольно долго. Самъ Кутузовъ смотрѣлъ на дѣло болѣе пессимистически, чѣмъ было нужно, но, ради удовлетворенія общественнаго мнѣнія, онъ долженъ былъ казаться гораздо болѣе дерзкимъ, чѣмъ слѣдовало. Кутузовъ вообще оказался слишкомъ старъ для какихъ бы то ни было рѣшительныхъ дѣйствій. Съ назначеніемъ его до конца кампаніи, въ сущности—армія лишилась всякаго центральнаго руководства. Событія развивались совершенно стихійнымъ путемъ.

11-го августа Наполеонъ выѣхалъ изъ Смоленска къ арміи, авангардъ которой наканунѣ подошелъ къ Соловьеву и началъ наводить мостъ. Платовъ отступилъ къ Михалевкѣ и удержалъ тамъ непріятеля. Корпуса Даву, Нея, Жюно, гвардія и резервная кавалерія шли столбовою дорогою. Понятовскій правѣе, вице-король черезъ Духовщину на Дорогобужъ. Это движеніе, угрожавшее обходомъ нашему правому флангу, заставило Барклая отступить къ Дорогобужу, а какъ возлѣ него не было удобнаго для обороны мѣста, то армія продолжала отступать до Семлева, гдѣ остановилась 14-го августа.



Родословная князя М. И. Кутузова.
Оригиналъ въ музеѣ П. И. Щукина.

Начальникъ инженеровъ, генералъ Трузсонъ, и генералъ-квартирмейстеръ Толь были посланы въ Вязьму для отысканія и укрѣпленія такой позиціи, гдѣ 20-ти или 25-тысячный корпусъ могъ бы держаться противъ сильнѣйшаго непріятеля, между тѣмъ какъ армія, опираясь на этотъ пунктъ, перешла бы въ наступленіе. Въ такомъ укрѣпленномъ лагерѣ предполагали оставить Милорадовича, который долженъ былъ придти туда съ вновь сформированнымъ въ Калугѣ корпусомъ. Французы заняли Дорогобужъ, брошенный жителями и сожженный изъ мести непріятелемъ. Скоро возвратились изъ поѣздки Трузсонъ и Толь и донесли, что около Вязьмы нѣтъ позиціи. Приходилось снова отступать, пожертвовавъ весьма важнымъ пунктомъ, такъ какъ въ немъ сходилось нѣсколько дорогъ къ сѣверной и южной Россіи.

15-го августа обѣ наши арміи соединились въ Вязьмѣ. Платовъ имѣлъ кровопролитное дѣло на берегу Осмы съ непріятельскимъ авангардомъ. Наполеонъ ускорилъ движеніе своихъ корпусовъ. Разгромъ русской арміи становился необходимымъ для него, такъ какъ кругомъ разгоралась народная война. По мѣрѣ того, какъ французы подвигались впередъ, они находили край все болѣе пустыннымъ. Народъ добровольно сжигалъ свои жилища, хлѣбъ и сѣно и, вооружаясь чѣмъ могъ, велъ жестокую партизанскую войну. Французскіе фуражиры лишь съ боя могли отыскивать скудное продовольствіе. 16-го числа наша армія отошла къ Федоровскому, а 17-го къ Цареву-Займищу.

Коновницынъ смѣнилъ Платова въ командованіи арьергардомъ, два дня удерживалъ онъ Мюрата впереди Вязьмы и за городомъ, который былъ зажженъ бѣжавшими изъ него жителями. Ночью на 18-е августа арьергардъ сталъ въ 18-ти верстахъ впереди Царева-Займища. Главная французская армія была у Вязьмы; на лѣвомъ крылѣ стоялъ вице-король—въ селѣ Новомъ, на правомъ—Понятовскій, въ селѣ Покровскомъ. Въ Царевѣ-Займищѣ наши опять начали строить укрѣпленія и готовиться къ бою; но войска не надѣялись уже на близкую встрѣчу съ непріятелемъ. Поколебалась довѣренность къ главнокомандующему, такъ какъ разногласіе его съ Багратіономъ дошло до высшей степени. Въ это печальное время, въ арміи было получено извѣстіе о назначеніи Кутузова. Императоръ Александръ I написалъ, 8-го августа, слѣдующее письмо графу Л. Л. Беннигсену:

„Неудобства, проистекающія послѣ соединенія первой и второй армій изъ отсутствія общаго для нихъ командующаго, заставляютъ меня, генералъ, назначить одного главнокомандующаго, который по своему старшинству могъ бы быть начальствующимъ надъ всѣми генералами четырехъ армій, считая въ томъ числѣ и Молдавскую армію. По этимъ соображеніямъ мой выборъ палъ на генерала князя Кутузова. Такъ какъ онъ старше васъ по службѣ, генералъ, то я надѣюсь, что ваша любовь къ отечеству и ваше усердіе къ моей службѣ побудятъ васъ не отказаться служить подъ его начальствомъ и тѣмъ принести Россіи пользу своими знаніями и своими выдающимися талантами. Вотъ причина, генералъ, почему я не отвѣтилъ вамъ раньше на ваше письмо. Пріумноживъ вашу славу, вы мнѣ дадите пріятный поводъ васъ наградить и этими отличіями возвысить въ глазахъ отечества и всего міра ваши новыя заслуги“. Беннигсенъ пишетъ, что, „проѣздомъ черезъ Вышній-Волочекъ я встрѣтилъ князя Кутузова. Онъ сообщилъ мнѣ волю Государя, чтобы я принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, и сказалъ, что ко мнѣ посланъ фельдъегерь съ рескриптомъ, коимъ онъ извѣщаетъ меня объ этомъ. Дѣйствительно, курьеръ, не разсчитывавшій встрѣтить меня по пути, обошелъ меня. Первымъ моимъ движеніемъ было продолжать путь въ Петербургъ, до котораго уже было недалеко и гдѣ находилась моя семья. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хотѣлось представиться Государю Императору, о чемъ я и заявилъ князю Кутузову. Но онъ выразилъ желаніе, чтобы я остался при немъ, такъ какъ ему предстояло выполнить трудную и сложную задачу. Кутузовъ сослался на наше старое знакомство и на узы дружбы, которыя связывали насъ цѣлыхъ сорокъ лѣтъ; онъ еще разъ напомнилъ мнѣ желаніе Императора на этотъ счетъ, и это заставило меня наконецъ уступить и вернуться обратно. Я прибылъ 16-го августа съ Кутузовымъ въ Гжатскъ, лежащій въ 215-ти верстахъ отъ Смоленска и въ 157-ти верстахъ отъ Москвы. Тутъ мы ожидали, пока подойдетъ армія, которая отступала къ этому городу, куда она и прибыла 18-го числа. 19-го августа армія имѣла тутъ дневку. Я могу сказать, что насъ привѣтство-

Бюстъ кн. М. И. Кутузова.
Изъ музея П. И. Щукина.

Василій Сергѣевичъ Кайсаровъ,
бывшій долгое время адъютантомъ кн. Кутузова.

вали радостно какъ армія, такъ и всѣ обитатели мѣстечекъ, чрезъ которыя намъ приходилось проѣзжать по пути. За отсутствіемъ удобной позиціи мы продолжали 20-го августа отступленіе по большой Смоленской дорогѣ и подошли 22-го августа къ Бородино съ нашими двумя соединенными арміями, въ которыхъ насчитывалось однако не болѣе 90.000 человѣкъ".

У Наполеона было 130.000 штыковъ и сабель, но 20.000-й гвардіи Наполеонъ не пустилъ въ дѣло. На нашей сторонѣ былъ крупный перевѣсъ въ главномъ огнестрѣльномъ оружіи эпохи, въ артиллеріи; мы имѣли 640 орудій противъ 587 французскихъ. Недаромъ Пушкинъ, вспоминая Бородинскій бой, сказалъ:

„Но стали жъ мы пятою твердой
И грудью приняли напоръ
Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,
И равенъ былъ неравный споръ".

Далѣе графъ Беннигсенъ говоритъ: „Я поѣхалъ впередъ, чтобы произвести рекогносцировку позицій отъ Гжатска до Москвы; въ представленномъ мною князю Кутузову донесеніи я не говорилъ о Бородино, какъ о выгодной позиціи, но полковникъ Толь, назначенный главнокомандующимъ на должность генералъ-квартирмейстера, избралъ ее для сраженія. — Толь овладѣлъ умомъ князя Кутузова, которому его тучность не позволяла самому производить рекогносцировку мѣстности ни до сраженія, ни послѣ него. Взгляните на планъ этого сраженія. Обратите прежде всего вниманіе на огромное пространство, которое занимали наши войска. Отъ послѣдней батареи на нашемъ правомъ флангѣ до крайней батареи на лѣвомъ флангѣ, или до 3-го корпуса, коно командовалъ во время этого отступленія генералъ Коновницынъ, поддержанный генераломъ Уваровымъ. Всѣ эти войска построились въ линію, и полковникъ Бистромъ съ полкомъ гвардейскихъ егерей занялъ деревню Бородино. На лѣвомъ берегу маленькой рѣчки Колочи осталось нѣсколько казачьихъ полковъ, чтобы прикрыть пространство между этой деревней и концомъ нашего праваго фланга.

Генералъ-лейтенантъ
баронъ Карлъ Ѳедоровичъ Толь.

„Послѣ полудня непріятель съ довольно значительными силами произвелъ рекогносцировку на нашемъ лѣвомъ флангѣ; при этомъ произошло довольно жаркое дѣло; когда бой окончился съ наступленіемъ сумерекъ, обѣ стороны потеряли нѣсколько тысячъ человѣкъ; мы потеряли пять орудій, а непріятель восемь, и въ его рукахъ остались высоты позади деревни Шевардино, на которыхъ онъ поставилъ часть своихъ силъ.

„Во время битвы я поѣхалъ на лѣвый флангъ, къ командовавшему имъ князю Багратіону. Генералъ вполнѣ присоединился къ моему мнѣнію, что Наполеонъ атакуетъ со своими главными силами нашъ лѣвый флангъ; онъ предвидѣлъ то, что могло случиться, если бы наша армія осталась долѣе на занятой ею позиціи, такъ что нашъ лѣвый флангъ былъ бы оттѣсненъ съ уономъ. Я обѣщалъ ему представить главнокомандующему, какой опасности подвергалась эта часть торымъ командовалъ Тучковъ, стоявшаго на старой Смоленской дорогѣ, было болѣе 10 верстъ, такъ что войска или резервы, находившіеся на одномъ флангѣ, или хотя бы даже въ центрѣ, не могли подойти своевременно, чтобы поддержать другое крыло, что и случилось 26-го августа, несмотря на то, что непріятель еще 24-го августа выказалъ намѣреніе атаковать нашъ лѣвый флангъ. Я высказалъ свое мнѣніе Кутузову, но все осталось постарому. Было приступлено къ сооруженію батарей.

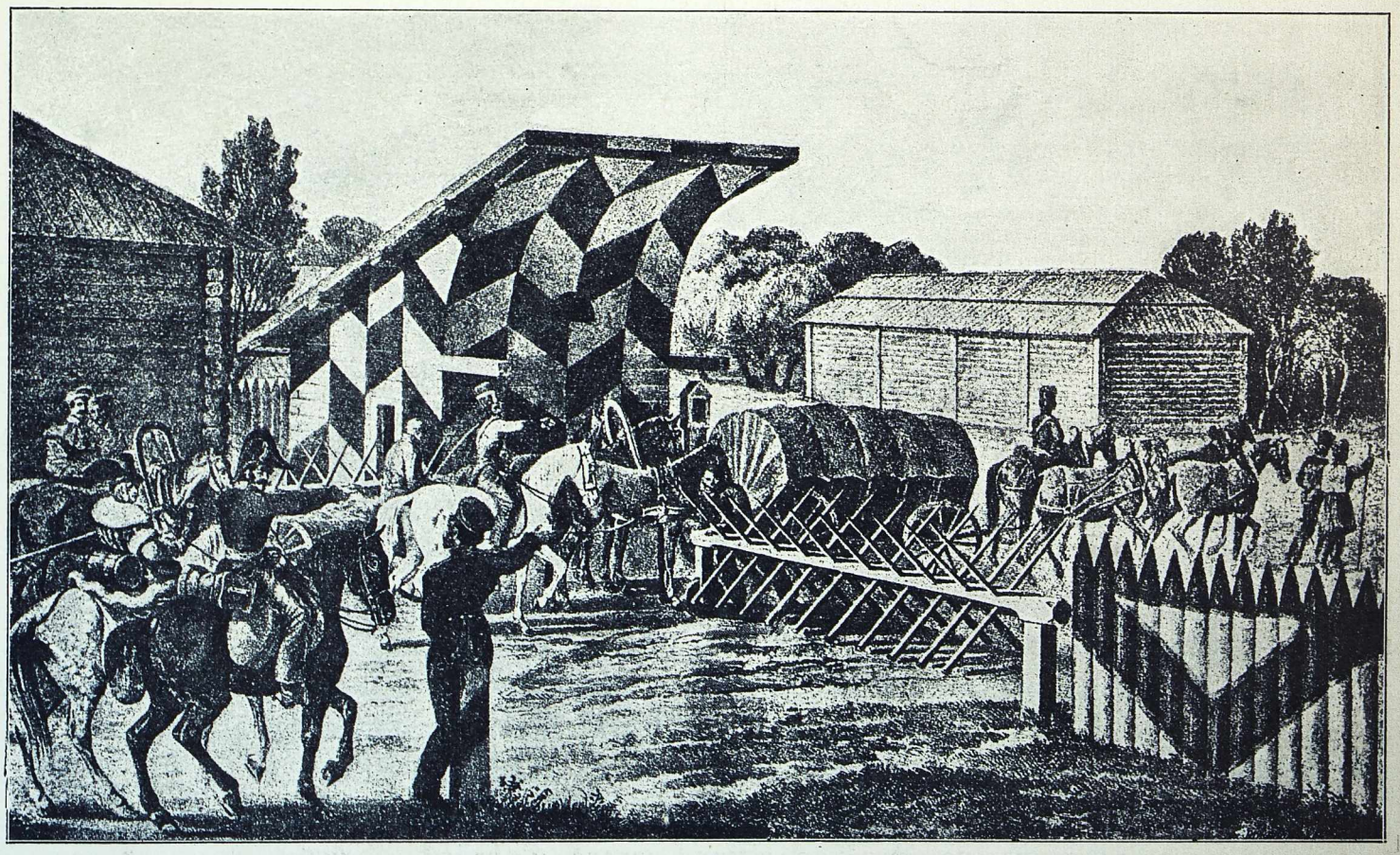
„24-го августа Наполеонъ подошелъ со своей арміей, по новой и старой Смоленской дорогѣ, къ нашему лѣвому флангу и оттѣснилъ нашъ арьергардъ, которымъ доблестно и успѣш-

арміи. Вернувшись, я далъ князю Кутузову полный отчетъ всего мною видѣннаго и предложилъ ему то же, что и наканунѣ, а именно укоротить нашъ лѣвый флангъ, но все осталось попрежнему.

Баронъ Егоръ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій.

„25-го августа непріятель простоялъ неподвижно на занятыхъ имъ наканунѣ высотахъ, хотя его орудія могли обстрѣливать нашу линію; онъ выжидалъ прибытія своей тяжелой артиллеріи, которая осталась позади, такъ какъ ея лошади находились въ то время въ самомъ печальномъ состояніи. Я отправился въ тотъ день на конецъ нашего лѣваго фланга, чтобы поставить на позицію корпусъ Тучкова, находившійся на старой Смоленской дорогѣ, и предложилъ графу Маркову передать подъ его команду 10.000 человѣкъ ополченія, чтобы непріятель могъ ихъ видѣть; этимъ можно было внушить ему страхъ, такъ что онъ не рѣшился бы двинуть всѣ свои силы противъ Багратіона. Графъ Марковъ охотно согласился на это, а я убѣдился, что всѣ генералы и офицеры ополченія были одушевлены желаніемъ быть полезными и содѣйствовать успѣху предстоявшаго намъ большого сраженія“. Бернарди увѣряетъ, что Беннигсенъ не донесъ Кутузову объ этой перемѣнѣ въ диспозиціи, составленной Толемъ, которая оказалась неудачной и поставила 3-й корпусъ Тучкова въ очень невыгодное положеніе. На другой день былъ убитъ Тучковъ, и многіе писатели, не зная, какъ было дѣло, считали его виновнымъ въ движеніи впередъ, которое было выполнено внезапно по приказанію Беннигсена.

„Вернувшись къ Кутузову, пишетъ Беннигсенъ, я снова настоятельно убѣждалъ его принять боевой порядокъ, утверждая, на основаніи произведеннаго мною осмотра позиціи, что нашему лѣвому флангу придется вынести на себѣ атаку главныхъ силъ Наполеона, тогда какъ правое крыло вовсе не подвергается атакѣ. Поэтому я предложилъ опереть нашъ правый флангъ на деревню Горки и двинуть всѣ остальныя войска нашего праваго фланга на поддержку лѣваго крыла. Мои убѣжденія остались и на этотъ разъ безуспѣшны“.



Французы въ Гжатскѣ 24-го августа 1812 г.

Въ полдень 25-го августа Кутузовъ, чтобы приготовить войска къ битвѣ, приказалъ носить по всей арміи чудотворную икону Божіей Матери, взятую при отступленіи изъ Смоленска.

26-го августа, на разсвѣтѣ, непріятельскія колонны пришли въ движеніе; батарея № 4 (такъ называемый Большой редутъ), которую защищалъ генералъ Раевскій, первая открыла огонь. „Я немедленно отправился туда, говоритъ Беннигсенъ, и, убѣдясь въ томъ, что непріятель повелъ атаку, какъ я предсказывалъ, противъ лѣваго фланга, поспѣшилъ къ Кутузову и сказалъ ему слѣдующее:

„Если вы не хотите, чтобы вашъ лѣвый флангъ былъ опрокинутъ съ потерею 20 или 30 орудій, поспѣшите послать туда всѣ войска съ праваго фланга; только бы они подоспѣли туда вовремя“. Выслушавъ меня, князь Кутузовъ приказалъ, чтобы часть войскъ была послана для поддержки нашего лѣваго фланга; когда же было получено донесеніе, что наши дѣла на этомъ флангѣ шли плохо, то онъ послалъ туда и остальную часть войска“.

Молебенъ наканунѣ Бородинскаго боя, передъ иконою Смоленской Божіей Матери.
Съ рисунка проф. П. О. Ковалевскаго.

Именно, полковнику Толю приказано было перевести съ праваго фланга на лѣвый весь 2-й пѣхотный корпусъ. Въ центрѣ позиціи л.-гв. Егерскій полкъ, подъ начальствомъ Бистрома, около часа выдерживалъ непріятельскія атаки, но наконецъ, вытѣсненный изъ села Бородина, отступилъ на Колочу; почти вмѣстѣ съ ними перешли и французы. Однако гвардейскіе егеря, подкрѣпленные еще двумя егерскими полками, въ свою очередь, опрокинули непріятеля и прогнали его съ большимъ урономъ за Колочу, на которой сожгли мостъ, и французы во весь день не осмѣлились болѣе переправляться на этомъ мѣстѣ.

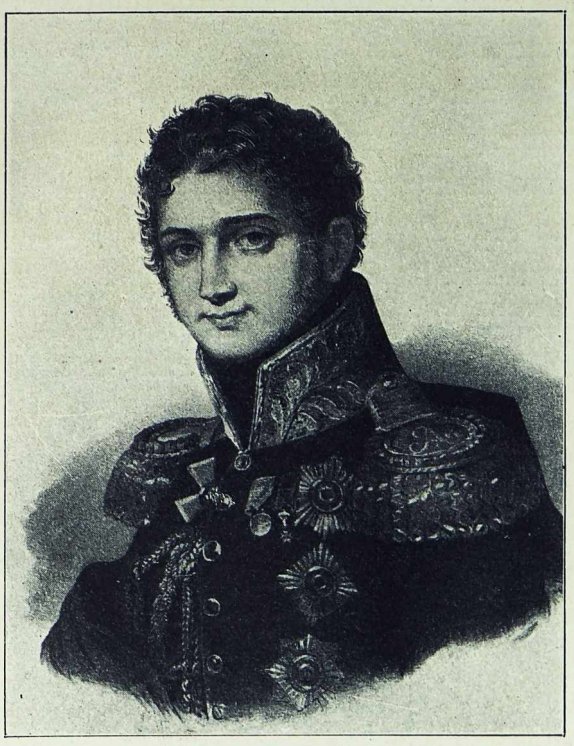
Въ 9 часовъ Даву и Ней снова напали на Семеновскія укрѣпленія и, послѣ продолжительныхъ усилій, овладѣли всѣми тремя укрѣпленіями или флешами, а генералъ Дюфуръ, перейдя оврагъ, успѣлъ даже ворваться въ самую деревню Семеновскую. Но и на этотъ разъ французы не могли удержать за собою укрѣпленій: генералъ Бороздинъ, съ гренадерами 2-й дивизіи, штыками отбилъ флеши и прогналъ непріятеля до самаго лѣса, а дивизія Коновницына завладѣла въ это время деревнею Семеновскою и отбросила непріятеля обратно за оврагъ. Послѣ этой неудачи, маршалы, подкрѣпивъ себя кавалерійскими корпусами Нансути и Латуръ-Мобура, возобновили свои усилія и еще разъ завладѣли флешами, изъ которыхъ однако еще разъ были выгнаны Коновницынымъ. Теперь Ней счелъ необходимымъ ввести въ дѣло и корпусъ Жюно, который оставался еще въ резервѣ. Ему приказано было подвинуться вправо и, войдя въ линію, составить связь съ

войсками кн. Понятовскаго, стараясь въ то же время прогнать нашихъ егерей, разсыпанныхъ по кустарнику на лѣвомъ флангѣ позиціи. Если бы это удалось непріятелю, то флеши могли бы быть обойдены съ тыла, и корпусъ Тучкова былъ бы отрѣзанъ отъ арміи; но къ этому времени успѣлъ подойти корпусъ Багговута, который возстановилъ нѣкоторое равновѣсіе между силами. Два полка этого корпуса, подъ командою генерала Олсуфьева, были посланы на помощь Тучкову; 4-я пѣхотная дивизія принца Евгенія Виртембергскаго подкрѣпила кирасиръ князя Голицына, оборонявшихъ равнину лѣвѣе деревни Семеновской, а четыре пѣхотныхъ полка ударили на вестфальцевъ, которые, оттѣснивъ русскихъ егерей, хотѣли зайти во флангъ кирасирамъ. Непріятель былъ отраженъ и прогнанъ кирасирами до лѣса, и хотя возобновлялъ еще нѣсколько разъ свои покушенія, однакожъ

Наполеонъ передъ своею палаткою показываетъ 25-го августа портретъ своего сына, привезенный генераломъ Боссе.

они имѣли мало успѣха. Во время атаки вестфальцевъ, Понятовскій также подвинулъ свой корпусъ правымъ флангомъ впередъ, чтобы овладѣть батареею, поставленною на курганѣ за Утицкою равниною и защищаемою 1-ю гренадерскою дивизіею генерала гр. Строганова. Подъ дѣйствіемъ сорока орудій, поставленныхъ поляками вправо отъ Утицы, колонны ихъ пошли въ атаку и, невзирая на упорное сопротивленіе русскихъ, овладѣли курганомъ. Съ потерею этого пункта, который командовалъ надъ мѣстностью, наши войска могли быть сбиты со старой Смоленской дороги, и вся армія подвергалась обходу съ фланга, потому Тучковъ рѣшился, во что бы то ни стало, прогнать непріятеля съ кургана. Онъ самъ, съ Павловскимъ гренадерскимъ полкомъ, ударилъ на поляковъ съ фронта, гр. Строгановъ съ четырьмя гренадерскими полками атаковалъ справа, а генералъ Олсуфьевъ, съ двумя пѣхотными, съ тылу. Непріятель былъ сбитъ съ кургана, и гр. Строгановъ опять поставилъ на немъ батарею, которая своимъ огнемъ заставила поляковъ отступить на дальній пушечный выстрѣлъ. Тучковъ I, смертельно раненый при атакѣ кургана, сдалъ начальство Олсуфьеву, до прибытія Багговута.

Въ центрѣ нашей позиціи кипѣла битва еще съ бо̀льшимъ напряженіемъ. Егеря 12-й и 26-й дивизій упорно защищали кустарникъ при впаденіи ручья Семеновскаго въ Колочу, но наконецъ были выбиты изъ него войсками вице-короля Италіи, которыя вышли на равнину прямо предъ большимъ нашимъ люнетомъ. 26-я дивизія генерала Паскевича болѣе получаса удерживала непріятеля, но принуждена была уступить превосходству численному, и генералъ Бонами, съ 30-мъ линейнымъ полкомъ, подъ градомъ картечи ворвался въ люнетъ. Генералъ-майоры Ермоловъ и Кутайсовъ, видя, что этотъ успѣхъ можетъ дать возможность непріятелю прорвать нашъ центръ, рѣшились отвратить опасность: съ третьимъ батальономъ Уфимскаго полка они бросились на взятое укрѣпленіе. Въ то же время генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, съ частью 12-й пѣхотной дивизіи, атаковалъ непріятеля съ праваго фланга, а 19-й и 40-й егерскіе полки съ лѣваго; генералъ же Паскевичъ, съ остальными полками своей дивизіи, съ тылу: люнетъ въ одно мгновеніе былъ взятъ обратно и генералъ Бонами, раненый, взятъ въ плѣнъ.

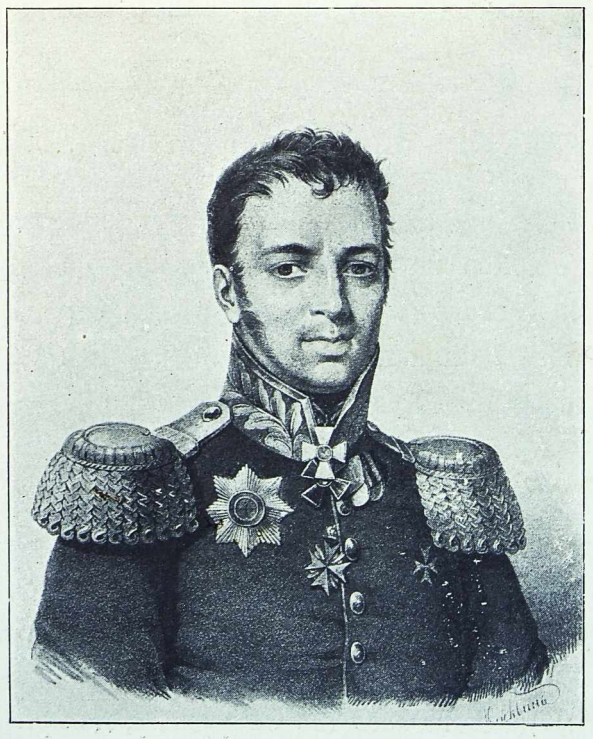


Графъ П. А. Строгановъ.

Отступавшій непріятель, по распоряженію Барклая, былъ преслѣдованъ двумя драгунскими полками, которые произвели сильный безпорядокъ даже въ подоспѣвшихъ на помощь непріятелю резервахъ. При атакѣ люнета, французы понесли сильный уронъ; вся площадка передъ укрѣпленіемъ была устлана ихъ трупами. Съ нашей стороны былъ убитъ здѣсь графъ Кутайсовъ.

Послѣ неудачной атаки люнета вице-король отвелъ войска свои за оврагъ Семеновскій и, удвоивъ тамъ свои батареи, нанесъ жестокое пораженіе 26-й дивизіи, которую пришлось смѣнить 24-ю генерала Лихачева, которому раненый генералъ Ермоловъ сдалъ начальство надъ люнетомъ. Къ этому же періоду борьбы относится атака русской кавалеріи праваго крыла на лѣвый флангъ французовъ. Платовъ съ 2.000 казаковъ еще въ началѣ сраженія перешелъ въ бродъ Колочу, близъ впаденія ея въ р. Москву, и, увидѣвъ лѣвое крыло вице-короля Италіи совершенно открытымъ, нашелъ возможнымъ сдѣлать на него нападеніе, о чемъ и далъ знать Кутузову. Главнокомандующій, желая этою диверсіею отвлечь вниманіе непріятеля отъ своего лѣваго крыла, приказалъ Уварову, съ первымъ кавалерійскимъ корпусомъ, привести ее въ исполненіе.

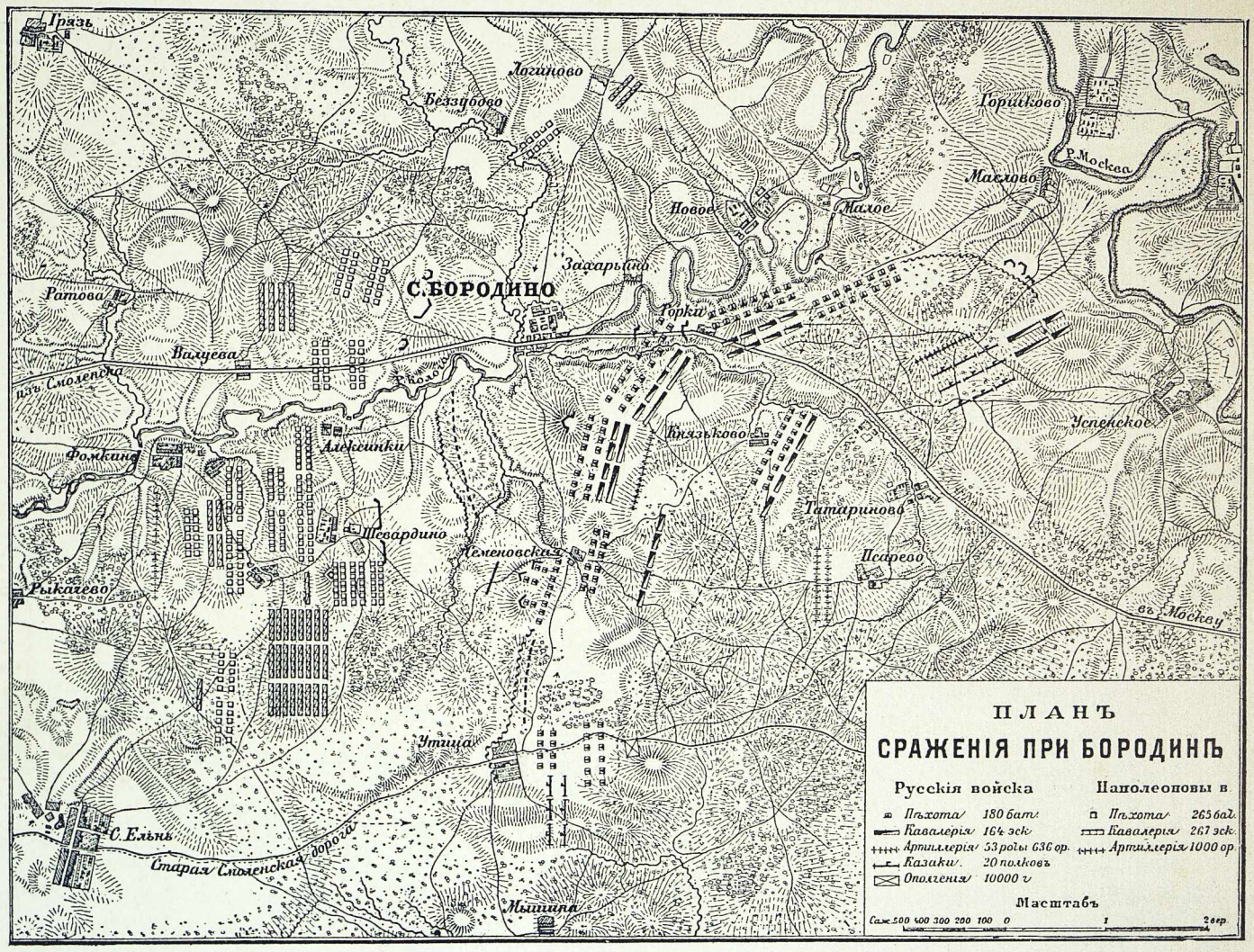
Генералъ Уваровъ, перейдя Колочу при селѣ Маломъ, прогналъ легкую кавалерійскую дивизію Орнано за ручей Войну и ударилъ на пѣхотную дивизію Дельзона, которая только-что успѣла построиться въ карре, и самъ вице-король едва спасся въ одномъ изъ нихъ. Послѣ нѣсколькихъ атакъ, произведенныхъ кавалеріею Уварова, французская пѣхота отступила также за ручей Войну, но, подкрѣпленная итальянскою пѣшею гвардіею, она остановила дальнѣйшее наступленіе русской кавалеріи. Уваровъ отступилъ къ селу Новому, гдѣ и остался до вечера. Только казаки Платова, сыскавъ бродъ на Войнѣ, перешли чрезъ этотъ ручей и, разсыпавшись между непріятельскими колоннами, произвели въ нихъ смятеніе, но и они скоро были принуждены возвратиться къ корпусу Уварова.



Генералъ Лихачевъ.

Насталъ полдень. Огонь сталъ ослабѣвать съ обѣихъ сторонъ, но Наполеонъ, недовольный успѣхомъ атакъ, приказалъ направить новыя силы. Болѣе 400 орудій было сосредоточено для дѣйствія противъ лѣваго нашего крыла; колонны пѣхоты готовились снова атаковать флеши. Кутузовъ, видя напоръ непріятеля, сблизилъ свои резервы и увеличилъ на лѣвомъ крылѣ артиллерію до 300 орудій,

а генералу Милорадовичу, съ 4-мъ пѣхотнымъ и 2-мъ кавалерійскимъ корпусами, приказалъ подвинуться влѣво. Наступила кровопролитная бойня: 700 орудій, собранныхъ передъ Семеновскими высотами на пространствѣ не болѣе одной квадратной версты, открыли безпрерывную канонаду. Противопоставляя штыкъ штыку, вся линія нашихъ колоннъ, по приказу Багратіона, двинулась навстрѣчу французамъ и вступила съ ними въ отчаянный рукопашный бой. Подоспѣвшая съ обѣихъ сторонъ кавалерія довершила общую сумятицу, въ которой пѣшіе, конные и артиллеристы смѣшались въ одну толпу. Въ пылу этой бойни смертельно былъ раненъ Багратіонъ; многіе другіе генералы также, вслѣдствіе ранъ, должны были оставить ввѣренныя имъ части, и наши батальоны и полки, лишившись своихъ командировъ, стали отступать, а французы овладѣли флешами. Еще нѣсколько свѣжихъ войскъ со стороны Наполеона, и сраженіе могло бы имѣть гибельный для насъ конецъ. Наполеонъ, по убѣдительной просьбѣ короля Неаполитанскаго, готовъ былъ, говорятъ, ввести



въ дѣло свою молодую гвардію, но въ это самое время пришло донесеніе объ атакѣ Уварова на лѣвое крыло французовъ, и Наполеонъ отмѣнилъ свое приказаніе, полагая, что принужденъ будетъ подкрѣпить вице-короля Италіи.

Коновницынъ, принявшій начальство отъ Багратіона, до прибытія Дохтурова, надъ войсками лѣваго крыла, со свойственнымъ ему хладнокровіемъ, отвелъ ихъ за Семеновскій оврагъ и, поставя батареи на близъ лежащихъ высотахъ, удержался тамъ до самаго конца сраженія. Тщетно французы старались распространить далѣе свои успѣхи. Кавалерійскіе корпуса Латуръ-Мобура и Нансути бросились впередъ чрезъ Семеновскій оврагъ, а послѣдній изъ нихъ, чтобы обойти наше лѣвое крыло, хотѣлъ опрокинуть полки л.-гв. Измайловскій и Литовскій (теперь Московскій), поставленные на лѣвомъ флангѣ дивизіи Коновницына; но гвардейцы, построясь въ батальонное карре, храбро отбили три послѣдовавшихъ, одна за другою, атаки цѣлой кирасирской дивизіи Сенъ-Жермена, а генералъ-майоръ Бороздинъ, съ тремя кирасирскими полками, нѣсколькими удачными атаками прогналъ французскую кавалерію за оврагъ.

Когда стихла тревога, которую внесла наша кавалерія на лѣвомъ крылѣ непріятеля, французы рѣшились употребить новыя силы противъ большого люнета, передъ центромъ нашей позиціи. Король Неаполитанскій приказалъ Коленкуру, замѣнившему только-что убитаго Монбрена, перейти

со 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ между деревнею Семеновскою и люнетомъ и напасть на него съ тылу, а вице-король Италіи долженъ былъ одновременно атаковать его съ фронта тремя пѣхотными дивизіями, въ помощь которымъ Наполеонъ прислалъ изъ резерва легіонъ Вислы (дивизію Клапареда). Барклай, замѣтивъ угрожавшія новыя войска непріятеля, двинулъ послѣдніе резервы: 4-й пѣхотный корпусъ гр. Остермана-Толстого смѣнилъ въ 1-й линіи 7-й корпусъ Раевскаго, который былъ почти уничтоженъ; полки л.-гв. Преображенскій и Семеновскій составляли резервъ 4-го корпуса, позади которыхъ стояли 2-й и 3-й кавалерійскій корпуса и полки л.-гв. Кавалергардскій и Конногвардейскій. Французская кавалерія 2-го корпуса въ одно мгновеніе ока перешла Семеновскій оврагъ и ударила на нашу пѣхоту. Войска 4-го корпуса хладнокровно подпустили французскую кавалерію на ружейный выстрѣлъ и открыли сильный огонь, который об-

Понятовскій на полѣ битвы.

ратилъ вспять непріятельскую кавалерію. Одинъ лихой Коленкуръ съ одною кирасирскою дивизіею успѣлъ ворваться съ тыла въ люнетъ, но былъ здѣсь убитъ, а кирасиры его въ смятеніи отступили.

Наибольшій успѣхъ былъ одержанъ войсками вице-короля Италіи, которыя бросились на люнетъ съ фронта и съ праваго фланга и овладѣли имъ, невзирая на отчаянное сопротивленіе 24-й дивизіи. Полки этой дивизіи, не оставлявшіе люнета, понесли страшный уронъ, и самъ генералъ Лихачевъ, командиръ дивизіи, раненый, былъ взятъ въ плѣнъ. Груши, подкрѣпленный корпусомъ кавалеріи, думая, что потеря люнета должна лишить русскихъ бодрости, бросился съ кавалерійскою легкою дивизіею Шателя на 7-ю пѣхотную дивизію генерала Капцевича, построенную на правомъ флангѣ корпуса гр. Остермана-Толстого. Наша пѣхота встрѣтила непріятеля сильнымъ огнемъ, а генералъ-майоръ Шевичъ съ л.-гв. Кавалергардскимъ и Коннымъ полками, пройдя въ интервалы пѣхоты, нѣсколькими атаками успѣлъ удержать его до прибытія 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ, съ помощью которыхъ французская кавалерія была опрокинута и пре-

слѣдована до пѣхоты. Послѣ этого бой здѣсь ограничился одною канонадою, а наша артиллерія своими мѣткими выстрѣлами наносила такой уронъ непріятелю, что вице-король принужденъ былъ укрыть свои войска въ рытвинахъ, оврагахъ и во рвѣ люнета. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда Наполеонъ, около 4-хъ часовъ пополудни, пріѣхалъ къ Семеновскимъ высотамъ. Французы хотя и завладѣли флешами и большимъ люнетомъ, но успѣхъ этотъ достался имъ дорогою цѣною. Наши войска заняли высоты за Горскимъ и Семеновскимъ оврагами.

Казалось, Наполеонъ могъ рѣшить побѣду, введя въ дѣло свою гвардію, т.-е. до 25.000 свѣжаго отборнаго войска; но онъ отказался это сдѣлать, несмотря на убѣжденія своихъ маршаловъ. Перестрѣлка продолжалась еще по всей линіи, да кое-гдѣ кавалерія то съ той, то съ другой стороны бросалась въ атаку, но безъ рѣшительнаго успѣха. Видно вообще было всеобщее изнеможеніе. Одинъ Понятовскій сдѣлалъ нападеніе на наши войска, защищавшія старую Смоленскую дорогу, и Багговутъ принужденъ былъ оставить курганъ, занимаемый имъ за Утицкой равниной, и отступить на высоты, лежащія при вершинѣ ручья Семеновскаго, откуда и отрѣзалъ всѣ предпринимавшіяся противъ него атаки. Въ 7 часовъ непріятель, вышедшій изъ деревни Семеновской, засѣлъ за нею въ лѣсу, но л.-гв. Финляндскій полкъ выгналъ его оттуда. Ночь прекратила сраженіе. Французскіе корпуса возвратились на позиціи, которыя занимали поутру; только передовые ихъ посты остались въ Бородинѣ, Утицѣ, во взятыхъ ими укрѣпленіяхъ и въ кустарникахъ передъ фронтомъ русской позиціи. Наша армія расположилась непосредственно за первоначальною своею позиціей; лѣвое крыло подалось назадъ, а курганъ, оставленный корпусомъ Понятовскаго, былъ снова занятъ казачьимъ постомъ. Всю ночь казаки тревожили французовъ и поутру внесли смятеніе, достигнувъ чуть не до ставки самого Наполеона, такъ что старая гвардія должна была стать въ ружье. Кутузовъ предполагалъ на другой день возобновить сраженіе, но донесенія корпусныхъ командировъ показали ужасающую потерю, понесенную арміею, и заставили отмѣнить бой. 27-го августа, въ 6 часовъ утра наша армія снялась съ позиціи своей въ такомъ порядкѣ, что французы замѣтили это не ранѣе 10-ти часовъ утра. Они напали тотчасъ на арьергардъ арміи, которымъ командовалъ Платовъ, и послѣдній оставался еще на полѣ сраженія. Платовъ отступилъ къ Можайску, отражая оттуда всѣ нападенія французской кавалеріи.

Послѣ взятія редута
Съ картины В. В. Верещагина.

Русскіе потеряли въ Бородинскомъ сраженіи въ числѣ убитыхъ графа Кутайсова и Тучкова 4-го; кромѣ того ранено было 11 генераловъ, изъ нихъ князь Багратіонъ и Тучковъ I умерли вскорѣ. Вѣрнымъ, неутомимымъ сподвижникомъ Багратіона былъ Сенъ-Пріестъ при отступленіи арміи отъ береговъ Буга до Смоленска. Въ Бородинскомъ бою онъ былъ возлѣ Багратіона, когда герой палъ, смертельно раненый; самъ Сенъ-Пріестъ былъ сильно контуженъ и вмѣстѣ съ Багратіономъ отвезенъ въ Москву и въ село Симы, гдѣ умеръ Багратіонъ. Французы потеряли, какъ убитыми такъ и ранеными, еще болѣе насъ. Генераловъ убито 9 и ранено 30, поэтому французы называли Бородинское сраженіе *битвою генераловъ*.

Генералъ-отъ-кавалеріи
Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ.

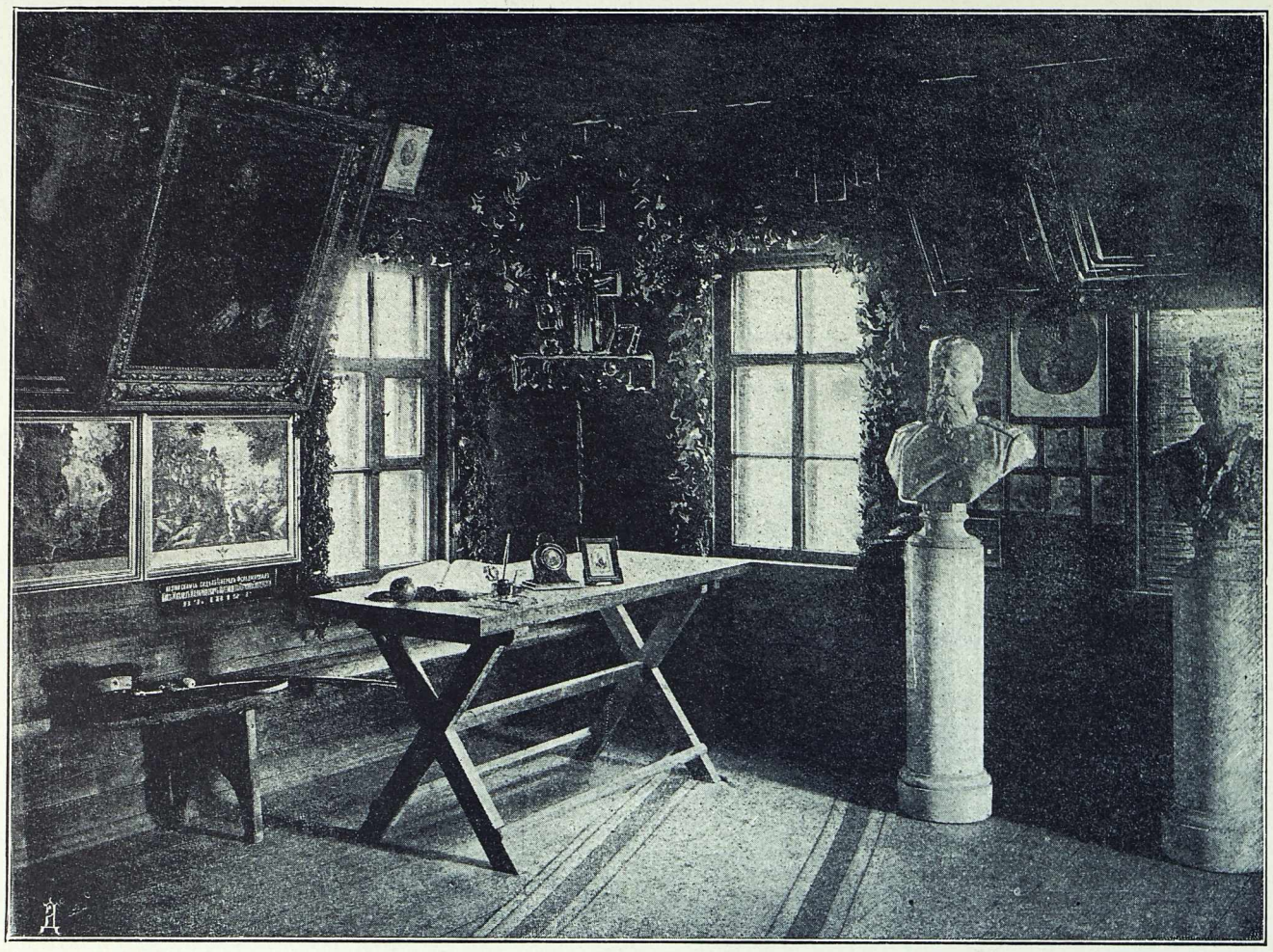
Обычный маневръ Наполеона—охватъ лѣваго русскаго крыла—тактически не удался подъ Бородинымъ, какъ не удался онъ подъ Смоленскомъ стратегически (командующія лѣвымъ флангомъ высоты были своевременно заняты русскими, хотя и относительно слабыми силами, но достаточными, чтобы задержать обходное движеніе поляковъ и вестфальцевъ)—и самую сильную часть нашей позиціи корпусамъ Даву и Нея пришлось брать въ лобъ, фронтальными атаками; отсюда становится очевиднымъ, что результаты Бородинскаго боя были несравненно ниже того, на что позволяли надѣяться имѣвшіяся въ распоряженіи Кутузова данныя. Онъ достигъ лишь того, что не былъ разбитъ на голову — при всѣхъ усиліяхъ его рапорта представить дѣло подъ Бородинымъ, какъ полупобѣду, его нельзя было назвать даже нерѣшительнымъ. Къ вечеру всѣ наши позиціи лѣваго крыла и центра (за исключеніемъ праваго крыла, который французы не атаковали вовсе) были въ рукахъ непріятеля, имѣвшаго 25-тысячный совершенно нетронутый резервъ, тогда какъ у нашихъ армій — вторая почти не существовала, а первая была сильно разстроена, потерявъ до 40%, если не болѣе. Вообще наши потери поражали своею непропорціональностью сравнительно съ французскими; въ то время, какъ болѣе слабая артиллерія и все время наступавшая самымъ энергичнымъ образомъ армія Наполеона потеряла только 28.000 человѣкъ, мы лишились не менѣе 44.000, и въ результатѣ,— на другой день боя Наполеонъ оказался вдвое сильнѣе Кутузова, тогда какъ наканунѣ онъ былъ сильнѣе его всего на 25%. Причиной этому было крайне безтолковое расположеніе нашихъ войскъ, тѣснившихся, безъ всякой нужды, на небольшомъ пространствѣ, такъ что непріятельскія ядра могли бить всѣ четыре линіи нашихъ корпусовъ вплоть до резервовъ. Бородинское сраженіе дало Наполеону—безъ всякой необходимости — послѣдній формальный его успѣхъ: — занятіе Москвы.

Видъ Бородина въ 1815 г., съ храмомъ, сооруженнымъ на мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ генералъ Тучковъ 4-й.

Графъ Бенигсенъ говоритъ: „Мы продолжали такимъ образомъ наше отступленіе до высотъ, находящихся въ пяти верстахъ отъ Москвы, куда мы подошли 28-го августа. Я избралъ эту позицію — единственную, которую на-

Военный совѣтъ въ Филяхъ въ 1812 году.
Съ картины профессора А. Д. Кившенко.

шелъ удобной, послѣ Бородина. Она была бы очень выгодна и удобна, если бы намъ не пришлось занять находившихся на нашемъ лѣвомъ флангѣ Воробьевыхъ горъ, вслѣдствіе чего эта позиція становилась весьма растянутой; несмотря на всѣ произведенныя мною рекогносцировки, я не нашелъ возможности помочь горю, если мы хотѣли занять одновременно большую дорогу изъ Можайска въ Москву, по которой могъ подойти непріятель. Тѣмъ временемъ возводились укрѣпленія, которыя должны были увѣнчать выгоды вдоль нашего фронта. Въ тотъ же день 1/13 сентября, часовъ около семи вечера, въ то время какъ я производилъ съ полковникомъ Мишо послѣднюю рекогносцировку окрестностей лѣваго фланга нашей позиціи, прибылъ офицеръ отъ князя Кутузова, съ приглашеніемъ пріѣхать къ нему. Я отвѣчалъ, что я не премину явиться къ князю, какъ только окончу рекогносцировку. Пріѣхавъ къ Кутузову, въ деревню Фили, въ восьмомъ часу, я засталъ у него военный совѣтъ, состоявшій изъ главнокомандующаго князя Кутузова, генерала-отъ-инфантеріи Барклая и генераловъ Платова, Дохтурова, Уварова, графа Остермана, Раевскаго, Коновницына и начальника штаба 1-й арміи генералъ-майора Ермолова. Каково



Внутренній видъ Кутузовской избы въ Филяхъ, сгорѣвшей въ 1907 году.

было мое изумленіе, когда я узналъ, что ими обсуждался вопросъ объ отступленіи за Москву и объ отдачѣ столицы непріятелю. Такъ какъ генералъ Барклай говорилъ одинъ, то мнѣ приходилось оспаривать только его аргументы. Я оспаривалъ также предложеніе Барклая, чтобы войска, пройдя Москву, направились по Владимірской дорогѣ, и доказывалъ вмѣстѣ съ Платовымъ, что, рѣшившись отступать, намъ слѣдовало выйти какъ можно скорѣе на Рязанскую дорогу, что и было, къ счастью, выполнено, такъ какъ въ Рязани, Калугѣ и по дорогѣ въ армію находилось болѣе 100.000 четвертей муки, хлѣба и сухарей, и большая часть этихъ съѣстныхъ припасовъ неминуемо попала бы въ руки непріятеля, тогда какъ по Владимірской дорогѣ не было ничего заготовлено для продовольствія арміи. Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ пытался также обратить вниманіе совѣта на неудобство направить армію по Владимірской дорогѣ, ибо, въ такомъ случаѣ, въ руки непріятеля легко могли достаться нѣкоторыя изъ нашихъ учрежденій, какъ, напр., пороховой и селитряный заводы въ посадѣ Шосткѣ, Черниговской губ., Брянскій орудійный заводъ Орловской губ., орудійный заводъ Демидова и т. п. Надобно сказать, что генералы Платовъ, Дохтуровъ, Уваровъ, Коновницынъ и Ермоловъ были одного мнѣнія со мною, т.-е. считали необходимымъ защищать Москву. Генералъ Дохтуровъ, сидѣвшій нѣсколько поодаль отъ стола, за которымъ не могли помѣститься всѣ присут-

ствовавшіе генералы, сдѣлалъ мнѣ знакъ рукою, что у него волосы становятся дыбомъ при мысли, что Москву рѣшаютъ сдать. Прочіе изъ названныхъ мною генераловъ также высказали мнѣ свое огорченіе по этому поводу. Мнѣніе генерала Барклая о необходимости дальнѣйшаго отступленія раздѣляли генералъ Раевскій и графъ Остерманъ; послѣдній высказалъ, между прочимъ, мысль, что можно было бы защищать Москву, „если бы генералъ Беннигсенъ могъ гарантировать намъ побѣду надъ непріятелемъ“. Я отвѣчалъ, что это было бы слишкомъ много требовать отъ человѣка, и что мы должны скорѣе возлагать надежду на храбрость и опытность нашихъ генераловъ. Князь Кутузовъ рѣшилъ, наконецъ, вопросъ своею властью, высказавъ свое твердое желаніе отступать. Когда я увидѣлъ, что рѣшеніе сдать Москву безъ боя было принято до военнаго совѣта, что мнѣнія, высказанныя генералами, не заносились даже въ протоколъ, и что на совѣтъ не былъ приглашенъ московскій генералъ-губернаторъ графъ Ростопчинъ, тогда какъ его увѣряли еще въ тотъ день утромъ, что столицу будутъ защищать до послѣдней крайности (при свиданіи Кутузова съ Ростопчинымъ

Французы подъ Можайскомъ.

въ деревнѣ Мальсонова, въ 25-ти верстахъ отъ Москвы), то я рѣшилъ уѣхать изъ совѣта. Пріѣхавъ домой, я записалъ прежде всего то, что было рѣшено на совѣтѣ. Его Высочество герцогъ Виртембергскій отправился по окончаніи совѣта къ князю Кутузову, чтобы высказать ему свой взглядъ относительно сдачи Москвы и возможности оборонять столицу. Я былъ приглашенъ присутствовать на этомъ совѣщаніи и поѣхалъ туда, но все осталось попрежнему“.

Словомъ, Москву не только оставили безъ боя, а просто бросили, такъ какъ извѣстно, что москвичи не успѣли вывезти ни своихъ сокровищъ, ни церковной утвари, ни домашней обстановки, ни товаровъ, ни хлѣба. Даже арсеналъ оказался невывезеннымъ.

Все это произошло отъ несогласія Кутузова съ Ростопчинымъ. Оба умные, они не нашли ничего лучшаго, какъ пикироваться и не довѣрять другъ другу въ то время, когда городъ ждалъ отъ нихъ защиты, или откровеннаго совѣта выѣзжать. Кутузовъ, который, по словамъ Репнина, „доступенъ былъ всякому, но котораго сердце недоступно никому“—конечно, много, не менѣе Ростопчина, выстрадалъ между Бородинымъ и Москвою, и если рѣшилъ сдать столицу непріятелю, то потому, что другого исхода ему не представлялось. Если Кутузовъ поступилъ недовѣрчиво и лукаво съ Ростопчинымъ, то и послѣдній слишкомъ надменно требовалъ „объясненій“ отъ „старой кривой бабы“, какъ онъ называлъ Кутузова.

„Обозъ нашъ грабитъ народъ,—писалъ Ростопчинъ:—извольте мнѣ сказать, твердое ли вы памѣреніе имѣете удерживать ходъ непріятеля къ Москвѣ и защищать городъ сей. Посему я приму всѣ мѣры: или, вооружа всѣхъ, драться до послѣдней минуты, или, когда вы займетесь спасеніемъ арміи, я займусь спасеніемъ жителей и со всѣмъ, что есть военнаго, направлюсь къ вамъ на соединеніе. Вашъ отвѣтъ рѣшитъ меня, а я по смыслу его дѣйствовать буду: съ вами передъ Москвой или одинъ въ Москвѣ". Кутузовъ, прямо говорившій, что надо „или спасти армію, или спасать Москву", требуя отъ московскаго главнокомандующаго провіанта и фуража, отнесся лишь снисходительно къ великодушному, но непрактичному намѣренію Ростопчина итти къ нему на помощь съ московскимъ сбродомъ и вовсе не отвѣтилъ о своихъ намѣреніяхъ касательно Москвы.

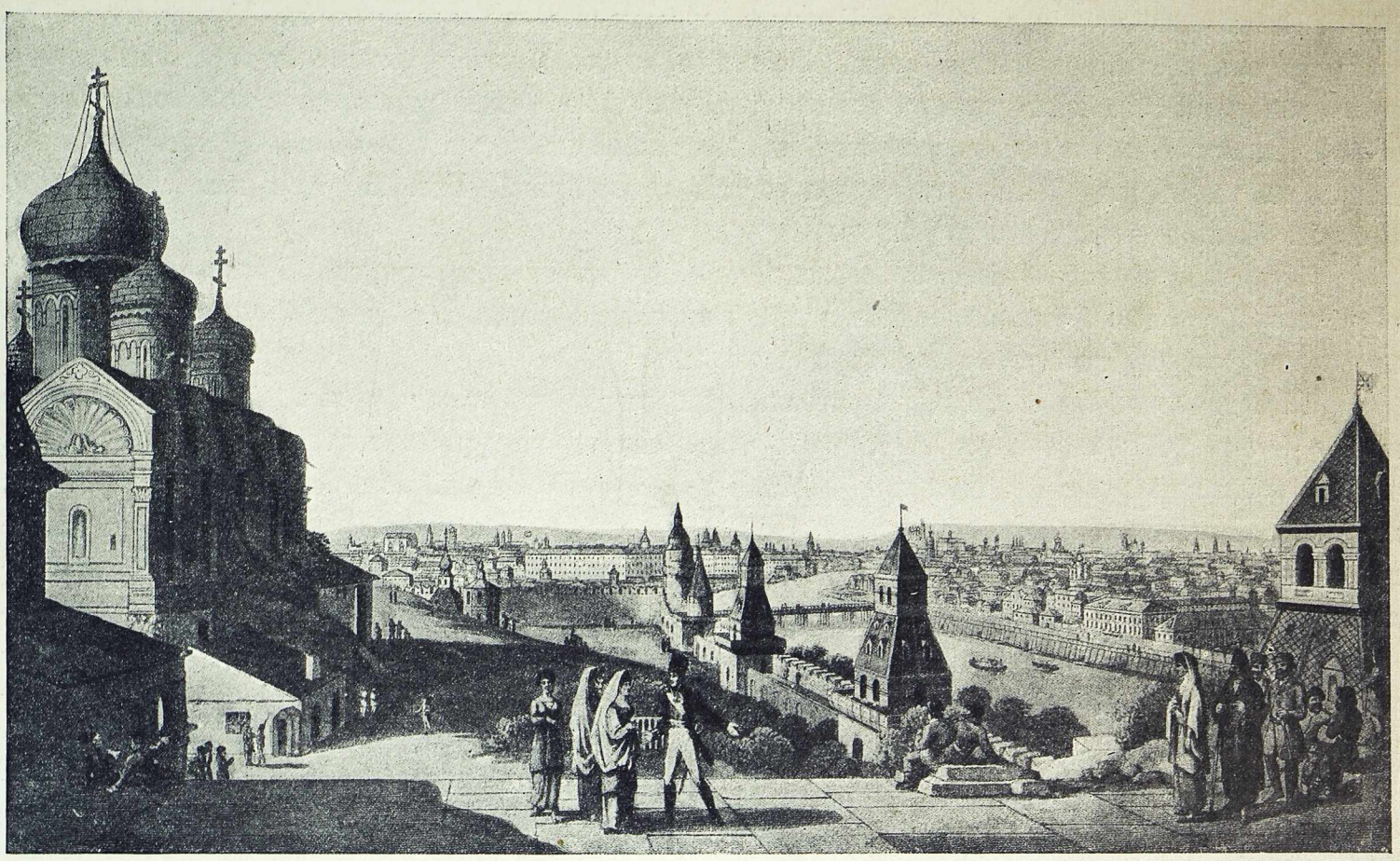
„Если непріятель и займетъ Москву, то расплывется въ ней, какъ губка въ водѣ, а я буду свободенъ дѣйствовать, какъ захочу" — вѣрно говорилъ Кутузовъ, но Ростопчинъ былъ прямо обманутъ Кутузовымъ, клявшимся своими сѣдинами, что „скорѣе умретъ, чѣмъ сдастъ Москву". Застигнутый врасплохъ, Ростопчинъ въ противность прежнимъ увѣреніямъ и похвальбамъ, успѣлъ только раздать народу старое оружіе изъ арсенала, лишь бы оно не досталось непріятелю, да распорядиться выливаніемъ на улицы водки изъ бочекъ и выѣздомъ изъ Москвы близкихъ лицъ и своей собственной персоны.

„Господинъ епископъ,—писалъ Наполеонъ епископу Меца:—переходъ черезъ Нѣманъ, Двину и Днѣпръ, битвы подъ Могилевымъ, Дриссою, Полоцкомъ, Смоленскомъ и наконецъ подъ Москвою достойны того, чтобы за нихъ возблагодарить Бога силъ. Мы желаемъ, чтобы, по полученіи сего, вы условились о надлежащемъ съ кѣмъ слѣдуетъ. Созовите народъ мой въ храмы и воспойте хвалу Всевышнему, сообразно съ правилами церкви на подобные случаи".

„Данъ въ нашей Императорской квартирѣ, въ Можайскѣ, 10-го сентября (28-го августа) 1812 г."

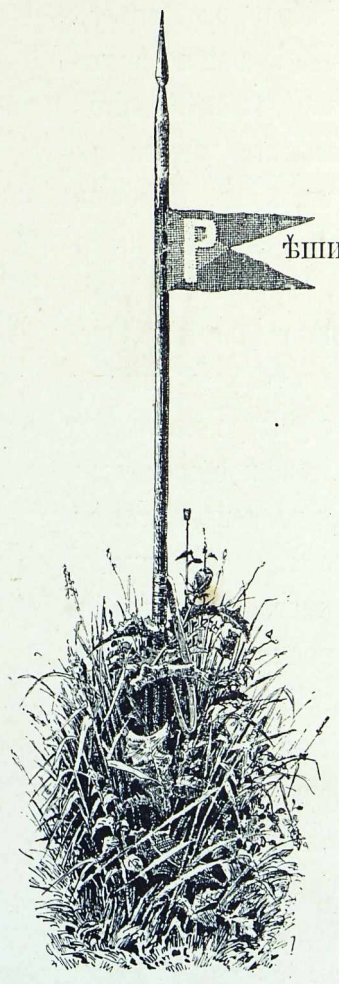
Около девяти часовъ вечера Наполеонъ призвалъ графа Дарю и Дюма. Бивуакъ послѣ Бородинскаго боя былъ раскинутъ среди гвардейскаго корпуса. „Онъ только-что поужиналъ, — разсказываетъ Дюма: — сидѣлъ одинъ и посадилъ насъ одного по правую, другого по лѣвую сторону отъ себя; разспросивши о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ для оказанія помощи раненымъ, онъ сталъ говорить намъ объ исходѣ битвы; потомъ тутъ же, сидя, вздремнулъ минутъ пять и затѣмъ снова сталъ пояснять: „Вѣроятно, удивятся, что я не отдалъ мои резервы для полученія болѣе рѣшительнаго результата, но мнѣ нужно было беречь ихъ для послѣдняго удара, который придется еще нанести передъ вступленіемъ въ Москву: успѣхъ дня настолько обозначился, что оставалось позаботиться о такомъ же успѣхѣ всей кампаніи—вотъ почему я не далъ гвардіи".

Въ эту ночь Наполеонъ снова принялся за кабинетныя занятія, прерванныя уже въ продолженіе цѣлыхъ пяти дней. Но оказался у Наполеона такой упадокъ голоса, что онъ не могъ ни диктовать, ни говорить. Пришлось ему писать на лоскуткахъ бумаги. Секретари и всѣ изъ штаба, кто только могъ, помогали наскоро переписывать ихъ. Графъ Дарю и князь Невшательскій (Бертье) тоже трудились, но надъ каждой строчкой приходилось сидѣть, чтобы разобрать каракули Наполеона, который писалъ по приказу каждую минуту и молоточкомъ постукивалъ по столу, подавая знакъ, чтобы принимали бумаги. Цѣлые 12 часовъ прошли въ этой работѣ—только и слышенъ было скрипъ пера Наполеона да стукъ его молоточка по столу.



Видъ Москвы въ началѣ XIX вѣка.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.



Рѣшивъ отдать Москву Наполеону, Кутузовъ приказалъ итти арміи на Рязанскую дорогу, а арьергардъ Милорадовича долженъ былъ удерживать непріятеля, чтобы войска наши успѣли пройти черезъ столицу. Кутузовъ при этомъ писалъ Милорадовичу: „Если нужно, почтите видомъ сраженія древнія стѣны Москвы“. Винценгероде съ своимъ отрядомъ получилъ приказаніе двинуться къ Ярославской дорогѣ. Тогда же къ Ростопчину доставлено было письмо отъ Кутузова съ извѣщеніемъ объ оставленіи Бѣлокаменной. Полиція увѣдомила Ростопчина, что народъ, освѣдомленный о его приготовленіи къ отъѣзду изъ города, валитъ толпами къ его дому и хочетъ требовать объясненій по поводу обѣщаній графа—вести ихъ противъ непріятеля, и что сбродъ этотъ, пожалуй, силой воспрепятствуетъ его отъѣзду. Народу только-что было роздано оружіе изъ арсенала. Ростопчинъ, не имѣвшій въ своемъ распоряженіи достаточной военной силы и боясь оскорбленія своего высокаго сана, рѣшился на хитрость: онъ вывелъ къ бушевавшей толпѣ народа осужденнаго за переводъ иностраннаго памфлета купеческаго сына Верещагина и объявилъ его „измѣнникомъ, изъ-за котораго гибнетъ Москва и Россія“, приказалъ расправиться съ предателемъ самосудомъ; а когда толпа, не видя связи причины съ дѣйствіемъ, т.-е. измѣны Верещагина съ отъѣздомъ графа Ростопчина, не рѣшалась „бить“—велѣлъ драгуну рубить юношу палашомъ... Еще трепещущій трупъ Верещагина былъ привязанъ за ноги къ лошадиному хвосту, и чернь, глумясь надъ нимъ, бѣжала по улицамъ. Толпа спустилась внизъ по Кузнецкому мосту, повернула направо, на Петровку, потомъ по Столешникову переулку на Тверскую, оттуда на рынокъ (Охотный рядъ), и наконецъ тѣло приволокли на Софійку; тамъ оно было брошено за ограду небольшой церкви, позади Кузнецкаго моста, гдѣ и похоронено. Впослѣдствіи, когда продолжили Софійку и церковь эта была снесена, тѣло Верещагина нашли вполнѣ сохранившимся: народъ умилился, и многіе считали этого несчастнаго мученикомъ, но его поторопились снова похоронить на другомъ мѣстѣ.

Ростопчинъ получилъ письмо Кутузова, привезенное его адъютантомъ Монтрезоромъ, въ которомъ онъ просилъ прислать „полицейскихъ офицеровъ, которые могли бы проводить армію чрезъ улицы на Рязанскую дорогу“, и, исполнивъ повелѣніе фельдмаршала, приказалъ всѣмъ воинскимъ и пожарнымъ командамъ выступить изъ Москвы. Тогда же удалились Сенатъ и преосвященный Августинъ, взявъ изъ Успенскаго собора образъ Владимірской Богоматери, а изъ часовни отъ Воскресенскихъ воротъ Иверскую икону.

Кутузовъ проѣхалъ Москву верхомъ отъ Арбатскихъ воротъ до Яузскаго моста, гдѣ встрѣтилъ Ростопчина съ нагайкою въ рукѣ, очищавшаго мостъ для прохода арміи. Ростопчинъ пробовалъ говорить съ Кутузовымъ, но тотъ молчалъ.

„Въ домѣ *негодяя* Ростопчина, писалъ Наполеонъ, захватили ружья, бумаги и начатое письмо — онъ убѣжалъ, не успѣвъ его кончить... Ничего не успѣли вывезти и когда увидѣли, что все попало въ руки французовъ — сожгли свой святой городъ. Мы боролись противъ огня, но негодяй-губернаторъ вывезъ пожарные инструменты“.

Маршалъ Мортье.
Съ оригинала музея П. И. Щукина.

До зари 2-го сентября обозы и артиллерія вступили въ Дорогомиловскую заставу; на разсвѣтѣ послѣдовали за ними пѣхота и конница. Войска шли въ глубокомъ молчаніи. Миновавъ Коломенскую заставу, французы остановились для привала по обѣимъ сторонамъ дороги.

Печальное утро этого дня застало арьергардъ Милорадовича у фарфоровыхъ заводовъ, въ 10-ти верстахъ отъ Москвы. Когда французы двинулись впередъ, Милорадовичъ началъ отступать медленно и въ полдень пришелъ къ Поклонной горѣ. Онъ предложилъ Мюрату не слишкомъ напирать и дать время русскимъ войскамъ спокойно отойти, угрожая въ противномъ случаѣ зажечь за собою столицу, и король Неаполитанскій, съ дозволенія Наполеона, согласился. Передовыя французскія войска смѣшались съ казаками, шедшими послѣдними, и Мюратъ имѣлъ случай блеснуть между „варварами“ роскошью своего наряда. Онъ выпросилъ бурку себѣ у одного офицера-казака и отплатилъ за нее дорогими золотыми часами, взятыми у одного изъ офицеровъ его свиты. Въ 10 ч. утра Наполеонъ прибылъ къ своему авангарду, долго онъ разговаривалъ съ Мюратомъ, отобѣдалъ и поѣхалъ на Поклонную гору. Увидя Москву, Наполеонъ воскликнулъ: „Là voilà donc cette fameuse ville!“ И, промолчавъ нѣсколько минутъ, присовокупилъ: „Il était temps!“ Вокругъ него гремѣли радостные возгласы: „Москва! Москва!“ „Мы были поражены чуднымъ видомъ Москвы,—говоритъ Лабомъ.—Всѣ бросились на высоту и наперерывъ одинъ предъ другимъ открывали и указывали другъ другу новыя красоты. Дома, выкрашенные разными красками, купола, крытые желѣзомъ, серебромъ и золотомъ, представляли разнообразный видъ, балконы и террасы дворцовъ, памятники и особенно колокольни давали намъ въ общемъ картину одного изъ тѣхъ знаменитыхъ городовъ Азіи, которые до тѣхъ поръ мы считали существовавшими только въ воображеніи арабскихъ поэтовъ“. Долго, но тщетно ждалъ Наполеонъ депутатовъ изъ разстилавшейся у ногъ его необозримой столицы...

Приведемъ интересный по простотѣ своей разсказъ русскаго чиновника Корбелецкаго, захваченнаго еще не доходя до Москвы и представленнаго Наполеону: „Дюкъ д'Истри, статсъ-секретарь Наполеона Делоранъ, и адъютантъ его, изъ поляковъ, подполковникъ Вельсовичъ 1-го сентября утромъ разспрашивали меня со многими подробностями не токмо о расположеніи и количествѣ всѣхъ нашихъ армій, о движеніи и успѣхахъ каждой, но даже и о намѣреніи правительства нашего въ разсужденіи мира. Всѣ вышеупомянутые чиновники, по собственному ихъ объявленію, якобы изъ

Два курьера, отправленные съ мѣста сраженія привезли отъ Главнокомандующаго арміями слѣдующія извѣстія:

Вчерашній день 26го, было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе. Съ помощію Божіею Руское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ противъ его. Завтре надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую Святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться.

Потеря непріятеля неизчетная. Онъ отдалъ въ приказъ, чтобъ въ плѣнъ не брать (да и брать нѣкого), и что Французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сего дня, съ помощію Божіею, онъ отраженъ еще разъ будетъ, то злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча.

Я посылаю въ Армію 4000 человѣкъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 25о пушекъ снаряды, провіанта. Православные, будьте спокойны. Кровь нашихъ проливается за спасеніе отечества. Наша готова; естьли придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска; Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ Руской.

27 Августа. Графъ Растопчинъ.

1812.

Одна изъ афишъ графа Ростопчина.

полученныхъ Наполеономъ вѣрнѣйшихъ свѣдѣній, совершенно знали о состояніи Москвы, что въ оной войскъ россійскихъ нѣтъ, и предполагали, что передъ Москвою не токмо сраженія со стороны россійской арміи не будетъ, но, напротивъ того, россійское правительство передъ оною непремѣнно просить должно у Наполеона мира". (И такое указаніе имѣло, надо сказать, нѣкоторое основаніе, такъ какъ извѣстно, что рѣшимость Императора Александра не мириться съ Наполеономъ далеко не раздѣлялась всѣми государственными сановниками, и въ малодушныхъ совѣтахъ, дѣйствительно, недостатка не было. Поборниками мира были: цесаревичъ Константинъ Павловичъ, графъ Аракчеевъ и другіе). Далѣе Корбелецкій говоритъ, что „адъютантъ же Вельсовичъ, сверхъ того, утверждалъ, что Наполеонъ, завтра, 2-го сентября, будетъ обѣдать въ Москвѣ, которую бывшая въ Можайскомъ сраженіи—такъ они по Можайску называли Бородинское сраженіе—россійская армія сколько бы ни защищала, возьметъ съ бою, взыщетъ знатную контрибуцію, принудитъ русскихъ, противъ желанія ихъ, просить мира, возстановитъ Польшу въ прежнемъ ея достоинствѣ, съ присо-

Графъ Ростопчинъ выдаетъ купеческаго сына Верещагина народу.
Съ акварели А. Д. Кившенко.

единеніемъ къ ней Бѣлоруссіи и Смоленска, одѣнетъ и обуетъ свои войска и, погостивши въ сей россійской столицѣ, отправится обратно въ Парижъ; буде же россійское правительство станетъ еще упорствовать и на таковой миръ не согласится, тогда и Москва съ ея удѣлами останется за Польшею, а Наполеонъ пойдетъ въ С.-Петербургъ и далѣе и всю Россію покоритъ подъ свою державу".

Описывая день 1-го сентября, Корбелецкій замѣчаетъ: „По прибытіи Наполеона въ 2 часа пополудни къ Поклонной горѣ, отстоящей отъ Москвы въ 3-хъ верстахъ, авангардъ передъ оною горой, по распоряженію короля Неаполитанскаго, былъ уже построенъ въ боевой порядокъ, Наполеонъ съ планомъ въ рукахъ, поданнымъ ему тутъ же, и нѣкоторые изъ сопровождавшихъ его генераловъ сходятъ съ лошадей, и въ ту же минуту начинается движеніе, показывающее приготовленіе къ сраженію. Прождавъ тутъ полчаса и не видя со стороны Москвы никакого вызова, приказываетъ сдѣлать сигналъ выстрѣломъ изъ пушки, послѣ чего, спустя минутъ пять, садятся на коней и скачутъ во весь опоръ къ Москвѣ. Въ то же мгновеніе вмѣстѣ съ нимъ двинулся какъ авангардъ, такъ и часть стоявшей позади центральной арміи, съ невѣроятнымъ стремленіемъ; конница и артилерія равномѣрно скакали во весь опоръ, а пѣхота бѣжала бѣгомъ. Топотъ лошадей, скрипъ колесъ,

трескъ оружій, смѣшавшись вмѣстѣ съ шумомъ бѣгущихъ солдатъ, составляли дикій и ужасный гулъ. Свѣтъ померкъ отъ поднявшейся густымъ столбомъ пыли!.. Не болѣе какъ черезъ 12 минутъ все очутилось у Дорогомиловской заставы".

Войскамъ приказано было соблюдать строжайшій порядокъ, конницѣ не слѣзать съ коней. Въ Новинской части не встрѣтили ни одного человѣка; то же опустѣніе было на Арбатѣ. Наконецъ, узнали отъ двухъ найденныхъ иностранцевъ о выѣздѣ изъ Москвы дворянъ, духовенства, купцовъ, чиновниковъ, и что въ городѣ, кромѣ незначительнаго числа простого народа (около 15 тыс.), никого не осталось. Удивленіе непріятеля увеличивалось на каждомъ шагу, по мѣрѣ того, какъ по безлюдному городу приближался онъ къ Кремлю. Тамъ человѣкъ 500 воруженныхъ жителей занимали Никольскія ворота и пути, ведущіе къ соборамъ и дворцамъ. Едва французы вступили въ Кремль, какъ по нимъ открыли огонь. По приказанію Мюрата, поставили пушку и тремя выстрѣлами разогнали вооруженную толпу. Про одного изъ такихъ храбрецовъ вспоминаетъ одна мѣщанка: „Отецъ мой былъ упорный человѣкъ, ни за что, говорилъ, не пойду, нечего француза бояться, мы его шапками закидаемъ. Раздавали оружіе въ Кремлѣ, и онъ себѣ досталъ ружье безъ курка; хоть оно, замѣчалъ онъ, и не въ исправности, а все же пригодится, можетъ, придется француза пострашать... Дошли мы до Каменнаго моста, тутъ столпилось человѣкъ сто нашихъ, а по мосту проходили непріятельскіе полки. Отецъ вздумалъ поохотиться на нихъ своимъ ружьемъ: одинъ изъ нихъ разсердился, выхватилъ у него ружье и ударилъ бѣднаго прикладомъ по затылку — кровь брызнула изъ раны..."

У Владимірскихъ воротъ въ Москвѣ.

Ночь Наполеонъ провелъ въ Дорогомиловской слободкѣ, „въ обывательскихъ домахъ,— пишетъ Корбелецкій: —гдѣ жителей московскихъ, кромѣ четырехъ человѣкъ дворниковъ, никого не замѣчено". Кромѣ клоповъ, Наполеону не давали спать и досадныя донесенія, безпрерывно слѣдовавшія одно за другимъ, между прочимъ, предупреждавшія о томъ, что городъ будетъ сожженъ. Утромъ Наполеонъ снова, но опять тщетно, ожидалъ депутатовъ изъ Москвы съ мольбою о пощадѣ и съ городскими ключами. Войска, стѣснясь у ближайшихъ заставъ, готовы были къ торжественному вступленію..."—„Въ Москву Наполеонъ въѣхалъ (отмѣчаетъ Корбелецкій) во вторникъ 3-го сентября въ половинѣ одиннадцатаго часа утра. Арбатъ былъ совершенно пустъ. Онъ сидѣлъ на маленькой арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ, въ простой треугольной шляпѣ, безъ всякаго знака отличія. Свита маршаловъ и другихъ чиновъ, окружавшихъ Наполеона, была весьма многочисленна. Пестрота мундировъ, богатство оныхъ, орденскія ленты различныхъ цвѣтовъ, — все сіе дѣлало картину прекрасною, а простоту Наполеонова убранства еще болѣе разительною. Такимъ образомъ побѣдитель Москвы доѣхалъ до Боровицкихъ воротъ, не увидя ни одного почти жителя. Негодованіе Наполеона было на всѣхъ чертахъ лица. Онъ не бралъ даже на себя трудъ скрыть то, что происходило въ душѣ его..." „Видъ Кремля,—говоритъ Сегюръ:—этой величественной постройки Рюриковичей и Романовыхъ, видъ трона ихъ, стоявшаго на обычномъ мѣстѣ, креста Ивана Великаго и созерцаніе лучшихъ частей города, надъ которыми Кремль царитъ, нѣсколько успокоилъ Наполеона. Надежда опять зарождалась въ немъ; завоеваніе это льстило его самолюбію, и онъ съ самодовольствіемъ сказалъ: „Наконецъ я въ Москвѣ, въ старинныхъ царскихъ хоромахъ! въ Кремлѣ!" Онъ осматривалъ все въ подробности съ гордымъ любопытствомъ и довольствомъ, разспрашивая о рессурсахъ города и думая уже о возможности заключенія мира".

Назначены были губернаторъ Москвы — маршалъ Мортье, комендантъ — генералъ Дюронель, правитель губерніи—Лессепсъ; набросана прокламація къ жителямъ... Однако посланные въ городъ

офицеры для отысканія „бояръ и московскихъ властей“, привели только десятокъ поселившихся въ городѣ французовъ—гувернеровъ и промышленниковъ. Московскій купецъ Осиповъ поднесъ Наполеону хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ, за что домъ его приказано было не трогать и ему данъ былъ подрядъ по продовольствію арміи. Но когда, для исполненія этого порученія, онъ потребовалъ необходимое число подводъ, Наполеонъ велѣлъ ему сказать, что повѣситъ его, коли онъ станетъ разсуждать. Купцы Коробовъ, Бакининъ, Лешаковъ, Кольчугинъ и Находкинъ, принявшій должность городского головы, увѣряли потомъ, будто объявили, что не намѣрены дѣлать ничего противнаго вѣрѣ и государю, на что французскій губернаторъ Лессепсъ поспѣшилъ отвѣтить, что „ссора между императоромъ Наполеономъ и императоромъ Александромъ до нихъ не касается и что единственною ихъ обязанностью будетъ смотрѣть за благосостояніемъ города“.

Вступленіе „Великой арміи“ Наполеона въ Москву.

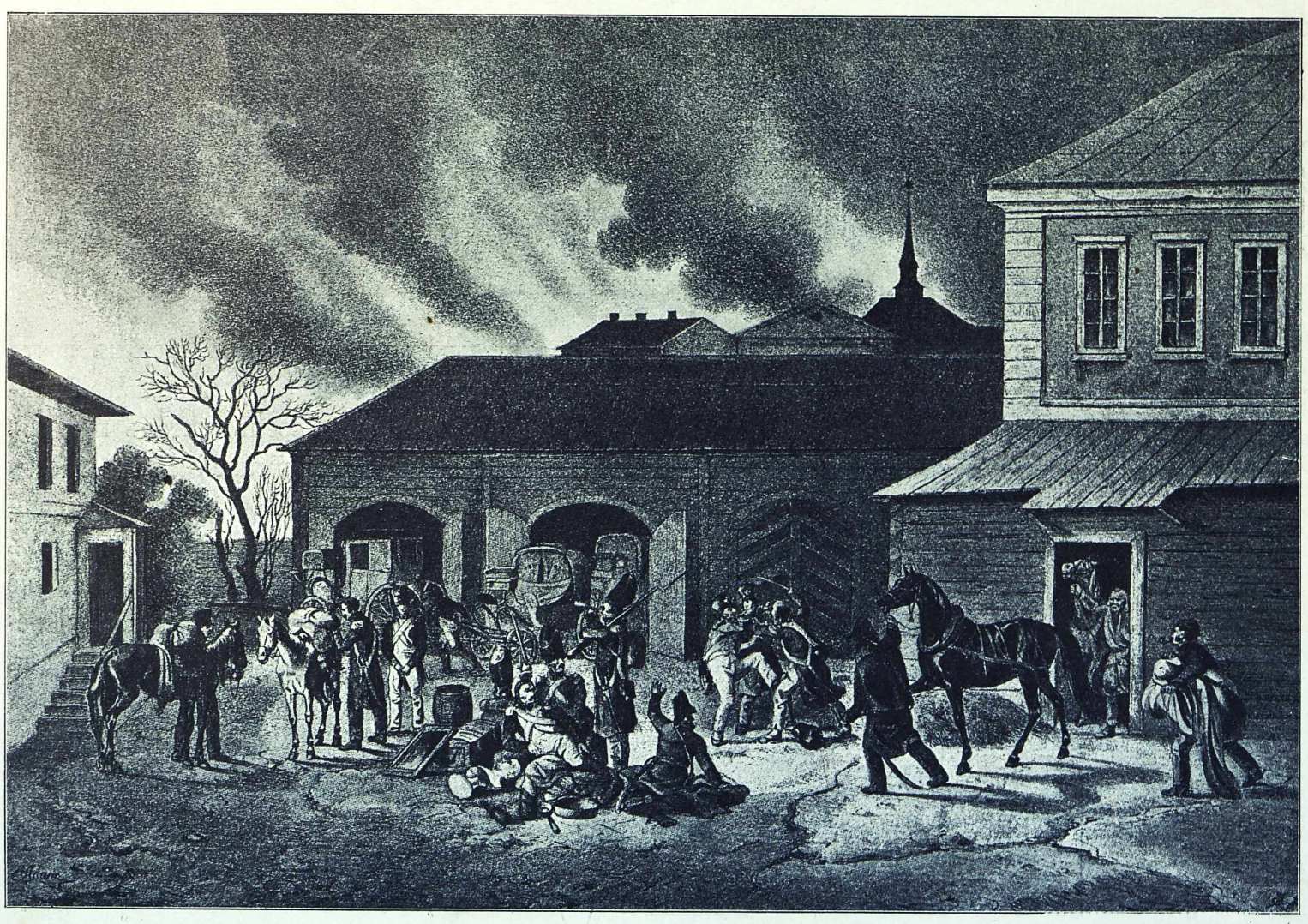
Измѣны со стороны русскихъ въ Москвѣ было сравнительно не много, а отъ дворянъ почти никакой, кромѣ шталмейстера Загряжскаго, умышленно оставшагося въ Москвѣ, угождавшаго французамъ, особенно другу будто бы своему Коленкуру, и часто бывавшаго въ своемъ шитомъ мундирѣ у Наполеона, да еще Самсонова, прислуживавшаго Даву. Духовенство Бѣлокаменной держало себя достойно, не было и подобія слабости, проявленной на западѣ. Нѣкоторые изъ оставшихся священниковъ пытались даже возобновить божественную службу, очищали, запирали свои церкви, но въ нихъ снова выламывали двери и замки, рвали церковныя книги и безчинствовали. Едва ли не одинъ священникъ Новинскаго монастыря Пылаевъ оказался слишкомъ уступчивымъ: вызвался передъ Наполеономъ отслужить въ Успенскомъ соборѣ литургію подъ архіерейскимъ облаченіемъ, такъ такъ императоръ французовъ пожелалъ видѣть архіерейскую службу.

Самъ Наполеонъ, удрученный пожарами Москвы, какъ говоритъ въ своихъ письмахъ принцъ Евгеній, развлекался вечерами игрой въ двадцать одно, которая сохранилась у насъ въ Россіи до сихъ поръ. До чего было неожиданно появленіе въ Москвѣ французовъ, это видно изъ слѣдующаго разсказа жены священника: „Разъ сижу я подъ окномъ, вдругъ подбѣжала дьячиха:„Матушка, ребята сказываютъ, что Бонапартъ вошелъ въ Дорогомиловскую и Калужскую заставы“. У меня чулокъ изъ рукъ выпалъ, я такъ и крикнула: „Дмитрій Власычъ, слышишь?“ А мужъ сидѣлъ въ

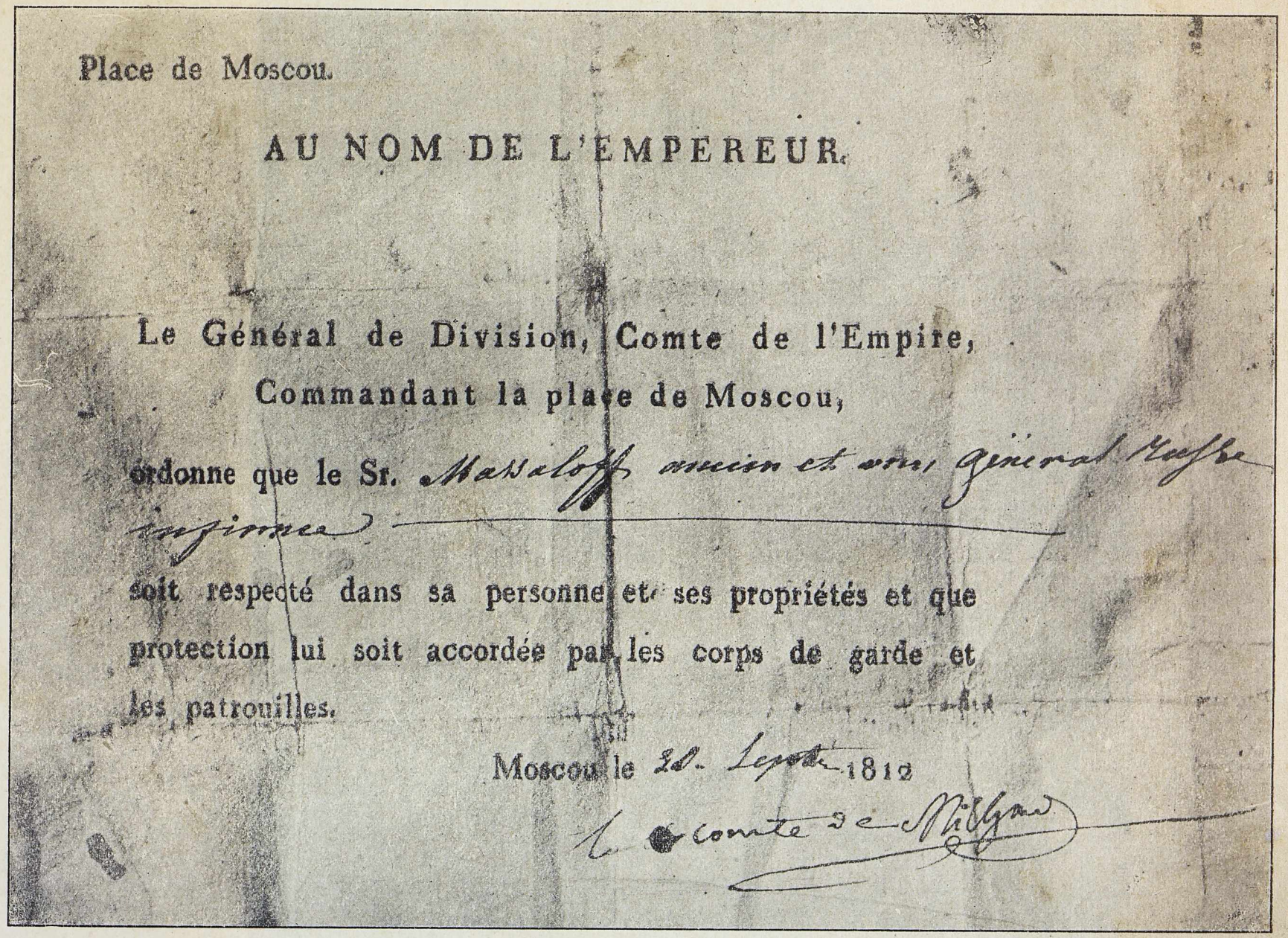
другой комнатѣ и писалъ. Онъ спрашиваетъ: „Что тамъ случилось?“—„А то, говорю, случилось, что Бонапартъ пришелъ, дьячиха сказываетъ“. Онъ разсмѣялся: „Эхъ ты, дура-баба, дьячихѣ вѣришь, а генералъ-губернатору не вѣришь. Вотъ она, графская-то афишка, вѣдь я ее тебѣ читалъ,—поди-ка лучше да вели самоварчикъ поставить...“ Едва Наполеонъ вступилъ въ чертогъ царей русскихъ, какъ запылали Гостиный дворъ и Каретный рядъ. Къ вечеру пожары вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ и при поднявшемся порывистомъ вѣтрѣ соединились въ одно неизмѣримое море огня. Яркій свѣтъ, лившійся въ окна дворца, неоднократно прерывалъ сонъ Наполеона, который выходилъ на балконъ смотрѣть на сверкавшія волны пламени и сыпавшіяся головни. Пораженный видомъ столицы, тонувшей въ огнѣ, онъ какъ бы невольно воскликнулъ: „Какая чрезвычайная рѣшительность! Что за люди! Это скиѳы!“

Пожаръ все ближе и ближе приближался къ Кремлю, куда стали падать головни, арсеналъ нѣсколько разъ загорался. Личная для Наполеона опасность ежеминутно увеличивалась, тѣмъ болѣе, что зарядные ящики гвардейской артиллеріи, расположенные на площадяхъ Кремля, подвергались взрыву. Приближенные къ Наполеону генералы упрашивали его выѣхать изъ города. Онъ долго ихъ не слушалъ, пока Бертье не замѣтилъ: „Если Кутузовъ вознамѣрится теперь атаковать стоящія около Москвы войска, то Ваше Величество будете отрѣзаны отъ нихъ огнемъ“. Только тогда рѣшился Наполеонъ исполнить общее желаніе и 4-го числа, въ два часа пополудни, съ трудомъ и величайшею опасностью пробрался по огненной землѣ, среди обгорѣлыхъ и горящихъ стѣнъ, въ Петровскій дворецъ, гдѣ прожилъ пять дней и затѣмъ снова вернулся въ Кремль. Донесеніе Кутузова, отъ 4 го сентября, о занятіи Наполеономъ Москвы было привезено въ Петербургъ Императору Александру 8-го числа полковникомъ Мишо. Государь, выслушавъ Мишо, обратился къ нему съ слѣдующими словами:

„Возвратитесь въ армію, скажите нашимъ храбрецамъ, объявляйте всѣмъ моимъ вѣрноподданнымъ вездѣ, гдѣ вы проѣзжать будете, что, если у меня не останется ни одного солдата, я стану во главѣ моего дорогого дворянства и моихъ добрыхъ крестьянъ и пожертвую всѣми средствами моей Имперіи. Она представляетъ болѣе способовъ, чѣмъ мои враги думаютъ это. Но если божественнымъ Провидѣніемъ предопредѣлено, чтобы когда-либо моя династія перестала царствовать на



Французы въ Москвѣ.



Place de Moscou.

AU NOM DE L'EMPEREUR.

Le Général de Division, Comte de l'Empire,
Commandant la place de Moscou,

ordonne que le Sr. Massaloff ancien et vrai général russe infirme

soit respecté dans sa personne et ses propriétés et que protection lui soit accordée par les corps de garde et les patrouilles.

Moscou le 20. Septbre 1812

le comte de Milhaud

Пропускъ коменданта г. Москвы, выданный русскому генералу Масолову.
Изъ музея П. И. Щукина.

престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моей власти, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели подпишу позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы коихъ умѣю цѣнить. *Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; я научился понимать его, онъ болѣе не обманетъ меня*".

Наполеонъ смотритъ на пожаръ Москвы со стѣны Кремля.
Съ картины В. В. Верещагина.

Александръ писалъ шведскому наслѣдному принцу 19-го сентября слѣдующія строки:

„Потеря Москвы даетъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости продолжать войну противъ ея угнетателя. Послѣ этой раны всѣ прочія ничтожны. Нынѣ, болѣе нежели когда-либо, я и народъ, во главѣ котораго я имѣю честь находиться, рѣшились стоять твердо и скорѣе погребсти себя подъ развалинами Имперіи, нежели примириться съ Аттилою новѣйшихъ временъ".

Словомъ, Императоръ Александръ Павловичъ остался непреклоннымъ въ разъ принятомъ рѣшеніи и даже напоминалъ Кутузову, что онъ еще обязанъ отвѣчать оскорбленному отечеству за сдачу Москвы.

Наполеонъ прожилъ въ Петровскомъ дворцѣ четыре дня, а несчастная Москва была мѣстомъ неслыханныхъ бѣдствій. Посреди пламени пожаровъ, продолжавшихся съ прежней яростью до 8-го сентября, совершались разбои, грабежи и насильства.

„Страшно было,—разсказываетъ молодая дѣвушка изъ купеческаго семейства, оставшаяся въ Москвѣ.—Наши жгли Москву!“—„Говорили, что свои жгутъ Москву,—пишетъ другой:—чтобы Бонапарта изъ нея выгнать. Правда или нѣтъ, того я не знаю; но что нашъ домъ подожгли, это вѣрно“. Видѣли, напримѣръ, что изъ дома Куракина вышелъ управляющій съ четырьмя лакеями, которые палками гнали передъ собою пьянаго человѣка, въ бѣломъ армякѣ, радостно кричавшаго: „Какъ хорошо горитъ!“ Люди Куракина объяснили, что онъ только-что поджегъ домъ, и они ве-

Переѣздъ Наполеона изъ Петровскаго дворца въ Кремль.
Съ картины В. В. Верещагина.

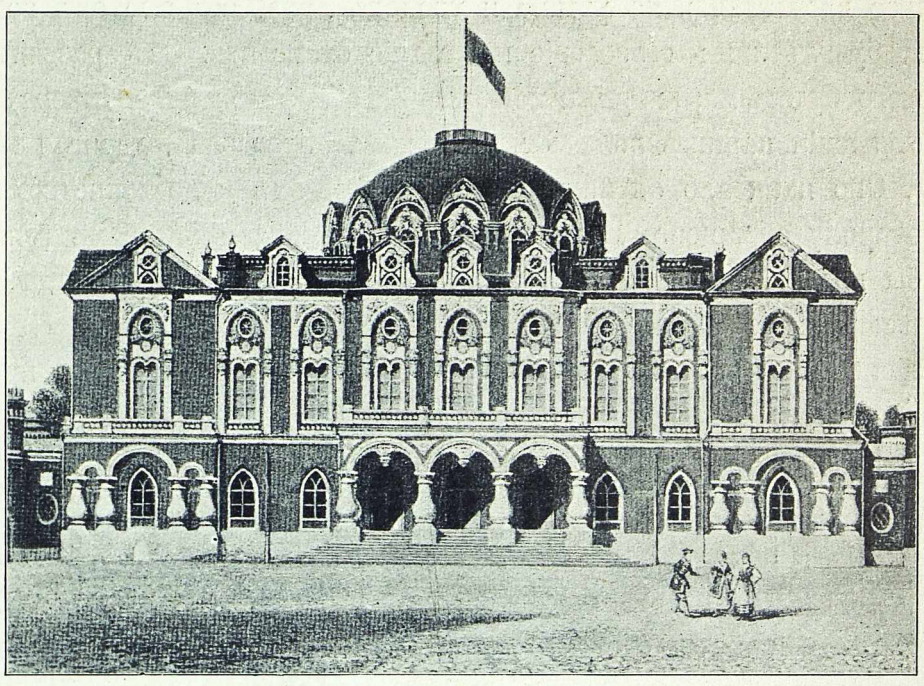
дутъ его къ французамъ. Его немедленно разстрѣляли. Судя по многимъ подобнымъ свидѣтельствамъ, полагали, что Москва была сожжена, благодаря распоряженіямъ гр. Ростопчина. Но позже, по разслѣдованіи, дѣло поджоговъ оказалось болѣе случайнымъ, что удостовѣрилъ и самъ Ростопчинъ, въ своемъ „объясненіи“, изданномъ имъ въ Парижѣ. „Главная черта русскаго характера,—говоритъ онъ:—скорѣе уничтожить, чѣмъ сдать врагу, пусть никому не достанется. Когда армія Наполеона заняла столицу, многіе изъ генераловъ и офицеровъ отправились въ Каретный рядъ, гдѣ были главныя лавки экипажей, выбрали и отмѣтили своими именами то, что каждому изъ нихъ понравилось. Владѣльцы лавокъ, съ общаго согласія, чтобъ не быть поставщиками своихъ враговъ, зажгли лавки“.

Французы сначала сами приписывали дѣло пожаровъ неосторожности своихъ и не мало казнились этимъ. „Много офицеровъ прибѣжало укрыться во дворцѣ,—говоритъ Сегюръ.—Начальство, самъ маршалъ Мортье, 36 часовъ боровшійся съ пожаромъ, просто падалъ отъ изнеможенія!.. Всѣ молчали, всѣ мы обвиняли себя. Всѣмъ казалось, что пьянство и отсутствіе дисциплины французскихъ солдатъ начали бѣду, а буря раздула, разнесла ее... Намъ просто противно было смотрѣть другъ на друга... Что скажетъ объ насъ Европа? Эти досадныя мысли стали разсѣиваться только

извѣстіями о томъ, что жгутъ сами русскіе. Офицеры, являвшіеся съ разныхъ сторонъ, согласно показывали одно и то же, сомнѣваться было нельзя!“

„Пожаръ продолжалъ распространяться,—пишетъ Лабомъ: — и скоро захватилъ лучшіе кварталы города. Въ минуту всѣ чудесныя зданія, которыми мы восхищались, были охвачены и уничтожены пламенемъ. Ихъ превосходные фронтоны, украшенные барельефами и статуями, съ шумомъ и трескомъ падали. Церкви, хотя и крытыя желѣзомъ, тоже рушились, а съ ними и чудесныя колокольни, сіявшія серебромъ и золотомъ. Госпитали, со множествомъ раненыхъ, также загорались, и сцены, въ нихъ происходившія, раздирали душу“...

„Какъ описать все, происходившее въ городѣ, отданномъ на грабежъ,—говоритъ другой очевидецъ. —Солдаты, маркитанты, преступники изъ тюремъ и публичныя женщины бѣгали по улицамъ, врывались въ покинутые дома и выхватывали оттуда все, что могло имъ приглянуться. Толпы бросались къ погребамъ, выбивали двери и, перепившись, шатаясь, уносили все награбленное. Это безобразіе не ограничивалось только покинутыми домами: солдаты врывались во всѣ жилища, квартиры и насиловали всѣхъ попадавшихся женщинъ“. Скромное имущество монахинь Алексѣевскаго монастыря, спрятанное въ кладовую, было разграблено; солдаты нарядились въ монашескія ряски... Нѣсколько человѣкъ поселились въ кельѣ игуменьи, гдѣ пировали двое сутокъ и приглашали къ себѣ молодыхъ манахинъ—одна добровольно пошла на позоръ, сохранилось и имя ея. „До смерти хотѣлось намъ немногимъ оставшимся молодымъ монашенкамъ, — разсказываетъ одна:— узнать, что тамъ дѣлается; мы всѣ забились въ одну комнату, отворили дверь, да стали выходить помаленьку, а подбѣжала одна старушка монахиня: „Куда?“ —говоритъ: — сейчасъ назадъ! Вы ужъ и рады на военныхъ-то глазѣть! Срамницы гадкія! Вишь какъ всѣ раскраснѣлись! Путныя бы поблѣднѣли отъ страху“...



Петровскій дворецъ.

„Въ рождественскомъ монастырѣ придумали молоденькихъ монахинь вымазать сажей... Идутъ онѣ дворомъ, а навстрѣчу французы—тотчасъ ихъ окружили; старухи-то начали отплевываться и показывать, что клирошанки гадкія, черныя. Разсмѣялись французы. Стояла тутъ бочка съ водой, одинъ изъ нихъ налилъ воды въ ковшъ и показываетъ имъ, чтобы умылись. Онѣ сробѣли и хотѣли бѣжать. Французы ихъ догнали и начали умывать. Монашки кричатъ и старухи кричатъ, а французы помираютъ со смѣху. Какъ ихъ вымыли, стали говорить: „Жоли филь!“

„Когда генералы французскіе,—говоритъ другой очевидецъ:—получили приказаніе выѣхать изъ Москвы, распущенность достигла крайняго предѣла: солдаты, не сдерживаемые присутствіемъ начальства, дошли до чудовищнаго безобразія, не жалѣли ничьихъ убѣжищъ, не щадили ни церковныхъ, никакихъ другихъ украшеній и богатствъ. Ничто такъ не разжигало алчности грабителей, какъ Архангельскій соборъ въ Кремлѣ съ гробницами царей, въ которыхъ ожидали найти громадныя сокровища. Въ чаяніи ихъ гренадеры спустились съ факелами въ подземелье и взрыли, перебударажили самые гробы и кости почившихъ“...

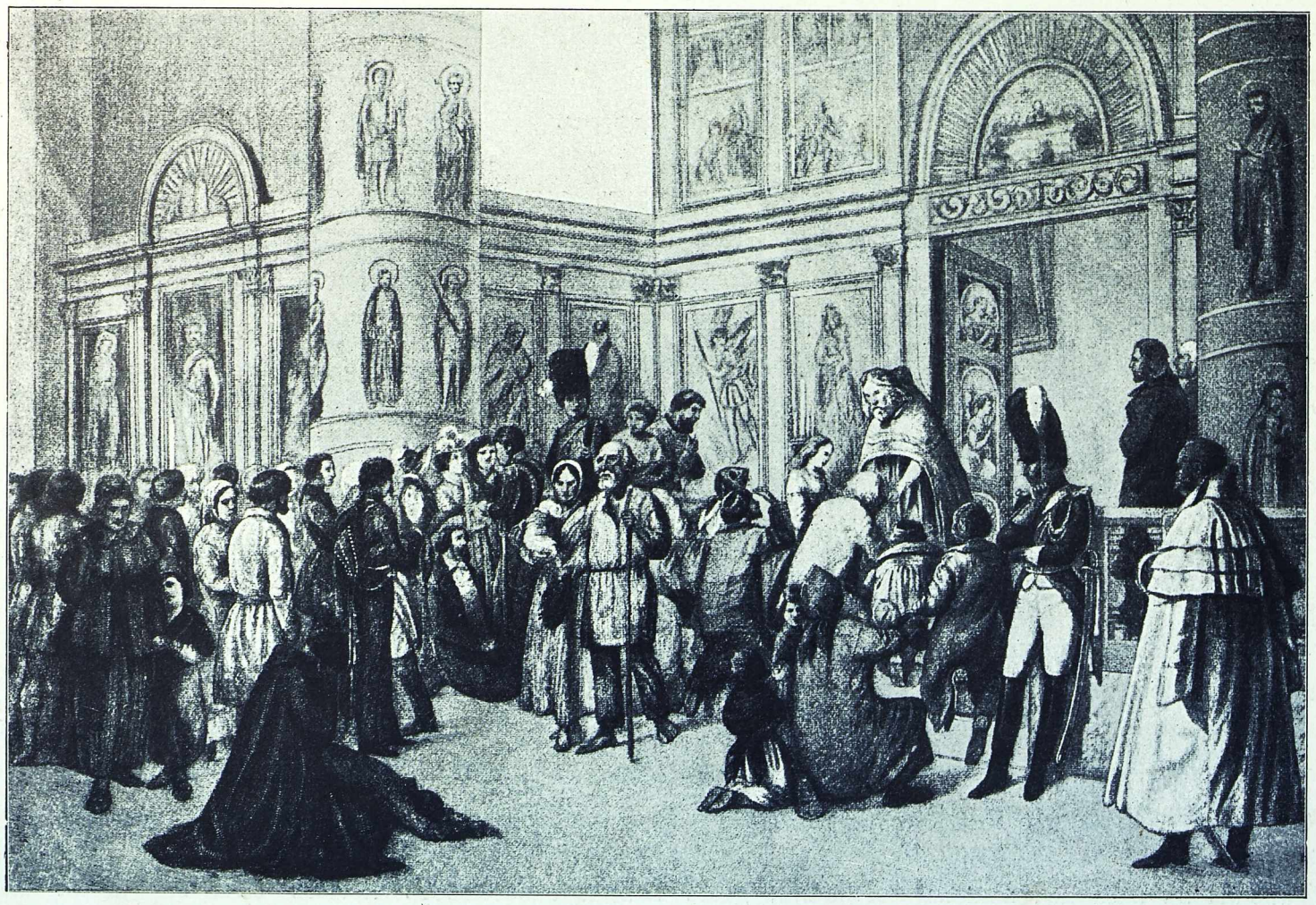
Московскій католическій патеръ, тоже очевидецъ, пишетъ: „Солдаты не щадили стыдливости женскаго пола, ни дѣтской невинности, ни сѣдыхъ волосъ старыхъ... Горемычные обитатели, спасаясь отъ огня, были принуждены укрываться на кладбищахъ. Церковная утварь, образа и всѣ священные предметы вѣрующихъ были разграблены или позорно выкинуты на улицы. Храмы были обращены въ казармы, конюшни и бойни; даже неприкосновенность могилъ была нарушена. Никогда, конечно, города, даже взятые приступомъ, не подвергались большему поруганію“. Недаромъ

одинъ французскій офицеръ признавался, что со времени революціи не видано было такого безпорядка въ арміи... Всѣ улицы были полны человѣческими трупами, перемѣшанными съ падалью лошадей и другихъ животныхъ... Здѣсь кричали караулъ, и голоса замирали, захлебываясь въ своей крови. Въ другихъ мѣстахъ тащили по улицѣ чуть не голыхъ мужчинъ и женщинъ и съ ножомъ у горла требовали открытія спрятанныхъ будто бы сокровищъ. Всѣ двери лавокъ были настежь открыты, продавцы въ бѣгахъ, товары разбросаны повсюду... Не успѣла одна шайка мародеровъ уйти изъ дому, какъ другая врывалась и не оставляла ни рубашки, ни какого-нибудь сапога". На улицахъ въ эти дни жителямъ нельзя было показываться даже съ конвоемъ, такъ какъ сама охрана грабила, а въ случаѣ крика или жалобъ била до полусмерти.

Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Императора Александра, писала своей матери слѣдующія знаменательныя строки:

„И вотъ эта орда варваровъ поселилась на развалинахъ этой чудной столицы; они вели себя тутъ такъ же, какъ и вездѣ. Нашъ народъ предпочелъ сжечь все то, что ему было дорого, не желая отдать все это цѣликомъ въ руки непріятеля, а великая нація разоряетъ, грабитъ, „уничтожаетъ все, пока есть еще, что грабить". Наполеонъ, вступивъ въ Москву, не нашелъ того, на что онъ надѣялся. Онъ разсчитывалъ найти общество: его уже не было, всѣ разъѣхались; онъ разсчитывалъ на нравственное впечатлѣніе, на уныніе и упадокъ духа, которые онъ возбудилъ въ народѣ, а между тѣмъ онъ возбудилъ лишь озлобленіе и желаніе отомстить. Онъ разсчитывалъ, что конечнымъ результатомъ этого будетъ миръ: прилагаю воззваніе, обнародованное Императоромъ, какъ только стало извѣстно о выступленіи нашихъ войскъ изъ Москвы. Я увѣрена, дорогая мама, что вы одобрите его содержаніе. Оно написано съ полнымъ благородствомъ и достоинствомъ; оно запечатлѣно духомъ народа, къ которому обращено. Я ручаюсь, что рѣшеніе, о которомъ говоритъ Императоръ, непоколебимо. Если бы подобная участь угрожала даже Петербургу, то и тогда Государь былъ бы далекъ отъ мысли заключать постыдный миръ".

Занятіе Наполеономъ Москвы заставило правительство принять мѣры предосторожности на случай движенія непріятеля къ Петербургу, почему приказано было вывезти изъ столицы всѣ архивы и драгоцѣнности. Но Наполеонъ не думалъ вовсе о Петербургѣ, а среди вакханалій въ Москвѣ учредилъ даже французскій театръ.



Молебствіе въ Москвѣ въ храмѣ Евпла, въ присутствіи французовъ.

PROCLAMATION.

Habitans paisibles, Artisans et Ouvriers de Moscou, que des malheurs ont éloigné de cette ville, et vous Cultivateurs égarés, qu'une vaine frayeur retient encore dans vos campagnes, écoutez!

La tranquillité renaît dans cette capitale, et l'ordre s'y rétablit; vos compatriotes sortent librement de leurs aziles et sont respectés; toute violence, exercée contre eux et leurs propriétés, est, à l'instant, punie.

Sa Majesté l'Empereur et Roi les protège et ne voit, parmi vous, d'ennemis que ceux qui désobéissent à ses ordres.

Il veut mettre un terme à vos malheurs et vous rendre à vos foyers et à vos familles.

Répondez donc à ses bienfaisantes intentions et venez avec sécurité auprès de nous.

Que l'habitant rentre avec confiance dans sa demeure; il y trouvera bientôt les moyens de pourvoir à ses besoins.

Que l'ouvrier, que l'artisan laborieux, retourne à ses métiers; des logemens, des boutiques, des sauve-gardes sont prêts à le recevoir, et son travail obtiendra le salaire qui lui est dû.

Que le paysan, enfin, sorte des bois où la terreur le retient, qu'il regagne sans effroi sa chaumière, et qu'il sache qu'il y sera protégé.

Des marchés sont préparés pour y recevoir le superflû de ses besoins et les produits de la terre.

Les moyens que le Gouvernement a pris pour lui en assurer un libre débit, se trouvent développés dans les dispositions suivantes:

1°. A dater de ce jour, les paysans cultivateurs ou habitans, des environs de Moscou, pourront, en toute sureté, porter leurs denrées, de quelque nature qu'elles soient, dans les marchés de la capitale, ci-après indiqués, savoir: dans la place nommée *Makhavoie*, dans celle appelée *Okhotnoï-red.*

2.° Ces denrées leur seront payées au taux convenu entre l'acheteur et le vendeur, et ce dernier sera le maître, s'il n'en trouve pas le prix qu'il leur a fixé, d'après des bases raisonnables, de les remporter dans son village sans qu'on puisse, sous aucun prétexte, l'en empecher.

3.° Les Dimanches et Mercredis de chaque semaine sont les jours désignés pour les grands marchés. En conséquence, des troupes suffisantes seront, dès le mardi et le samedi, disposées sur toutes les grandes routes et à une distance déterminée de la ville, afin de protéger ces transports.

4°. Les mêmes mesures seront prises pour que le retour des paysans chez eux, avec leurs voitures et leurs chevaux, n'éprouve aucune difficulté.

5°. Des moyens seront incessamment employés pour assurer l'établissement des marchés ordinaires.

Habitans de la ville et des campagnes, et vous ouvriers et artisans, de quelque de nation que vous soyez! vous êtes sommés de répondre aux vues paternelles de Sa Majesté l'Empereur et Roi, et de contribuer, avec lui, au bien-être de tous. Portez à ses pieds respect et confiance et ne tardez pas à vous réunir à nous.

Moscou, le 6 Octobre 1812.

L'Intendant de la ville et de la province de Moscou,

LESSEPS.

ПРОВОЗГЛАШЕНІЕ

Вы спокойные Московскіе жители, мастеровые и рабочіе люди, которыхъ нещастія удалили изъ города, и вы разсѣянные земледѣльцы, которыхъ неосновательной страхъ еще задерживаетъ въ поляхъ, слушайте!

Тишина возвращается въ сію столицу и порядокъ въ ней возстановляется. Ваши земляки выходятъ смѣло изъ своихъ убѣжищъ, видя что ихъ уважаютъ. Всякое насильствіе учиненное противъ ихъ и ихъ собственности немедленно наказывается.

Его Величество Императоръ и Король ихъ покровительствуетъ и между вами никого не почитаетъ за своихъ непріятелей, кромѣ тѣхъ кои ослушиваются его повеленіямъ.

Онъ хочетъ прекратить Ваши нещастія и возвратить Васъ вашимъ дворамъ и вашимъ семействамъ.

Соотвѣтствуйтежъ его благотворительнымъ намѣреніямъ и приходите къ намъ безъ всякой опасности.

Жители! возвращайтесь съ довѣріемъ въ ваши жилища, вы скоро найдете способы удовлетворить вашимъ нуждамъ!

Ремесленники и трудолюбивые мастеровые! приходите обратно къ вашимъ рукодѣльямъ, домы, лавки, охранительные караулы васъ ожидаютъ, а за вашу работу получите должную вамъ плату!

И вы наконецъ крестіяне выходите изъ лѣсовъ, гдѣ отъ ужаса скрылись, возвращайтесь безъ страху въ ваши избы, въ точномъ увѣреніи что найдете защищеніе!

Лабазы учреждены въ городѣ куда крестіяне могутъ привозить излишные свои запасы и земельны растенія.

Правительство приняло слѣдующіе мѣры чтобъ обезпѣчить имъ свободную продажу

1е Щитая отъ сего числа, крестіяне, земледѣльцы и живущіе въ окрестностяхъ Москвы, могутъ безъ всякой опасности привозить въ Городъ свои припасы, какогобы роду не были, въ двухъ назначенныхъ лабазахъ, то есть на Махавую; и въ Воxотной рядъ.

2е Оныя продовольствія будутъ покупаться у нихъ по такой цѣнѣ на какую покупатель и продавецъ согласятся между собою; но ежьли продавецъ не получитъ требуемую имъ справедливую цену, то вольно будетъ повезти ихъ обратно въ свою деревню, въ чемъ никто ему никоимъ какимъ видомъ препятствовать не можетъ.

3е Каждое Воскресенье и Середа назначены еженедѣльно для большихъ торговыхъ дней; по чему достаточное число воискъ будетъ розставлено по вторникамъ и субботамъ на всѣхъ большихъ дорогахъ въ такомъ разстоянія отъ города, чтобъ защищать тѣ обозы.

4е Таковыжъ мѣры будутъ взяты чтобъ на возвратномъ пути крестіянамъ съ ихъ повозками и лошадьми не послѣдовало препятствія.

5е Немедленно средства употреблены будутъ для возстановленія обыкновенныхъ торговъ.

Жители Города и деревень, и вы работники и мастеровые какой бы вы націи не были! васъ зываетъ исполнять отеческіе намѣренія Его Величества Императора и Короля и способствовать съ нимъ къ общему благополучію. Внемите къ его стопамъ почтеніе и довѣріе и не медлите соединиться съ нами.

Москва $\frac{24 \text{ Сентября.}}{6 \text{ Октября.}}$ 1812го года.

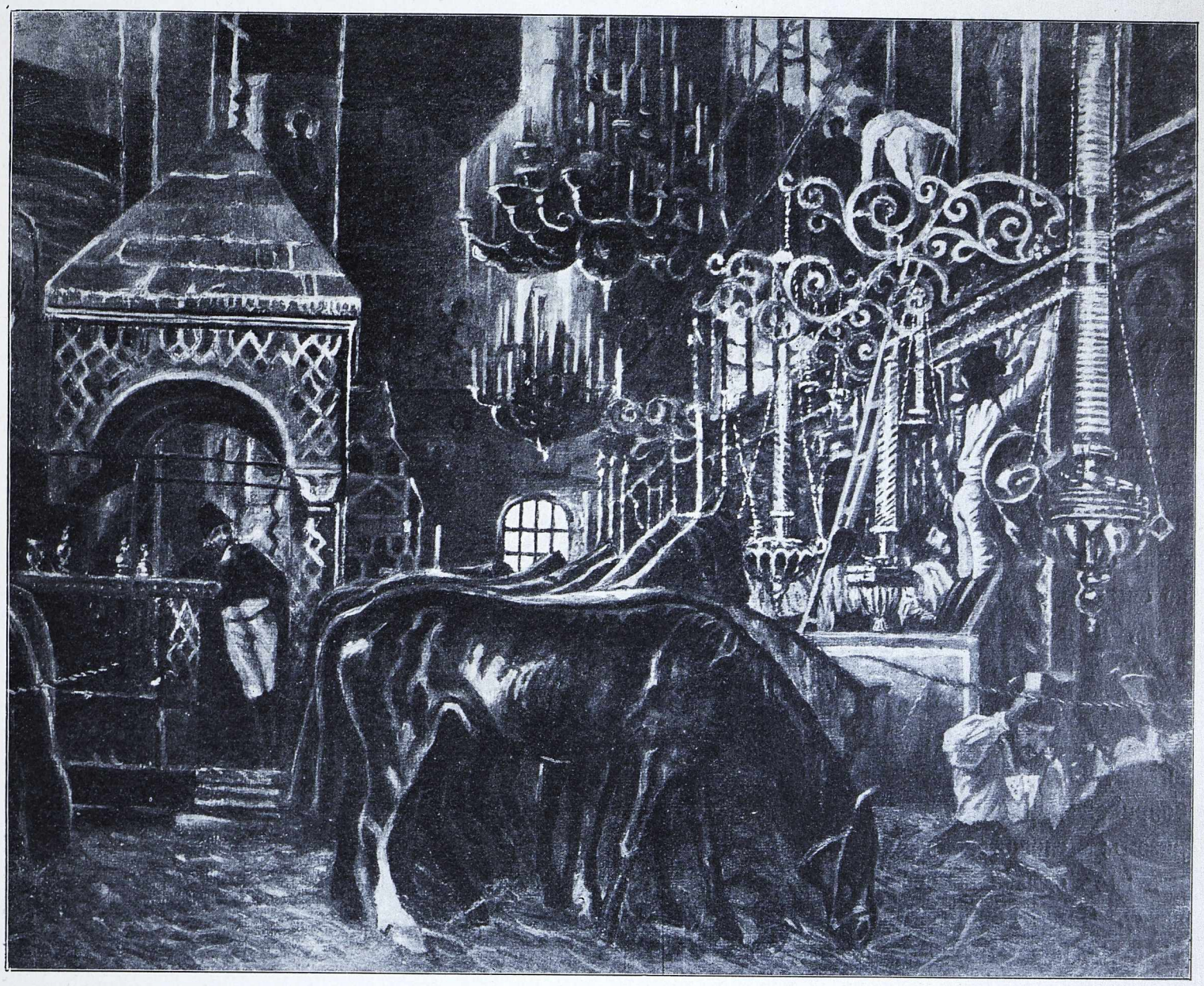
Интендантъ или управляющій городомъ и провинціею Московскою.

ЛЕССЕПСЪ.

Съ оригинала музея П. И. Щукина.

Генералъ Боссе, доставившій наканунѣ Бородинскаго боя портретъ сына Наполеона, получилъ приказаніе не оставлять главнаго штаба и вскорѣ былъ чазванъ директоромъ Императорскаго театра въ Москвѣ.

Во время завтрака Наполеона, Боссе доложилъ ему о печальной участи французскихъ актеровъ, оставшихся въ Москвѣ. Императоръ обрадовался, такъ какъ находка актеровъ совершенно согласовалась съ его мыслью — устроить для развлеченія войска временный театръ. Генералъ-интендантъ дворца тотчасъ же вступилъ въ новую должность и дѣятельно принялся за устройство театра.



Архангельскій соборъ, обращенный французами въ конюшню.
Съ картины В. В. Верещагина.

Г-жа Бюрсей представила ему всѣхъ членовъ своей труппы, бывшей въ Москвѣ, которая состояла: изъ Адне, перваго трагика, Пету, Госсе, Лефевра и госпожъ: Андре, Перегюи, Лекень, Фюзи, Ламираль и Адне. Главный трагикъ явился къ генералу въ фризовой шинели и шапкѣ ополченія; первый любовникъ въ сюртукѣ семинариста и въ треугольной шляпѣ; благородный отецъ безъ сапогъ; тиранъ нуждался въ необходимѣйшей части туалета и прикрывалъ наготу своихъ ногъ коротенькимъ испанскимъ плащомъ. Дамы еще менѣе подходили къ модной картинкѣ, чѣмъ мужчины. Вся труппа была разряжена, какъ будто шла въ маскарадъ нищихъ и бродягъ. Одна лишь директриса, г-жа Бюрсей, румяная, свѣженькая вдовушка 25 лѣтъ, при красной дупегрейкѣ на заячьемъ бѣломъ мѣху, умѣла украситься фрезкой Маріи Стюартъ и черною бархатною чалмою съ страусовымъ перомъ, въ которой нѣкогда играла и въ „Трехъ Султаншахъ“ и въ „Заирѣ“

Прежде всего привели въ порядокъ полуразрушенный театръ, въ прекрасномъ домѣ Позднякова, на Никитской улицѣ. Его очистили, выбѣлили; ложи украсили разноцвѣтной драпировкой, а занавѣсъ сшили изъ кусковъ парчи. Съ потолка спустилось 170-мѣстное паникадило, изъ чистаго

серебра, взятое изъ храма. Для перваго представленія была выбрана пьеса, именно, комедія Мариво „Игра любви и случая“, за которой слѣдовалъ водевиль: „Любовникъ — авторъ и слуга“. За входъ въ этотъ театръ брали бездѣлицу; часть сбора употреблялась на покрытіе вечеровыхъ издержекъ за освѣщеніе и отопленіе театра, а остальное дѣлилось между актерами. Ни Наполеонъ ни маршалы не посѣщали этого театра, но многіе генералы, офицеры и масса солдатъ ежедневно наполняли его залу.

Собранными по церквамъ восковыми свѣчами иллюминовали не только этотъ театръ, но и нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ домовъ, гдѣ давали балы. Французы, вальсируя другъ съ другомъ, приставали къ русскимъ: Ou sont vos barines? Ou sont vos demoiselles?— высказывая сожалѣніе, что не могутъ съ ними хорошенько поплясать.

Временнаго веселья было не занимать стать тогда въ Москвѣ между французами, такъ, Bourgogne говоритъ: „Отлучавшіеся возвращались нагруженными всѣмъ, что только можно себѣ представить чудеснаго и богатаго. Между замѣчательными вещами было нѣсколько серебряныхъ ризъ съ образовъ, съ прекрасными тиснеными украшеніями; приносили также слитки серебра величиною въ кирпичъ. Затѣмъ были головныя украшенія, индѣйскія шали, ткани изъ шелка, затканные серебромъ и золотомъ. Мы, унтеръ-офицеры, имѣли право брать себѣ отъ солдатъ двадцать процентовъ приносимаго ими. Прежде всего мы позаботились нарядить нашихъ русскихъ женщинъ по-французски, маркизами, и, такъ какъ сами онѣ ничего въ этомъ не смыслили, то двое изъ насъ, я и товарищъ мой Flamont, занялись ихъ туалетомъ. Наши двое русскихъ портныхъ были одѣты китайцами. Я — русскимъ бояриномъ, Flamont — маркизомъ; словомъ, всякій изъ насъ одѣлся по своему вкусу. Наша маркитантша,

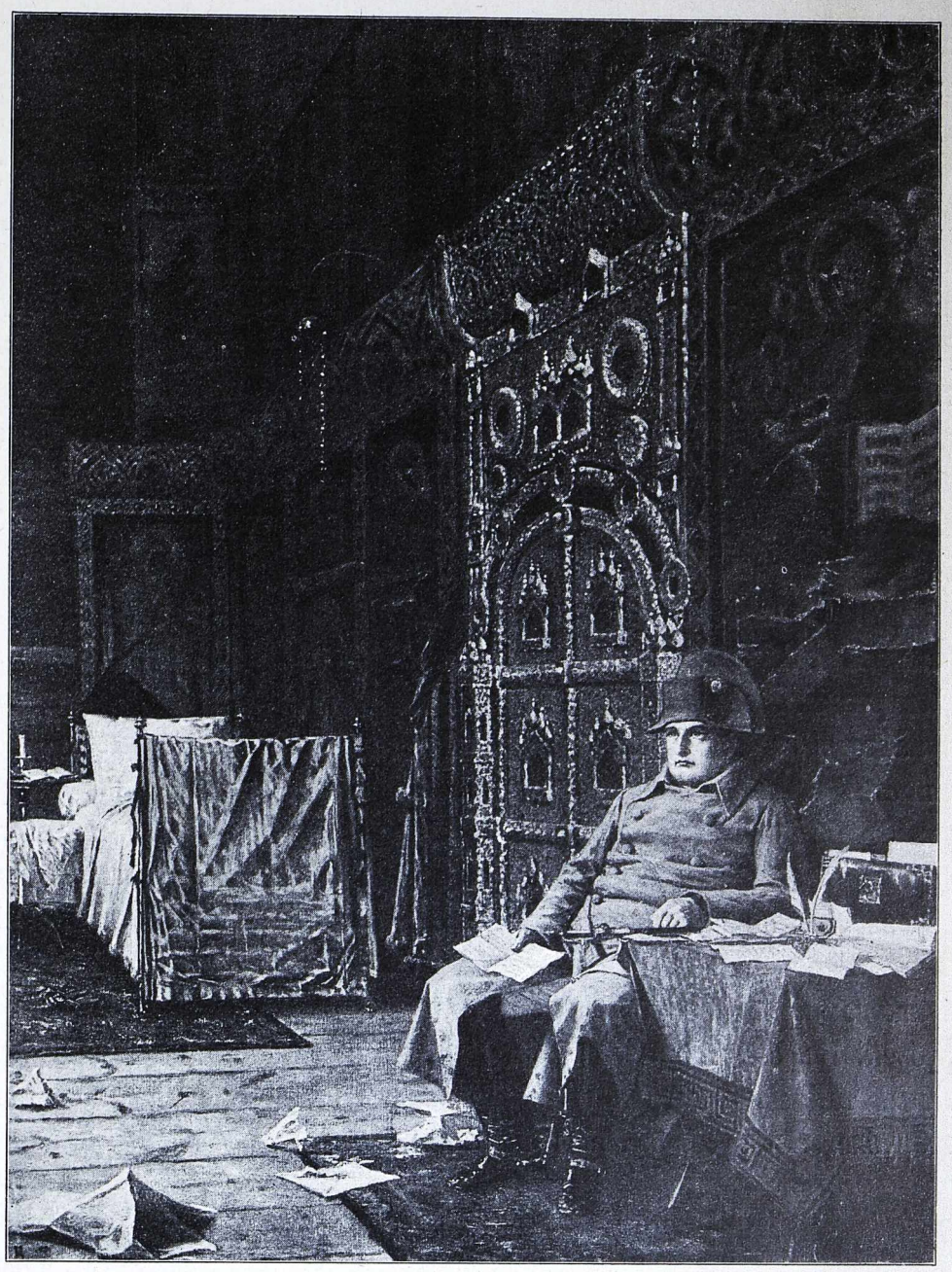
А. С. Фигнеръ.

тетушка Dubois, подошедшая на этотъ случай, одѣла богатое платье русской боярыни. Такъ какъ париковъ не было маркизамъ, то ротный цырюльникъ взялся ихъ причесать: намазалъ головы саломъ и посыпалъ мукой вмѣсто пудры; затянуты онѣ были отлично. Оркестръ представляла флейта, на которой игралъ нашъ сержантъ, ему вторилъ барабанъ. Начали съ мотива „Зададимъ имъ жару“. Но только-что раздались звуки флейты и барабана, въ ту самую минуту, какъ тетушка Dubois стала выходить со своимъ vis-à-vis, наши маркизы, должно-быть, подъ вліяніемъ удалой музыки, принялись вдругъ выпрыгивать по-татарски, направо — налѣво, выкидывать ногами, откидывать руками, сгибаться, разгибаться — просто самъ чортъ въ нихъ влѣзъ. Если бы онѣ были одѣты по-русски, оно было бы не такъ смѣшно, но видѣть французскихъ маркизъ, какъ извѣстно, держащихъ себя чинно, такъ бѣшено прыгающими, было до того смѣшно, что мы лопнули со смѣха, а флейта наша просто покатилась и не могла продолжать, — билъ одинъ барабанъ, и то... тревогу! А маркизы наши снова принялись за то же, пока, наконецъ, не попадали на полъ отъ усталости. Мы имъ давай аплодировать, подняли ихъ, опять стали пить и плясать, такъ до четырехъ часовъ утра“.

Когда французы оставляли Москву, у офицеровъ ихъ было по нѣскольку экипажей и у каждаго въ повозкѣ—дама, русская или француженка, такъ какъ множество ихъ бросилось за арміей. Нѣкоторыя, скоро понявъ, что ихъ ожидаетъ дальше, воротились назадъ; остальныя подверглись невыразимому бѣдствію: у нихъ дорогой украли лошадей и все, что было теплаго. Эти несчастныя сначала лишились своихъ дѣтей, а потомъ погибли и сами. Очень немногія спаслись, и, кажется, не видѣли, чтобы которая-нибудь изъ нихъ перешла границу...

Не менѣе веселья было и въ Кремлѣ. „При всѣхъ кремлевскихъ воротахъ, пишетъ авторъ „Журнала“, стояли на часахъ гвардейскіе гренадеры; они были одѣты въ русскія шубы и опоясаны

кашмирскими шалями. Подлѣ нихъ стояли хрустальныя вазы въ полъ-сажени каждая, полныя различнымъ вареньемъ, съ большими деревянными ложками. Около этихъ вазъ было навалено множество всевозможной формы бутылокъ, которымъ, для быстроты, отбивали горлышки. Нѣкоторые солдаты поснимали свои лохматыя шапки и надѣли московскія и всѣ были болѣе или менѣе пьяны. Сложивши свое оружіе, они отбывали службу со своими суповыми ложками и не пропускали никого, кто отказывался пить съ ними". Грабежъ былъ наконецъ офиціально запрещенъ, но тѣмъ не менѣе онъ продолжался; несмотря на приказы, уходили цѣлыя роты, батальоны, съ которыми грабили сами офицеры. Это называлось у нихъ „aller à la maraude". Запрещеніе отлучаться повторялось, но совершенно безполезно. Тогда стали развѣшивать по городу строжайшіе приказы съ угрозами разстрѣливать ослушниковъ — это возымѣло свое дѣйствіе.



Наполеонъ на ночлегѣ въ Успенскомъ соборѣ.
Съ картины В. В. Верещагина.

Наконецъ, противъ грабителей ополчились русскіе, оставшіеся въ Москвѣ, и погреба и подвалы, пруды, колодцы дѣлались могилами непріятелей. По разсказу одного воспитанника духовнаго училища, „онъ прислуживалъ въ домѣ на окраинѣ города, гдѣ жилъ отрядъ непріятельскихъ гусаръ. Разъ вечеромъ онъ замѣтилъ, что кто-то, то пригибаясь, то приподнимаясь, смотрѣлъ въ освѣщенныя окна. Онъ окликнулъ и спросилъ: „Что ты высматриваешь?" Незнакомецъ отскочилъ отъ окна, подошелъ и, узнавъ объ горькой участи семьи малаго, отвелъ его въ глубь сада, гдѣ показалъ подъ сермягою казачій мундиръ. Онъ разспросилъ мальчика, сколько живетъ въ домѣ гусаръ, въ которой комнатѣ они спятъ, гдѣ хранится у нихъ оружіе, гдѣ стоятъ лошади и пригрозилъ не болтать. Черезъ день суматоха раннимъ утромъ разбудила мальчика — гусары были всѣ перебиты".

Это было несомнѣнно однимъ изъ дѣлъ штабсъ-капитана 3-й легкой роты 11-й артиллерійской бригады Александра Самойловича Фигнера, кавалера ордена св. Георгія 4-й степени, который онъ получилъ въ 1810 г. при штурмѣ Рущука, за измѣреніе рва. Ненавидя отъ всей души Наполеона, Фигнеръ готовился на смерть; каждый день ходилъ онъ въ церковь, молился и плакалъ. По вступленіи французовъ въ Москву, Фигнеръ, съ разрѣшенія кн. Кутузова, отправился въ столицу; вооруживъ нѣсколько жителей, онъ дѣлалъ засады на улицахъ, истреблялъ ночью французскихъ солдатъ, а днемъ, переодѣтый то во фракъ, то купцомъ, спокойно бродилъ по Москвѣ, вмѣшиваясь въ отряды французскихъ солдатъ и вывѣдывая отъ нихъ, что было ему нужно. По порученію Кутузова, онъ перемѣнилъ мѣсто своихъ дѣйствій и отправился въ тылъ французской арміи. Изъ охотниковъ и отсталыхъ солдатъ Фигнеръ составилъ партизанскій отрядъ, посадилъ ихъ на крестьянскихъ лошадей, на день пряталъ въ лѣсу, а самъ, переодѣтый польскимъ или итальянскимъ

офицеромъ, разъѣзжалъ съ трубачомъ по линіи непріятельскихъ форпостовъ, высматривая расположеніе враговъ, ночью налеталъ со своими партизанами и каждый день отправлялъ въ главную квартиру плѣнныхъ. По Можайской дорогѣ близъ Москвы Фигнеръ однажды отбилъ 6 орудій съ прислугою и обозъ. Наполеонъ оцѣнилъ его голову, но Фигнеръ, увеличивъ и укрѣпивъ свой отрядъ одиночными кавалеристами и казаками, продолжалъ наносить страхъ и смерть французамъ, перехватывалъ курьеровъ, сжигалъ обозы и днемъ и ночью производилъ тревогу среди непріятелей, являясь тамъ, гдѣ его не ждали. Нѣсколько разъ французы окружали отрядъ Фигнера, казалось, уйти не было никакой возможности, но ночью онъ исчезалъ непонятнымъ образомъ, и когда думали, что онъ не отысканъ между убитыми или умираетъ гдѣ-нибудь отъ ранъ—являлся снова въ другихъ мѣстахъ. Когда началось отступленіе французовъ изъ Москвы, Фигнеръ вмѣстѣ съ Сеславинымъ отбили цѣлый транспортъ съ драгоцѣнностями, награбленными въ Москвѣ. Императоръ Александръ, восхищаясь подвигами Фигнера, потребовалъ его къ себѣ и произвелъ въ подполковники съ переводомъ въ гвардейскую артиллерію.

Не ранѣе 17-го сентября могли разобраться въ суматохѣ и учредить призракъ управленія, названный *Муниципалитетомъ,* который раздѣлялся на отдѣлы: „Спокойствіе и тишина“, „Мостовыя“, „Квартирмейстерская часть“, „Закупки“, „Правосудіе“, „Надзоръ за богослуженіемъ“, „Попеченіе и надзоръ за бѣдными“, „Комиссары и помощники“ (пристава). Изъ зажиточныхъ купцовъ, большинство вступили въ учрежденный Муниципалитетъ, члены котораго носили на рукавахъ перевязи изъ бѣлыхъ и красныхъ лентъ и, въ случаѣ надобности, могли требовать отъ французскихъ офицеровъ вооруженнаго вмѣшательства. По уходѣ непріятеля, всѣ эти члены, съ ихъ шелковыми перевязями, по приказу Ростопчина, сгребали подъ карауломъ снѣгъ на московскихъ улицахъ.

Городской голова Находкинъ былъ награжденъ за свои услуги 100.000 руб. фальшивыми бумажками, не принесшими ему пользы. Такихъ бумажекъ было сфабриковано на 100 милліоновъ рублей. Въ одномъ изъ писемъ Бертье есть жалоба на потерю послѣдней коляски, „въ которой были самыя тайныя бумаги“—въ этой колясѣ найдена была улика мошенничества: доска для печатанія сторублевыхъ русскихъ ассигнацій.

Разстрѣлъ поджигателей. Съ картины В. В. Верещагина.

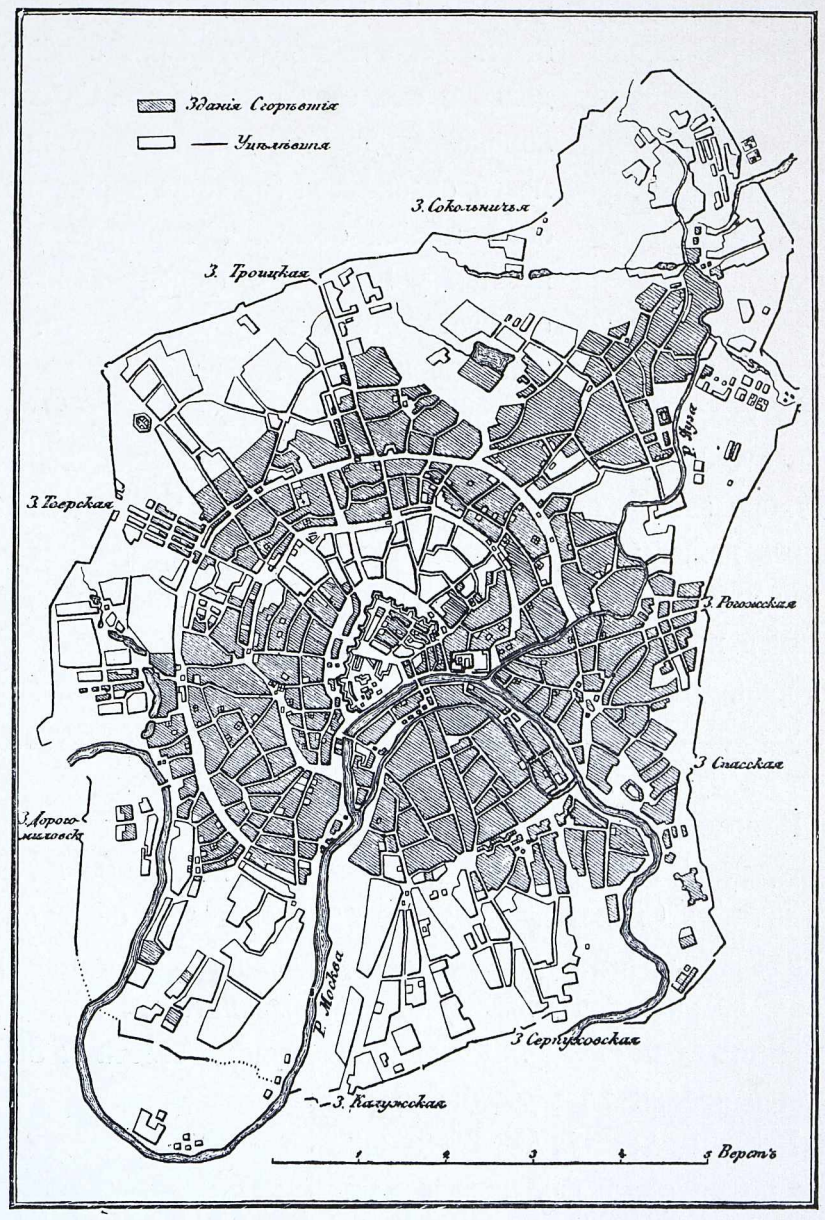
Съ картины, находящейся въ Зимнемъ дворцѣ.

ПОДЪ ТАРУТИНЫМЪ.

Профессора Петра Гессъ.

Купцы Позднякоѣ, Кольчугинъ и другіе, награжденные такими бумажками, не рѣшались распространять ихъ, а директоръ Воспитательнаго дома, Тутолминъ, прямо отказалъ принять такую помощь: „Ихъ была одна зловредность,—доносилъ онъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ:—чтобы ссужать меня своими фальшивыми ассигнаціями, коихъ привезли съ собою весьма большое число и ими даже, по повелѣнію Наполеона, выдавали своимъ войскамъ жалованье“. Гвардія неохотно брала эти бумажки, хотя онѣ были хорошо поддѣланы и даже потомъ наши банки ихъ принимали.

Какъ ни ужасно было положеніе Москвы и непріятельской арміи, но для Наполеона молчаніе Александра было грознѣе. Уже около двухъ недѣль прошло съ того времени, когда онъ отправилъ первое письмо къ Государю, и не имѣлъ еще не только отвѣта, но даже обыкновеннаго извѣщенія о полученіи письма. Тревожное недоумѣніе тяготило Наполеона. Онъ видѣлъ приближеніе зимы и голода; видѣлъ опасность, которая грозила ему отъ расположенія нашей арміи у Тарутина во флангѣ и тылѣ французовъ, и рѣшился просить мира. 22-го сентября Лористонъ былъ отправленъ къ князю Кутузову съ формальнымъ о томъ предложеніемъ. Кутузовъ объявилъ, что ему запрещено даже произносить слова—„миръ и перемиріе“, но отправилъ съ княземъ Волконскимъ письмо Наполеона и донесеніе о разговорѣ съ Лористономъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивалъ разрѣшенія прибыть въ Петербургъ, къ Государю.



План Москвы съ показаніемъ сгорѣвшихъ частей.

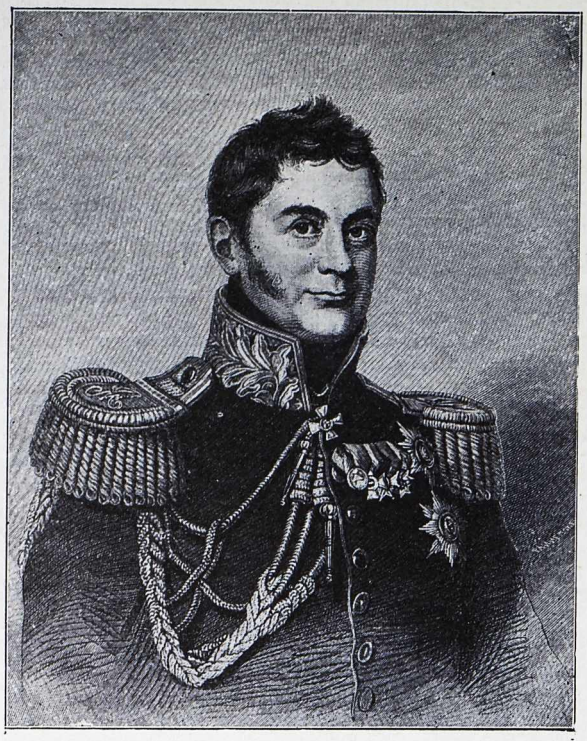
По полученіи донесенія Кутузова, Императоръ Александръ изъявилъ главнокомандующему свое неудовольствіе въ собственноручномъ письмѣ, которое заканчивалось такъ:

«Всѣ свѣдѣнія, отъ меня къ вамъ доходящія, и всѣ предначертанія мои, въ указахъ, на имя ваше изъясняемыя, и однимъ словомъ все убѣждаетъ васъ въ твердой моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленное отечество.

«Александръ».

По полученіи еще извѣстія о Бородинскомъ сраженіи, Императоръ Александръ отправилъ къ Кутузову, 31-го августа, флигель-адъютанта Чернышева съ общимъ планомъ военныхъ дѣйствій, имѣвшихъ цѣлью, совокупными усиліями всѣхъ нашихъ армій, запереть Наполеону выходъ изъ Россіи. Сущность плана, задуманнаго Государемъ, заключалась въ томъ, чтобы русскія войска, дѣйствовавшія на флангахъ театра войны (на Двинѣ и на Западномъ Бугѣ), усиленныя подкрѣпленіями, оттѣснили стоявшаго противъ нихъ непріятеля и потомъ направились въ тылъ великой арміи Наполеона, атакованной въ то же время съ фронта нашими главными силами. Привезенный Чернышевымъ планъ Кутузову, имѣвшему главную квартиру въ Красной Пахрѣ, не потерялъ своего значенія и былъ выполненъ въ его основныхъ чертахъ, но главная задача, начертанная Александромъ—преградить путь Наполеону на берегахъ Березины, какъ увидимъ, вслѣдствіе многихъ ошибокъ, не была достигнута.

Но народъ не зналъ ничего объ этомъ планѣ Государя, и среди политическихъ тревогъ даже дворянство громко винило Александра въ бѣдствіяхъ государства. Въ день коронаціи Але-



Князь П. М. Волконскій.

ксандра, 15-го сентября, Императора уговаривали не ѣхать по городу верхомъ, а прослѣдовать въ Казанскій соборъ въ каретѣ вмѣстѣ съ императрицами. Въ первый и послѣдній разъ въ жизни Государь уступилъ совѣту боязливаго благоразумія. Царскій кортежъ встрѣтила молча мрачно настроенная толпа...

Кутузовъ, отступая по Рязанской дорогѣ, оттуда предпринялъ свое знаменитое фланговое движеніе на старую Калужскую дорогу, согласно своему донесенію Государю отъ 4-го сентября, въ которомъ былъ изъясненъ въ общихъ чертахъ весь ходъ предстоящихъ дѣйствій. Вслѣдъ за этимъ донесеніемъ Кутузовъ сообщилъ Государю изъ Подольска отъ 6-го сентября: „Сдѣлавъ два марша по Коломенской дорогѣ для приведенія въ дѣйствіе намѣренія моего склониться ближе на дорогу коммуникацій непріятельской арміи, оставя арьергардъ мой на рѣкѣ Пахрѣ, на позиціи у Куликова, форсированнымъ маршемъ сдѣлалъ я фланговый обходъ къ Подольску“.

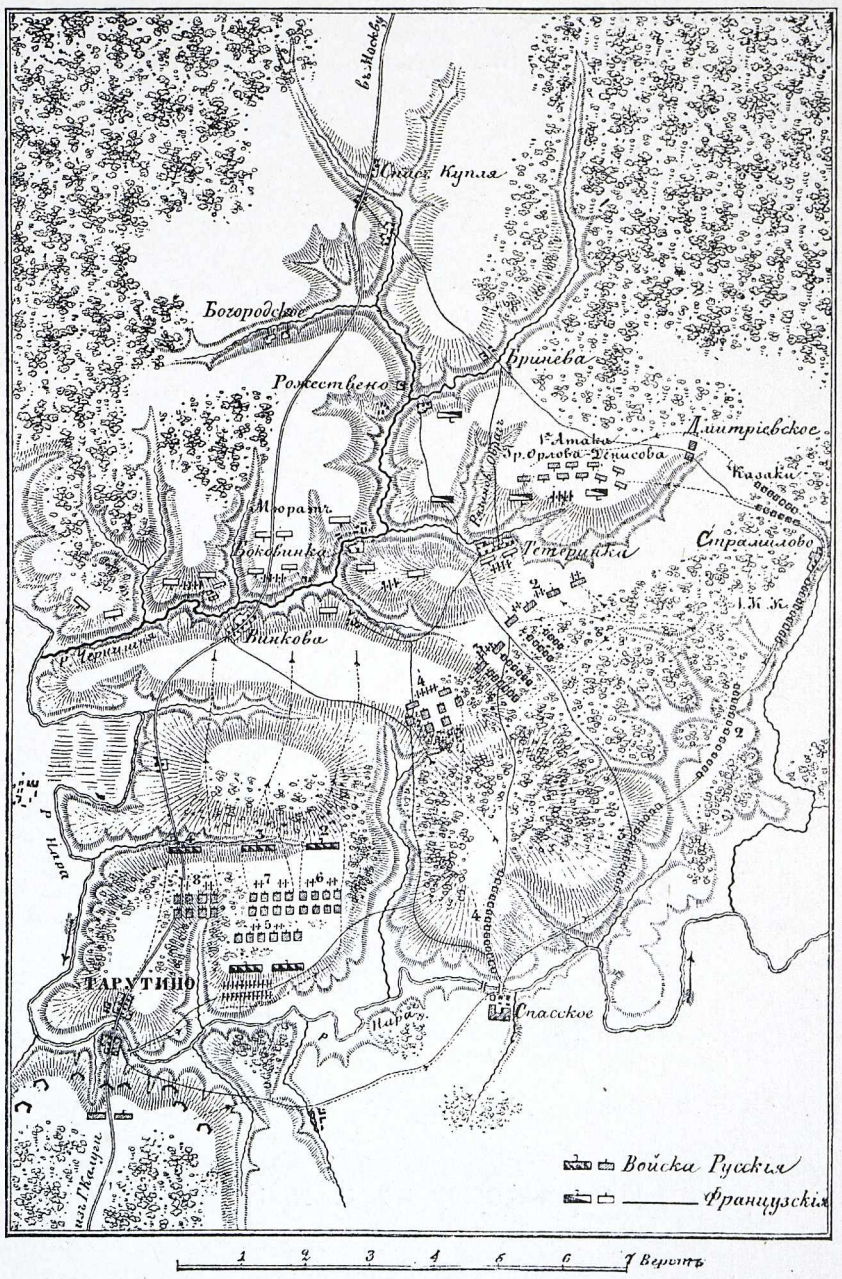
Наполеонъ, введенный въ заблужденіе движеніемъ нашей арміи на Коломну, потерялъ изъ виду русскія войска, и въ продолженіе 12 дней, до 14-го, онъ находился въ полной неизвѣстности пути отступленія, выбраннаго Кутузовымъ. Пока Наполеонъ находился въ Москвѣ, длилась теплая осень, но къ концу сентября заморозки становились по ночамъ чувствительны для непривыкшихъ къ холоду непріятельскихъ войскъ; задули осенніе холодные вѣтры, выпалъ мелкій снѣгъ, предвѣстникъ непогодъ, и все еще не было отвѣта отъ Императора Александра.

Во время безсонныхъ ночей, въ бесѣдахъ съ Дарю, разсказываетъ Сегюръ, Наполеонъ открывалъ свою душу, увѣряя, что онъ отброситъ Кутузова, но Дарю совѣтовалъ остаться въ Москвѣ и сдѣлать изъ столицы укрѣпленный лагерь. — „Львиный совѣтъ,—отвѣтилъ Наполеонъ: — но что скажетъ Парижъ! Что тамъ будутъ дѣлать?“

Бездѣятельность Наполеона продолжалась. Только 5-го октября роздана была, по приказанію начальника штаба Бертье, кожа войскамъ для починки обуви. Раненые и выздоравливающіе направлены были чрезъ Можайскъ въ Смоленскъ, куда потянулись также обозы съ военною добычею, названною Наполеономъ трофеями. Они состояли изъ уцѣлѣвшихъ отъ пожара турецкихъ и польскихъ знаменъ, бунчуковъ, старинныхъ доспѣховъ, награбленнаго въ церквахъ серебра и золота съ снятыхъ ризъ, выплавленныхъ въ слитки. Семнадцать пудовъ золота и 365 пудовъ серебра было взвѣшено на вѣсахъ для отправки во Францію. Кромѣ того, былъ снятъ гербъ Москвы со зданія Сената и орелъ съ Никольскихъ воротъ; но ни одна изъ этихъ добычъ не перенеслась за Днѣпръ, такъ какъ всѣ онѣ были потоплены по приказанію Наполеона, а частью отбиты нашими казаками. Болѣе трудно раненые были свезены въ Воспитательный домъ и къ нимъ приставлены французскіе доктора, въ надеждѣ, что вмѣстѣ лежащіе русскіе раненые будутъ ихъ защитой. Наполеонъ стянулъ къ Москвѣ корпуса, стоявшіе за городомъ, и чаще прежняго сталъ дѣлать смотры. Замѣтно укоротившіеся ряды батальоновъ не могли не рѣзать ему глазъ, и онъ приказалъ строить людей не въ три, а въ двѣ шеренги—очевидно, онъ хотѣлъ себя и другихъ обмануть протяженіемъ линіи войскъ. Во время производства смотра войскамъ, 6-го октября на Кремлевской площади, прошелъ между свитою слухъ, что по направленію расположенія авангарда слышна канонада. Никто не рѣшался

Генералъ Лористонъ.

сначала обратить на это вниманіе Наполеона; Дюрокъ осмѣлился наконецъ доложить, и всѣ замѣтили, что Наполеонъ измѣнился въ лицѣ. Однако онъ быстро оправился и сталъ продолжать смотръ, но въ это время прискакалъ адъютантъ Мюрата съ извѣстіемъ, „что первая линія короля, захваченная врасплохъ, опрокинута; лѣвый ея флангъ, подъ прикрытіемъ лѣса, обойденъ, правый атакованъ, сообщеніе отрѣзано. Авангардъ болѣе не существуетъ, такъ какъ изнуренныхъ остатковъ его хватитъ еще развѣ на одинъ ударъ, на одну битву съ непріятелемъ, сдѣлавшимся болѣе смѣлымъ, чѣмъ когда-либо“. Это была побѣда русскихъ подъ Тарутинымъ, предпринятая по иниціативѣ гр. Беннигсена, который письменно испросилъ Кутузова, отошедшаго отъ Красной Пахры въ ночь на 14-е сентября къ рѣкѣ Мочѣ и получившаго въ числѣ подкрѣпленій 26 казачьихъ полковъ. Въ своихъ запискахъ гр. Беннигсенъ, описывая Тарутинскій бой, говоритъ:



Планъ сраженія при Тарутинѣ.

„Повторныя атаки графа Орлова-Денисова дали мнѣ вскорѣ возможность окончательно вытѣснить непріятеля изъ его позиціи, съ которой онъ поспѣшно отступилъ въ большомъ безпорядкѣ, оставивъ побѣдителямъ почетное знамя 1-го кирасирскаго полка, 24 орудія, болѣе 50 зарядныхъ ящиковъ, полныхъ патронами, большую часть экипажей короля Неаполитанскаго, всѣ офицерскіе экипажи и все бывшее въ ихъ лагерѣ, словомъ—огромную добычу. Число взятыхъ нами плѣнныхъ во время боя, при преслѣдованіи непріятеля на протяженіи 15-ти верстъ, доходило до 2.500 чел.; въ томъ числѣ нѣсколько генераловъ; между прочимъ, былъ убитъ Фишеръ, начальникъ штаба польской арміи, и капитанъ гвардіи короля Неаполитанскаго, Дери, — сердце коего король пожелалъ имѣть. Желаніе это было исполнено. Снятые съ убитыхъ знаки отличія свидѣтельствовали о томъ, что въ числѣ павшихъ на полѣ сраженія было много высшихъ чиновъ. Въ представленномъ мною Государю Императору донесеніи, я счелъ долгомъ упомянуть о графѣ Орловѣ-Денисовѣ, который выказалъ въ этомъ дѣлѣ изумительную доблесть и своимъ мужествомъ сдѣлалъ величайшую честь русскому оружію. Ему же первому, на основаніи произведенныхъ имъ рекогносцировокъ, пришло на мысль о возможности обойти лѣвый флангъ непріятеля.—Я долженъ упомянуть, что генералъ Милорадовичъ, съ которымъ я условился наканунѣ, и который разсчитывалъ поддержать мою атаку со своимъ авангардомъ, былъ вызванъ въ тотъ самый моментъ, когда началась атака, за 10 верстъ къ князю Кутузову, который продержалъ его до тѣхъ поръ, пока сраженіе не кончилось. Я едва успѣлъ проскакать 12 верстъ, преслѣдуя непріятеля, какъ Кутузовъ послалъ полковниковъ Толя и Кайсарова посовѣтовать мнѣ вернуть войска болѣе чѣмъ 20 верстъ назадъ, на позиціи, которыя они занимали раньше. Мое предложеніе, чтобы онъ шелъ впередъ съ остальнымъ войскомъ, не было принято; если бы это движеніе было выполнено, то ни одному человѣку изъ корпуса короля Неаполитанскаго не удалось бы спастись“. „Размолвка на Тарутинской позиціи Кутузова съ Беннигсеномъ была причиною,—говоритъ князь А. Б. Голицынъ:—той непримиримой вражды между ними, которая не прекращалась до конца дней Кутузова, который былъ разстроенъ оттого, что не уда-

лось ему привести въ исполненіе намѣренія своего наканунѣ. Атака была назначена однимъ днемъ прежде. Въ диспозиціи назначено было Дорохову выйти на дорогу у Спасъ-Купли, соединясь съ отрядомъ графа Орлова-Денисова, для дѣйствія непріятелю въ тылъ. Перемѣна дня не позволила Дорохову участвовать въ дѣлѣ, что сердило старика".

При полученіи извѣстія о Тарутинскомъ сраженіи въ Наполеонѣ сказалась вся прежняя энергія: масса всевозможныхъ приказовъ, отъ самыхъ важныхъ до мелочныхъ, сразу вылились изъ его головы. Къ вечеру этого дня вся армія уже пришла въ движеніе. До свѣта 7-го октября императоръ самъ выѣхалъ изъ Москвы, громко заявивши, „что двигается на Калугу, и горе тому, кто вздумаетъ ему преградить дорогу".

8-го октября Мортье получилъ отъ Наполеона, находившагося тогда въ селѣ Троицкомъ, повелѣніе очистить Москву и итти прямо черезъ Кубинское на Верею. При выходѣ изъ Москвы, онъ долженъ былъ зажечь Кремлевскій дворецъ, казармы, уцѣлѣвшія казенныя зданія и взорвать Кремль, къ чему уже дѣлались приготовленія. Жителямъ запрещено было, подъ страхомъ смерти, подходить къ Кремлю или собираться на улицахъ. Вскорѣ приблизился къ Москвѣ изъ Черной грязи отрядъ Винценгероде. Передовыя его войска имѣли стычки съ непріятельскими между Петровскимъ дворцомъ и Тверскою заставою; казаки неоднократно прорывались въ улицы, и 24 донца проскакали даже мимо Кремля, по всему городу, до Серпуховской заставы. Отъ нихъ и отъ посланныхъ въ Москву переодѣтыхъ полицейскихъ офицеровъ Винценгероде узналъ, что французы подводятъ мины подъ Кремль. Желая, во что бы то ни стало, воспрепятствовать имъ въ этомъ намѣреніи, Винценгероде, безъ мѣръ предосторожности, поскакалъ въ Москву пригласить Мортье на переговоры, но былъ захваченъ въ плѣнъ и увезенъ французами.

А. И. Чернышевъ.

Любопытны слѣдующія строки письма, по этому поводу, императрицы Елизаветы Алексѣевны къ ея матери:

„Я имѣла сегодня удовольствіе видѣть Винценгероде, который былъ взятъ въ плѣнъ мѣсяцъ тому назадъ и теперь освобожденъ по пути въ Варшаву полкомъ казаковъ, которыми командовалъ Чернышевъ, тотъ самый, о которомъ такъ часто говорилось въ газетахъ, по поводу его поѣздокъ изъ Парижа въ Петербургъ и обратно. Освобожденіе Винценгероде есть опять-таки eine Fügung des Himmels. Четверть часа позже они уже не встрѣтились бы на той дорогѣ, по которой Чернышевъ проѣзжалъ со своимъ отрядомъ совершенно случайно. Винценгероде, какъ уроженецъ Гессена, безъ сомнѣнія, былъ бы разстрѣлянъ въ Вестфаліи; его разстрѣляли бы и во французской арміи, если бы французскіе генералы, боясь отвѣтственности, не убѣдили Наполеона не дѣлать этого. Мы получили извѣстіе объ его освобожденіи третьяго-дня, а часъ тому назадъ я имѣла удовольствіе его видѣть. Все, что онъ разсказываетъ, весьма любопытно. Онъ говорилъ мнѣ, между прочимъ, что баденскимъ войскамъ было поручено вести плѣнныхъ, и что недавно они разстрѣляли, по повелѣнію Наполеона цѣлый транспортъ, подъ предлогомъ, будто солдаты шли слишкомъ тихо.

„Это одна изъ тѣхъ подробностей, которыя доказываютъ дьявольскіе поступки этого чудовища. Я склонна думать, что онъ нарочно возложилъ это порученіе на баденскія войска. Вообще говорятъ, что нѣмецкія войска совершенно деморализованы и не уступаютъ французамъ въ звѣрствѣ. Въ Полоцкѣ баварцы вошли въ одинъ домъ, гдѣ какая-то старуха содержала пансіонъ для дѣвочекъ; они переломали бѣдной старухѣ руки и ноги, и она умерла; когда дѣти кинулись къ ней, то эти злые люди стали наносить малюткамъ удары саблей и убили нѣсколькихъ дѣвочекъ. Какое ненужное звѣрство! Даже дикари не убиваютъ женщинъ и дѣтей.

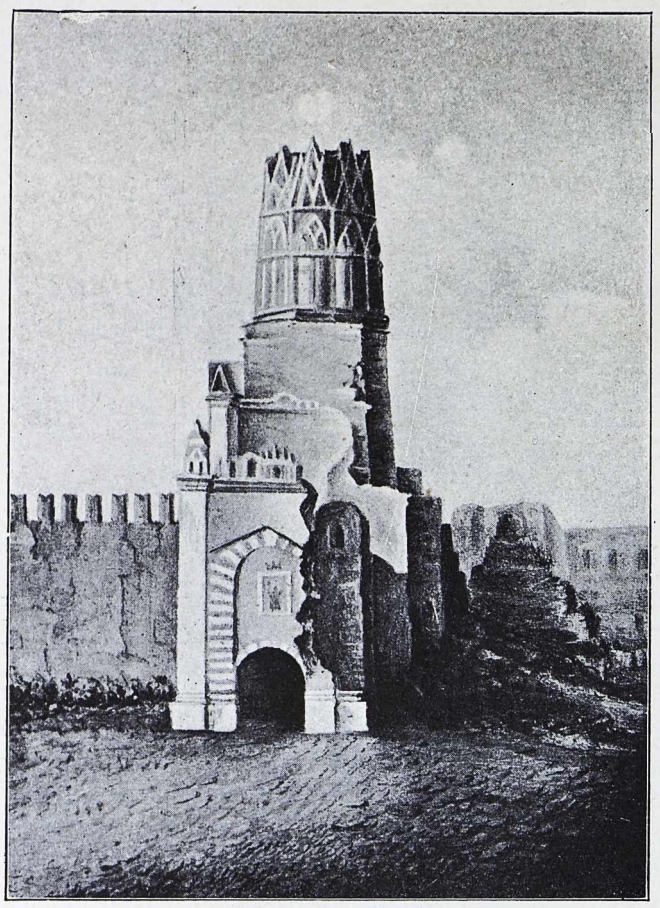
Французскіе гренадеры.

„Приведу еще нѣсколько фактовъ, характеризующихъ нашъ народъ. Одинъ русскій офицеръ, проѣзжая съ казаками по деревнѣ, въ окрестностяхъ Москвы, остановился у избы и спросилъ: „Нѣтъ ли у васъ французовъ?“ На неоднократно повторенный вопросъ, крестьянинъ робко отвѣтилъ: „Нѣтъ“, а потомъ сказалъ: „А ежели у меня найдется французъ, вы его не тронете?“ и офицеръ, войдя въ избу, увидалъ француза въ кругу семьи. „Онъ боленъ и усталъ, сказалъ крестьянинъ, какъ не пріютить его?“ Чтобы понять всю прелесть этого разсказа, надобно знать, что русскій народъ всегда недолюбливалъ

Французскій гренадеръ прячетъ знамя въ снѣгъ.

французовъ, а со времени войны крестьяне относятся къ нимъ съ вполнѣ понятной ненавистью. Этотъ случай говоритъ о человѣколюбіи народа, а вотъ другой случай, доказывающій его геройство: французы захватили въ Москвѣ нѣсколькихъ крестьянъ и хотѣли заставить ихъ сражаться въ рядахъ своего войска, а чтобы они не бѣжали, имъ ставили на рукѣ клейма подобно тому, какъ на заводахъ клеймятъ лошадей. Одинъ изъ крестьянъ спросилъ, что значитъ это клеймо; ему отвѣтили, что это знакъ того, что онъ теперь французскій солдатъ. „Какъ, я солдатъ Наполеона?“ воскликнулъ онъ и, схвативъ топоръ, отрубилъ себѣ руку и, кинувъ къ ногамъ присутствующихъ, сказалъ: „Нате вамъ ваше клеймо“.

Послѣднія войска Мортье вывелъ изъ Москвы 10-го октября, истребивъ понтоны, зарядные и патронные ящики. Въ 6 часовъ пополудни тронулся онъ съ молодою гвардіею; за нимъ слѣдовали сборныя изъ разныхъ депо команды и безлошадные кавалеристы. Когда наступила ночь, вдругъ выстрѣлили изъ пушки и раздался необычайный грохотъ; небо запылало багровымъ заревомъ; часть стѣнъ Кремлевскихъ взлетѣла на воздухъ, горѣлъ дворецъ. Это были погребальные факелы славы Наполеона.

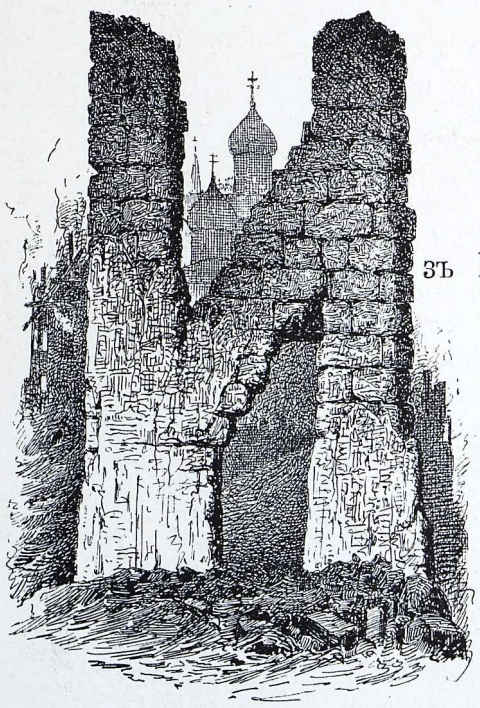


Никольская башня, взорванная 11-го октября 1812 г.
Съ оригинала музея П. И. Щукина.

„Въ самый день ухода французовъ,—разсказываетъ одна женщина-очевидецъ:—насъ разбудилъ въ нашемъ подвалѣ такой громъ и трескъ, что мы свѣта не взвидѣли. Земля дрожала подъ ногами, какъ живая, и мнѣ казалось, что еще минута, и своды подвала обрушатся надъ нашими головами. Раздался еще взрывъ, и камни градомъ полетѣли во всѣ стороны. Наконецъ, при третьемъ взрывѣ, такъ потрясло церковь надъ нами, что она треснула сверху донизу“. Не только Кремлевская площадь была покрыта известью, листовымъ желѣзомъ, сорваннымъ съ крышъ, и кирпичами, но все это летѣло за Москву-рѣку и Полянка была обсыпана.

„11-го октября въ 11½ ночи,—пишетъ Сегюръ:—воздухъ потрясся страшнымъ взрывомъ... Мортье выполнилъ данное ему приказаніе, и... Кремль приказалъ долго жить: бочки съ порохомъ были положены во всѣхъ покояхъ дворца и сто двадцать три тысячи килограммовъ (до 7.000 пудовъ) подъ сводами его. Маршалъ оставался на этомъ вулканѣ, который могъ взорваться отъ одного русскаго снаряда, и прикрывалъ движеніе арміи на Калугу, выходъ раненыхъ и другихъ обозовъ. Земля поколебалась отъ силы взрыва подъ ногами Мортье. За 80 верстъ, въ Фоминскомъ, Наполеонъ слышалъ этотъ взрывъ и въ гнѣвныхъ выраженіяхъ объявилъ объ немъ на другой день, изъ Боровска, Европѣ; объявилъ, что онъ оставляетъ эту помойную яму—Москву въ добычу русскимъ нищимъ и ворамъ, а самъ идетъ на Кутузова; отброситъ его и спокойно пройдетъ къ Двинѣ, гдѣ станетъ на зимнія квартиры. Потомъ, боясь, чтобы не подумали, будто онъ отступаетъ, Наполеонъ прибавилъ: „Такимъ образомъ я на 80 лье приблизился къ Вильнѣ и Петербургу, на 20 переходовъ сталъ ближе къ своимъ запасамъ и своей цѣли“ — отступленіе было представлено наступленіемъ.

Выходъ Наполеона съ арміей изъ Москвы черезъ Калужскую заставу.



ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Изъ Москвы Наполеонъ выѣхалъ по старой Калужской дорогѣ, намѣреваясь будто бы добраться до границъ Польши черезъ Калугу, Медынь, Ельню и Смоленскъ.

Отступившая французская армія растянулась на громадномъ пространствѣ. Въ этой колоннѣ почти въ 100 тысячъ человѣкъ, при 52 тысячахъ лошадей, при 550 пушкахъ и 2.000 артиллерійскихъ повозокъ, еще что-то напоминало воиновъ, которые покорили Европу—остальное походило на татарскую орду, возвращавшуюся съ удачнаго набѣга. На протяженіи трехъ-четырехъ безконечныхъ линій движенія царствовалъ хаосъ смѣшенія колясокъ и зарядныхъ ящиковъ, богатыхъ каретъ, везомыхъ маленькими лошадками, запряженныхъ веревками; въ нихъ награбленное добро и женщины. „Можно было подумать, говорятъ очевидцы, что это какой-то караванъ кочующаго народа, подобіе одной изъ древнихъ армій, возвращающейся послѣ грабежа съ рабынями и всякимъ добромъ“.

Наполеонъ, убѣдясь черезъ новое посольство въ русскій лагерь, что Кутузовъ не предпринялъ никакого движенія и стоитъ на старомъ мѣстѣ, выступилъ въ обходъ якобы русскихъ войскъ. Тьеръ въ своей исторіи одобряетъ планъ Наполеона, но на самомъ дѣлѣ великій полководецъ отлично понималъ, что его войска могли драться и защищать награбленную добычу, но не побѣждать. Графъ Беннигсенъ совершенно справедливо говоритъ о „намѣреніяхъ, которыя приписывались Наполеону при его движеніи на Малоярославецъ, что дѣлались они единственно съ цѣлью извинить или объяснить наше злополучное отступленіе. Увѣряли, будто Наполеонъ хотѣлъ пробиться сквозь нашу армію, чтобы овладѣть Калужской дорогой, перейти Оку и двинуться черезъ Малороссію, Подольскую или Волынскую губернію—но это была страшнѣйшая чепуха. Если бросить взглядъ на карту и отмѣтить на ней положеніе, которое занимали различные французскіе корпуса,

Генералъ-майоръ
Александръ Никитичъ Сеславинъ.

то нельзя будетъ удержаться отъ смѣха по поводу вышесказаннаго предположенія. Наполеонъ прибылъ въ Малоярославецъ, имѣя не болѣе 50—60.000 чел. войска и совершенно не имѣя ни кавалеріи, ни артиллеріи; можно ли думать, что онъ хотѣлъ съ этими незначительными силами пробиться сквозь грозную русскую армію, которая имѣла 30.000 чел. кавалеріи и 600 орудій. Вся остальная армія Наполеона, экипажи и складъ разныхъ предметовъ — были отправлены, подъ охраной гвардіи, на большую Смоленскую дорогу, и, какъ извѣстно, все это досталось въ руки нашихъ казаковъ. Слѣдовательно движеніе Наполеона на Малоярославецъ было вполнѣ естественнымъ и только могло имѣть цѣлью удалить насъ отъ его коммуникаціонной линіи, съ этой цѣлью имъ и дѣлались демонстраціи, чтобы лучше замаскировать свое отступленіе и прикрыть транспорты, — что ему и удалось какъ нельзя лучше. Говорятъ, будто одинъ французскій генералъ, находившійся въ Медынѣ, гдѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ, увѣрялъ, что ему было приказано обезпечить передвиженіе войскъ изъ Смоленска къ Калугѣ черезъ Юхновъ; это доказываетъ справедливость моихъ словъ, такъ какъ если бы Наполеонъ имѣлъ намѣреніе пройти изъ Калуги черезъ Малороссію, то какую пользу сослужила бы ему эта вредная дорога, коль скоро онъ, на первыхъ же порахъ, могъ бы быть отрѣзанъ русской арміей, если бы она преслѣдовала его? Ясно, что если Наполеонъ дѣйствительно отдалъ подобное приказаніе, то онъ предполагалъ воспользоваться этой военной дорогой для отступленія къ Смоленску. Достаточно сказать, что въ одномъ изъ бюллетеней мы вскорѣ прочли, будто непріятель хвасталъ тѣмъ, что ему удалось обмануть русскаго главнокомандующаго, повѣрившаго, что, совершая это движеніе, онъ намѣревался итти на Калугу“.

Наполеонъ, выйдя изъ Москвы (о чемъ далъ знать партизанъ Фигнеръ Кутузову, безпечно стоявшему въ Летешевкѣ), направился по старой Калужской дорогѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ онъ ѣхалъ въ этомъ направленіи, потомъ, въ серединѣ дня, на высотѣ Красной Пахры, вдругъ свернулъ съ арміей направо и черезъ поля, въ три перехода, дошелъ до новой дороги въ Калугу, прикрывъ свое движеніе корпусами Нея и остатками кавалеріи Мюрата. Письмо Бертье къ Кутузову, помѣченное днемъ выхода изъ Москвы, въ которомъ говорилось о вопросахъ человѣколюбія, было военною хитростью, имѣвшею цѣлью усыпить бдительность русскихъ и дать возможность выиграть день-другой спокойнаго отступленія.

Генералъ-лейтенантъ
Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Хитрость едва не удалась, но партизанъ Сеславинъ, смѣло пробравшись на Боровскую дорогу, открылъ движеніе Наполеона. Стоя на деревѣ въ лѣсу, онъ увидѣлъ карету, въ которой сидѣлъ Наполеонъ, окруженный своими маршалами и гвардіей. Не удовлетворившись этимъ, безстрашный Сеславинъ захватилъ еще отдѣлившагося отъ дороги, на опушкѣ лѣса, унтеръ-офицера старой гвардіи, связалъ его и, перекинувъ черезъ сѣдло, умчался съ нимъ. Свѣдѣнія, доставленныя имъ о по-

явленіи непріятеля съ этой стороны, заставили Кутузова послать къ Малоярославцу корпусъ Дохтурова, „который,—замѣчаетъ гр. Беннигсенъ:—очутился бы въ безвыходномъ положеніи, если бы непріятель могъ себѣ представить, что передъ нимъ находились столь незначительныя силы. Генералъ Дохтуровъ не замедлилъ донести объ этомъ, и князь Кутузовъ былъ вынужденъ двинуться къ нему съ остальной арміей“.

Всю ночь шелъ фельдмаршалъ изъ Тарутина съ корпусами гр. Строганова, Раевскаго, Бороздина, гвардіею и резервною кавалеріею. Милорадовичъ, съ корпусами кн. Долгорукова, гр. Остермана и конницею авангарда былъ позади. При выступленіи изъ лагеря, войскамъ казалось, что ихъ ведутъ назадъ. Молча, въ глубокомъ раздумьѣ промаршировали они долгую, темную ночь. На разсвѣтѣ послышался гулъ выстрѣловъ, которые становились съ каждымъ шагомъ яснѣе, и войска

Наполеонъ и его маршалы смотрятъ на бой подъ Малоярославцемъ.

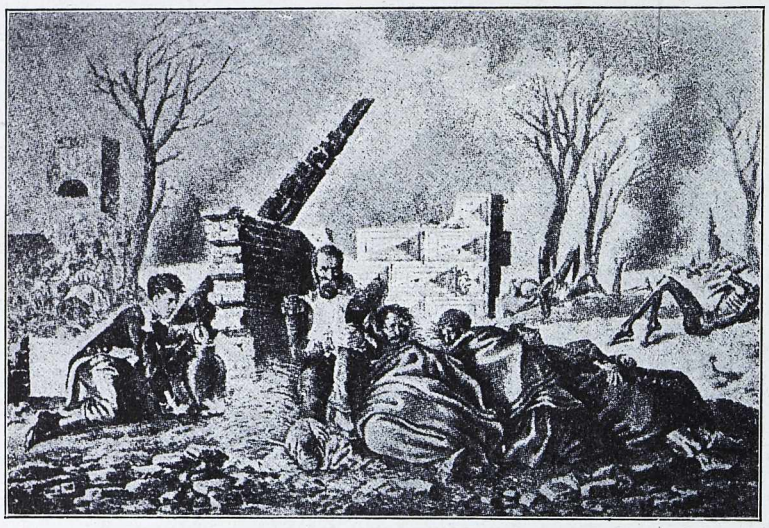
радостно увидѣли, что ихъ ведутъ въ начавшееся сраженіе. Переправясь черезъ рѣку Протву и не доходя 5-ти верстъ до Малоярославца, Кутузовъ приказалъ сдѣлать привалъ для отдыха, а корпусъ Раевскаго продолжалъ маршъ къ городу. Прибытіе его корпуса возстановило бой въ нашу пользу.

Войска Наполеона медленно подходили къ Малоярославцу и авангардъ ихъ уже занялъ этотъ городъ, такъ что главное препятствіе, казалось, счастливо миновало. Наполеонъ завтракалъ въ полѣ съ Мюратомъ, Бертье и генераломъ Ларибуазьеромъ, когда со стороны авангарда послышались пушечные выстрѣлы: подъ Малоярославцемъ началось сраженіе. Наполеонъ, сѣвъ на лошадь, поскакалъ по этому направленію. Адъютанту вице-короля, донесшему о вступленіи въ бой всѣхъ наличныхъ силъ, императоръ отвѣтилъ: „Поѣзжайте назадъ къ вице-королю и скажите, чтобы выпилъ чашу до дна—я приказалъ Даву поддержать его!“

Малоярославецъ переходилъ въ теченіе дня шесть разъ изъ рукъ въ руки. На нашей сторонѣ было то преимущество, что на занятой нами мѣстности могла дѣйствовать большая часть

пашей артиллеріи, тогда какъ непріятель стрѣлялъ только изъ 12-ти орудій. Городъ былъ весь уничтоженъ; направленіе улицъ видно было лишь по массѣ труповъ, которыми онѣ были устланы. Отъ домовъ остались груды развалинъ, изъ которыхъ торчали полуобуглившіеся трупы.

„Съ наступленіемъ темноты,—говоритъ гр. Беннигсенъ:—пальба прекратилась; мною было отдано приказаніе, чтобы за ночь, на холмахъ, находившихся передъ городомъ, были сооружены двѣ батареи, одна въ 60, другая въ 40 орудій; эти батареи господствовали надъ городомъ, и ихъ перекрестный огонь могъ бы защитить доступъ въ него, если бы Наполеонъ вздумалъ на слѣдующій день продолжать свои атаки на этотъ пунктъ. Кромѣ того, генералу Платову было поручено перебраться со всѣми казаками черезъ рѣчку Лушу и дѣйствовать противъ праваго фланга непріятеля. Представьте себѣ, въ какомъ критическомъ положеніи очутился въ эту минуту Наполеонъ, во главѣ ослабленной и упавшей духомъ арміи, терпѣвшей недостатокъ во всемъ, не имѣвшей ни кавалеріи, ни артиллеріи, ни обозныхъ лошадей, а главное, не имѣвшей средствъ къ существованію. Французская армія была въ нашихъ рукахъ. Рѣшился ли бы Наполеонъ на столь продолжительное отступленіе, и могъ ли бы онъ выполнить его на нашихъ глазахъ, имѣя въ тылу 30.000 кавалеріи, которая постоянно тревожила бы его, если бы мы имѣли возможность поддержать наши легкія войска нашими силами“. Положеніе Наполеона было очень серьезное,—опасное. Совѣщанія по этому поводу происходили въ деревнѣ Городнѣ. Маршалъ Бессіеръ и другіе генералы были того мнѣнія, что надобно отступить. Наполеонъ долго не рѣшался, но наконецъ, проведя цѣлый день въ осмотрѣ и изученіи мѣстности, такъ же, какъ и въ выслушиваніи мнѣній и совѣтовъ своихъ генераловъ, рѣшился отойти назадъ къ Можайску и затѣмъ отступить по старой разоренной дорогѣ. Судьба и на этотъ разъ благопріятствовала Наполеону, такъ какъ мы совершили также отступленіе отъ Малоярославца, по приказанію Кутузова, что было противно желаніямъ и духу арміи, а также не соотвѣтствовало даннымъ обстоятельствамъ.



Близъ Можайска.

Въ бою подъ Малоярославцемъ Дороховъ былъ раненъ пулей въ пятку и оставилъ военную службу. Въ 1815 году, живя въ Тулѣ и чувствуя приближеніе смерти, больной генералъ написалъ жителямъ Вереи завѣщаніе:

„Если вы слышали о ген. Дороховѣ, который освободилъ вашъ городъ въ 1812 году отъ враговъ отечества, то я прошу васъ въ воздаяніе за то дать мнѣ три аршина земли для вѣчнаго упокоенія при той церкви, гдѣ я приступомъ взялъ укрѣпленіе непріятеля, истребивъ его на-голову“.

Мѣстный комитетъ по сбору пожертвованій на сооруженіе памятника герою 1812 г. обратился съ воззваніемъ въ губернскую земскую управу.

Воззваніе напоминаетъ, что Дороховъ освободилъ Верею въ 1812 году отъ непріятеля и первый извѣстилъ о движеніи отступающихъ отъ Москвы французовъ на Калугу.

„Отступленіе изъ-подъ Малоярославца, замѣчаетъ гр. Беннигсенъ, было однимъ изъ роковыхъ событій кампаніи; оно имѣло столь пагубныя послѣдствія, что я хотѣлъ бы не говорить о немъ, дабы оно осталось невѣдомымъ потомству, но, описывая военныя дѣйствія этой кампаніи, я обязанъ описать все подробно. Письмо, которое я счелъ долгомъ написать Государю, чтобы предупредить его, показываетъ, что я предвидѣлъ всѣ послѣдствія, какія могли произойти, и предчувствовалъ, что Наполеону и главноначальствующимъ лицамъ его арміи удастся ускользнуть изъ нашихъ рукъ. Не я одинъ предупреждалъ Его Величество; находившійся въ нашей арміи англійскій генералъ Робертъ Вильсонъ, которому было разрѣшено сообщать Императору свои замѣчанія, писалъ ему тогда же и позднѣе въ томъ же смыслѣ“.

Когда прибылъ въ Тарутино Тормасовъ, 8-го октября, Кутузовъ поручилъ ему начальство надъ арміею (кромѣ корпусовъ, составлявшихъ авангардъ Милорадовича), предоставивъ себѣ только верховное распоряженіе дѣйствіями. Въ письмахъ Ростопчина къ графу П. А. Толстому, говорится:

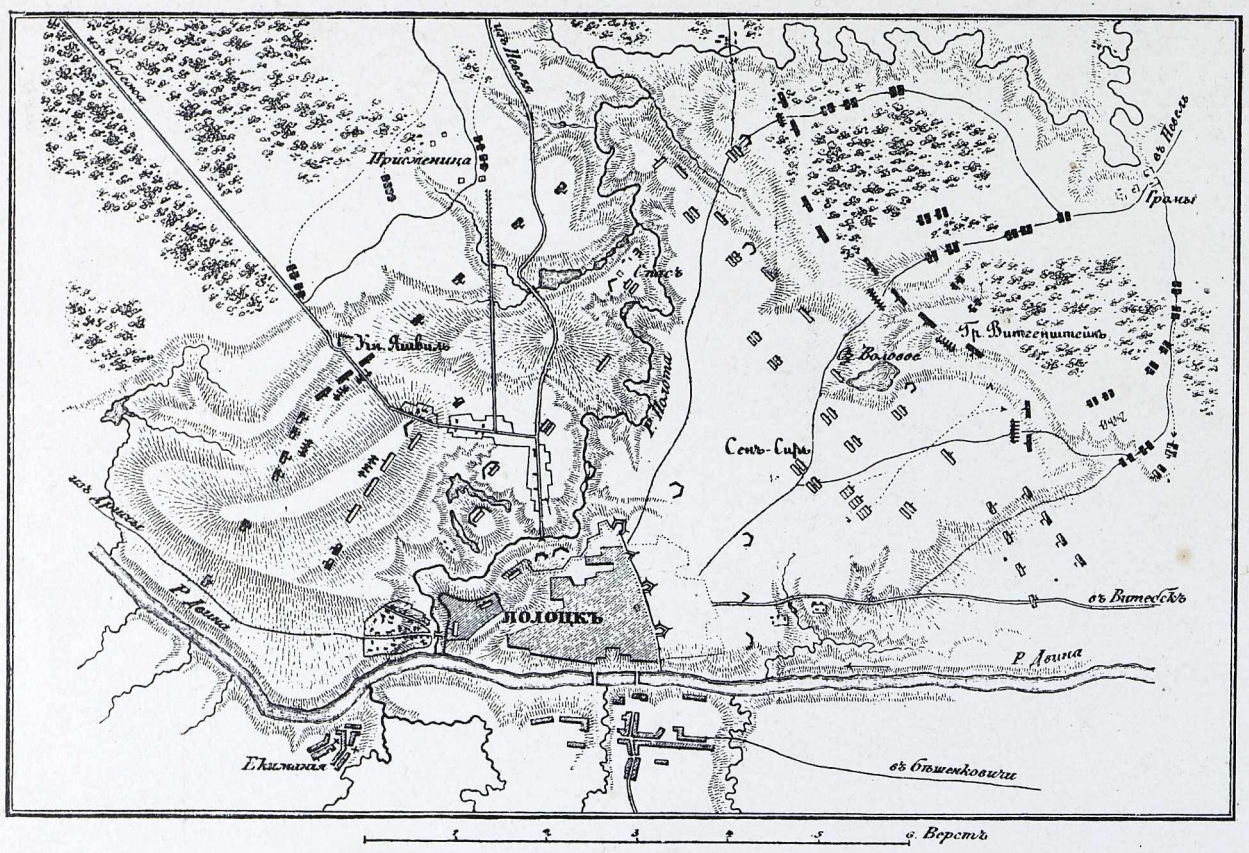
„Кутузовъ самый гнусный эгоистъ, пришедшій отъ лѣтъ и развратной жизни почти въ ребячество, спитъ и ничего не дѣлаетъ“. Въ руководящихъ сферахъ также не многіе отдавали должную справедливость Кутузову и понимали значеніе его бездѣйствія; напримѣръ, генералъ Кнорринг, который по поводу обвиненія фельдмаршала, что онъ спитъ по 18 часовъ въ сутки, сказалъ: „Слава Богу, что онъ спитъ; каждый день его бездѣйствія стоитъ побѣды. Онъ возитъ съ собою переодѣтую въ казацкое платье любовницу. Румянцевъ возилъ ихъ по четыре. Это не наше дѣло“. Послѣ всего этого немудрено, что переписка Александра 1 съ Кутузовымъ представляетъ не мало доказательствъ неудовольствія Государя, требовавшаго отъ него рѣшительныхъ дѣйствій.

На пути къ Можайску. Съ картины М. Оранжа.

По общему операціонному плану, начертанному самимъ Императоромъ Александромъ, приказано было графу Витгенштейну, усиленному въ продолженіе августа и сентября нѣсколькими резервными войсками и С.-Петербургскимъ ополченіемъ до 40.000 человѣкъ, переправиться, во время наступленія всѣхъ нашихъ армій, черезъ Двину, выше Полоцка при устьѣ р. Оболы, обойти Сенъ-Сира съ тыла, отбросить его въ Литву и, поручивъ его преслѣдованіе графу Штейнгелю съ финляндскимъ корпусомъ, итти къ Березинѣ на соединеніе съ адмираломъ Чичаговымъ.

Маршалъ Сенъ-Сиръ, пользуясь продолжительнымъ бездѣйствіемъ нашихъ войскъ, усилилъ свое расположеніе впереди Полоцка многочисленными полевыми укрѣпленіями. Городъ былъ окруженъ палисадами, а нѣсколько редутовъ устроено впереди его, по правому берегу Полоты и на пространствѣ между этою рѣчкою и Двиною, обращенномъ къ селу Громамъ; мостъ же выше Полоцка у Студни былъ прикрытъ тетъ-де-пономъ, а городъ Дисна, ниже Полоцка, занятъ отрядомъ баварцевъ, подъ начальствомъ генерала Штреля.

4-го октября войска наши тронулись изъ Сивошины къ Юровичамъ и Бѣлому, графъ Штейнгель перешелъ Двину и приблизился къ г. Диснѣ. 5-го числа авангардъ двухъ первыхъ колоннъ вытѣснилъ передовые отряды непріятеля изъ Юровичъ, а 6-го октября прогналъ непріятеля изъ с. Громы и преслѣдовалъ его по лѣсу, расположенному за этимъ селеніемъ; но когда русскіе приблизились къ опушкѣ лѣса и стали выходить на поляну, они были встрѣчены орудійнымъ огнемъ и атакованы конницею, которую прогнали за окопы. За авангардомъ шелъ, тремя колоннами, боевой корпусъ, который началъ выстраиваться впереди лѣса. Графъ Витгенштейнъ поѣхалъ для обзора на Витебскую дорогу, а Сенъ-Сиръ, примѣтя, что еще не всѣ наши войска вышли изъ лѣса, послалъ кавалерію въ атаку въ промежутокъ нашего лѣваго крыла и центра. Французы овладѣли стоявшею тамъ батареею и, раздѣлясь на двѣ части, хотѣли отбросить наше лѣвое крыло къ Двинѣ, а центръ и правое крыло къ Полотѣ. Но, для выполненія такого отважнаго предпріятія, оказались малочисленными. Къ пункту атаки понесся гр. Витгенштейнъ по самой цѣпи, осыпаемый пулями. Два эскадрона французовъ напали на его конвой и чуть не взяли въ плѣнъ графа, но подоспѣвшіе драгуны опрокинули французовъ и вернули только-что взятую ими нашу батарею.



Планъ сраженія при Полоцкѣ 6-го октября.

Стрѣлки центра, состоявшіе большею частью изъ ополченцевъ, бросились впередъ безъ приказанія и взяли передовыя укрѣпленія. Сенъ-Сиръ обошелъ ихъ съ тыла, овладѣлъ обратно редутами, но былъ въ свою очередь обращенъ вспять атакою въ штыки двухъ резервныхъ гвардейскихъ батальоновъ. Подкрѣпленный всѣмъ резервомъ, гр. Витгенштейнъ двинулся къ Воловому озеру. Раненый пулею Сенъ-Сиръ не оставлялъ поля сраженія, дѣлалъ нѣсколько нападеній на наше правое крыло и атаковалъ кавалеріею стрѣлковъ центра, потомъ сталъ медленно отступать въ свой укрѣпленный лагерь.

Во время этого сраженія, князь Яшвиль двинулся (въ 4 часа пополудни) противъ редутовъ, расположенныхъ на Себежской дорогѣ и обороняемыхъ частью дивизіи Мерля. Французы, не желая завязать дѣла, отступили, отстрѣливаясь, къ Полоцку. Графъ Штейнгель двигался весьма медленно, дойдя въ тотъ день до Полодовичей. Генералы Штрель и Корбано, посланные къ нему въ подкрѣпленіе, видя передъ собою слабые отряды русскихъ, остановились на рѣкѣ Ушачѣ.

Плохое состояніе дорогъ и дождливая погода сильно мѣшали сооруженію моста у Горянъ. Графъ Витгенштейнъ, боясь, чтобы Сенъ-Сиръ, пользуясь этимъ замедленіемъ, не напалъ на Штейнгеля, рѣшился не переправляться выше Полоцка черезъ Двину, но атаковать самый городъ, какъ скоро Штейнгель подойдетъ ближе и будетъ въ состояніи содѣйствовать нападенію. Этимъ онъ лишилъ себя возможности исполнить повелѣніе Государя и, дѣйствуя на правый флангъ Сенъ-Сира,

Сраженіе при Полоцкѣ. Съ картины Гессе, находящейся въ Зимнемъ дворцѣ.

отрѣзать его отъ главной арміи Наполеона, что при превосходствѣ нашихъ силъ было легко достижимо. 7-го октября поутру гр. Витгенштейнъ снова подвинулъ корпусъ изъ с. Громы, поставилъ его за авангардомъ и послалъ къ кн. Яшвилю приказаніе открыть артиллерійскій огонь, когда онъ замѣтитъ приближеніе Штейнгеля или отступленіе французовъ изъ Полоцка; въ послѣднемъ случаѣ Яшвиль долженъ былъ итти на приступъ. Такъ прошли утро и полдень въ бездѣйствіи съ нашей стороны. Между тѣмъ Сенъ-Сиръ получилъ донесеніе о приближеніи Финляндскаго корпуса и вступленіи авангарда его въ Рудню. Видя опасность своего положенія, маршалъ рѣшилъ оставить Полоцкъ и перейти за Двину; онъ хотѣлъ выждать вечера и до тѣхъ поръ занимать прежнюю позицію, а для безопасности переправы удержать Штейнгеля, для чего послалъ противъ него по одному полку отъ каждой пѣхотной дивизіи. Со своей стороны Штейнгель, дѣйствуя крайне медленно, остановился съ корпусомъ въ Бононіи, занимая авангардомъ Рудню. Генералъ Аме, командуя полками, посланными Сенъ-Сиромъ, умѣлъ удержать его въ продолженіе всего дня. Въ 4 часа пополудни Сенъ-Сиръ, отправивъ впередъ артиллерію, обозы, больныхъ и раненыхъ, приказалъ наконецъ отступить и дивизіи Леграна, далѣе всѣхъ стоявшей отъ Полоцка. Передъ началомъ этого отступленія, одинъ изъ французскихъ генераловъ имѣлъ „непостижимую глупость“, какъ выразился Сенъ-Сиръ, зажечь шалаши въ лагерѣ, чтобы не оставить ихъ русскимъ. Пламя пожара послужило вѣрнымъ знакомъ отступленія Сенъ-Сира. Немедленно всѣ наши батареи открыли огонь. Непріятель по всей линіи сталъ отходить къ городу. Наша артиллерія подвигалась за нимъ, громя Полоцкъ, и зажгла его въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пальба съ обѣихъ сторонъ продолжалась цѣлый вечеръ и часть ночи. Въ 2 часа пополуночи Витгенштейнъ приказалъ итти на приступъ, съ одной стороны генераламъ Властову и Дибичу, а съ другой полковнику Ридигеру. Они быстро ворвались въ слободы, но у города были задержаны палисадами, за которыми упорно защищались французы. Всего болѣе трудностей предстояло у западной заставы, гдѣ былъ деревянный мостъ, защищенный рогатками. Одна изъ дружинъ ополченія, ст. сов. Николева, первая подошла къ мосту. Охотники бросились въ оврагъ и перешли рѣку Полоту въ бродъ, овладѣли мостомъ и рогатками и, пролагая себѣ путь штыками и топорами, первые ворвались въ Полоцкъ. Сенъ-Сиръ съ главными силами былъ уже за Двиною. Графъ Витгенштейнъ въѣхалъ въ городъ до разсвѣта; поутру торжественно вошли войска, но, видя почти полное разореніе города, они возвратились во французскій лагерь, уютно устроенный съ дерновыми домиками съ каминами.

Въ Полоцкѣ остался небольшой авангардъ; на слѣдующій день совершены были въ соборѣ молебствіе о побѣдѣ и панихида по убитымъ. Едва окончилось торжество, какъ прибылъ отъ

Государя фельдъегерь, съ рескриптомъ, который, по Высочайшей волѣ, графу Витгенштейну должно было распечатать не ранѣе, какъ взявъ Полоцкъ. Графъ нашелъ въ немъ приказъ о производствѣ своемъ въ чинъ полнаго генерала.

Взятіе Полоцка важно тѣмъ, что очищенъ былъ правый берегъ Двины, тѣмъ не менѣе это не имѣло послѣдствій, указанныхъ общимъ операціоннымъ планомъ: дороги, ведущія къ Смоленску и къ главной французской арміи Наполеона, остались во власти Сенъ-Сира, который своимъ корпусомъ прикрывалъ главный путь непріятельскихъ сообщеній.

Графъ Беннигсенъ пишетъ: „13-го октября, до разсвѣта, наша армія отступила отъ Малоярославца къ деревнѣ Афанасовой (10 верстъ). Можно себѣ представить, каково было изумленіе Наполеона, когда онъ узналъ о нашемъ отступленіи, событіи для него столь счастливомъ, на которое онъ не могъ разсчитывать, и какъ былъ удивленъ, узнавъ, что мы продолжаемъ наше отступленіе, несмотря на то, что онъ насъ не преслѣдовалъ. 14-го числа мы снова отступили до Гончарова (21 верста), гдѣ наша армія имѣла 15-го числа дневку, а 16-го отошли къ Полотняному заводу (25 верстъ), въ 24 верстахъ отъ Калуги или отъ Оки. Такъ какъ казакамъ было приказано отступить одновременно съ прочими войсками, то мы не имѣли свѣдѣній о движеніи французской

Истребленіе французовъ при рѣкѣ Осьмѣ. Съ картины П. Гессе, находящейся въ Зимнемъ дворцѣ.

арміи; только 16-го числа нами было получено донесеніе, что Наполеонъ послѣдовалъ нашему примѣру и также отступилъ отъ Малоярославца“.

Тогда Кутузовъ тронулся изъ Полотнянаго завода и пошелъ черезъ Адамовское въ Кременское, гдѣ пересѣкаются дороги на Вязьму и Можайскъ. Въ тотъ же день Чичаговъ двинулся къ Пружанамъ, направляясь черезъ Слонимъ на Минскъ, оставя Саксена противъ Шварценберга и Ренье, оттѣсненныхъ за рѣку Бугъ. Наполеонъ ѣхалъ въ каретѣ и былъ одѣтъ въ собольей шапкѣ, зеленой курткѣ, обшитой соболями, съ золотыми бранденбургами и мѣховыхъ сапогахъ. Такъ одѣвался онъ все время отступленія. 19-го октября армія Кутузова выступила изъ Кременского въ Кузово, Милорадовичъ пошелъ къ Гжатску, а Платовъ по столбовой дорогѣ, гдѣ въ то же утро разбилъ у Колоцкаго монастыря арьергардъ Даву. Французы отступили, бросивъ 27 орудій. 20-го октября Милорадовичъ, не успѣвъ предупредить непріятеля въ Гжатскѣ, спустился черезъ Никольское къ Воронцову, а 21-го къ Спасску. Главная армія была 20-го въ Сулейкѣ, а 21-го въ Дубровѣ.

Съ каждымъ днемъ становилось холоднѣе и ночлеги на бивуакахъ были нестерпимы для французовъ; взятые ими запасы изъ Москвы скоро были уничтожены; солдаты стали ѣсть конину. Въ такомъ жалкомъ состояніи французская армія достигла Вязьмы. 21-го октября командовавшіе передовыми войсками Милорадовича принцъ Евгеній Виртембергскій и генералы Васильчиковъ и

Корфъ приблизились къ большой дорогѣ и увидали непріятельскую армію, шедшую въ большомъ безпорядкѣ. Желая этимъ воспользоваться, они предложили Милорадовичу атаковать французовъ всѣмъ авангардомъ. Загорѣлось славное дѣло подъ Вязьмою 22-го октября. Съ величайшимъ трудомъ и только при помощи вице-короля и Нея, воротившихся изъ Вязьмы къ мѣсту сраженія, Даву, атакованному съ фланга Милорадовичемъ и тѣснимому сзади Платовымъ, удалось пробраться изъ Ѳедоровскаго въ Вязьму. Въ полдень Милорадовичъ, получа въ подкрѣпленіе корпусъ Уварова, подошелъ къ Вязьмѣ и овладѣлъ ею, послѣ упорной обороны со стороны непріятеля. Послѣ этого сраженія Кутузовъ приказалъ: Милорадовичу слѣдовать по пятамъ французовъ и тѣснить ихъ, а Платову и графу Орлову-Денисову стараться съ правой и лѣвой сторонъ дороги опережать ихъ однимъ переходомъ; Давыдову и графу Ожаровскому приблизиться къ Смоленску. Кутузовъ постоянно имѣлъ въ виду не сражаться съ Наполеономъ, а удержать его на разоренной Смоленской дорогѣ и выморозить на ней голодомъ. Сторонникамъ же болѣе рѣшительныхъ мѣропріятій говорилъ: —„Наша молодежь сгоряча досадуетъ на меня старика за то, что удерживаю ея порывы. Надлежало бы имъ сообразить, что обстоятельства сами собою болѣе сдѣлаютъ, чѣмъ наше оружіе“.

Шелкомъ шитая плащаница Успенскаго собора въ Москвѣ, отбитая казаками и принесенная въ даръ Смоленскому собору.

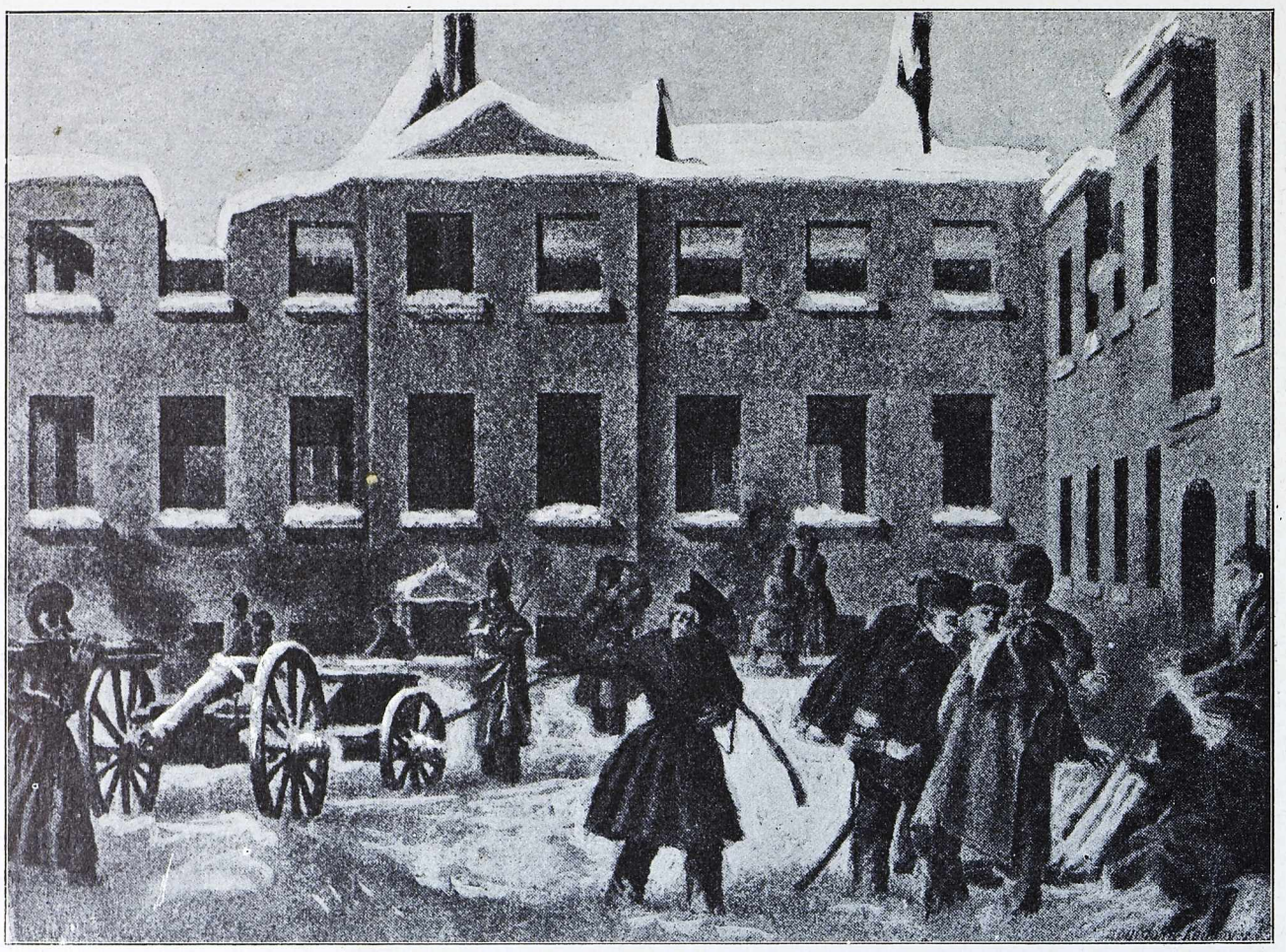
24-го октября наша армія перешла въ д. Красную; Милорадовичъ прибылъ къ Зарубежу, на большой Смоленской дорогѣ, по которой шла, или вѣрнѣе бѣжала, армія Наполеона, преслѣдуемая передовыми войсками Милорадовича подъ начальствомъ генералъ-майора Юрковскаго, который, прогнавъ непріятеля съ берега рѣки Осьмы, подошелъ къ Дорогобужу, гдѣ находился Ней. Вице-король, по приказанію Наполеона, слѣдовалъ къ Ульховой слободѣ и Духовщинѣ, чтобы оттуда спѣшить въ Витебскъ, на подкрѣпленіе дѣйствовавшихъ на Двинѣ и тѣснимыхъ гр. Витгенштейномъ корпусовъ. Гжатскъ былъ взятъ съ боя Юрковскимъ; Милорадовичъ повернулъ оттуда на Алексѣевское. По столбовой дорогѣ за непріятелемъ пошли Карпенковъ и Юрковскій. Платовъ потянулся вправо за вице-королемъ.

Священникъ Мурзакевичъ. Съ оригинала музея въ Смоленскѣ княгини М. К. Тенишевой.

27-го октября Юрковскій догналъ и опрокинулъ, у пепелища села Усвята за рѣкою Ужею, французскій арьергардъ, взялъ 19 орудій и, преслѣдуя непріятеля до Михалевки, захватилъ 2.000 плѣнныхъ. Изъ Михалевки Юрковскій поспѣшилъ къ Соловьевой переправѣ, гдѣ на другой день получилъ приказъ примкнуть къ Милорадовичу. На большой дорогѣ остался полковникъ Карпенковъ съ 1 егерскимъ, 1 драгунскимъ и 1 казачьимъ полками и 4 орудіями. Послѣ сильной перестрѣлки съ непріятелемъ, старавшимся уничтожить

мостъ на Днѣпрѣ, Карпенковъ перебрался, 29-го числа, черезъ рѣку по тонкому льду. Французы бросили 12 орудій, обозы и бѣжали къ Смоленску. Нашъ отрядъ остановился у Валутиной горы, откуда долженъ былъ соединиться вправо съ Платовымъ. Лѣвѣе отъ столбовой дороги были партизаны: Давыдовъ, Сеславинъ и Фигнеръ.

Во время марша главной арміи къ Ельнѣ, подошли они къ Ляхову, гдѣ стоялъ отрядъ генерала Ожеро, составлявшій авангардъ генерала Бараге д'Илье, выдвинутаго изъ Смоленска къ Долгомостью, для занятія дороги въ Калугу. Наши партизаны пригласили гр. Орлова-Давыдова, находившагося недалеко отъ нихъ, принять участіе въ нападеніи на Ожеро, котораго и заставили сдаться съ 60 офицерами и 2.000 рядовыхъ. Кирасиры, высланные изъ Долгомостья для подкрѣпленія Ожеро, были опрокинуты и большинство изъ нихъ перебито. Бараге д'Илье возвратился поспѣшно въ Смоленскъ, оставивъ такимъ образомъ этотъ городъ безъ защиты съ южной стороны, откуда подходилъ Кутузовъ.



Оставленіе города Смоленска арміей Наполеона.

Платовъ, преслѣдуя въ это же время корпусъ вице-короля по дорогѣ въ Духовщину, подобралъ до 3.000 отсталыхъ и 64 пушки, брошенныхъ непріятелемъ. Затѣмъ догналъ французовъ на Вопѣ, гдѣ напоромъ льда снесло только-что наведенный ими мостъ. Вице-король Енгеній приказалъ войскамъ своимъ перейти рѣку въ бродъ, что стоило имъ всего обоза, 25 орудій и 2.000 плѣнныхъ.

Среди успѣховъ передовыхъ отрядовъ Кутузовъ продолжалъ свое фланговое движеніе, повторяя въ окрестностяхъ Смоленска маневръ, произведенный имъ подъ Москвою, съ Рязанской дороги на Калужскую. Проведя два дня въ Ельнѣ, Кутузовъ выступилъ оттуда 29-го къ Валутину, 30-го перешелъ въ Лобово, на дорогѣ въ Рославль, имѣлъ тамъ дневку и 1-го ноября прибылъ въ Щелканово, на дорогѣ въ Мстиславль, ставъ на одной высотѣ съ Наполеономъ. Изъ Щелканова были посланы отряды гр. Орлова-Денисова и гр. Ожаровскаго къ Красному узнать, что дѣлается на главномъ пути непріятельскихъ сообщеній.

Дорогою въ Пронинъ гр. Орловъ-Денисовъ разогналъ непріятельскія депо, взялъ въ плѣнъ 1.300 чел., транспортъ лошадей и обозъ съ хлѣбомъ и виномъ; потомъ, напавъ ночью въ Червонномъ на часть Понятовскаго, посланнаго въ Могилевъ, заставилъ его вернуться въ Смоленскъ. Тутъ же гр. Орловъ-Денисовъ узналъ и увѣдомилъ Кутузова, что Наполеонъ отказался отъ своего намѣренія остановиться въ Смоленскѣ, и что армія его начинаетъ отступать къ Красному, въ вели-

Взятіе подъ Краснымъ обоза маршала Даву лейбъ-гвардіи Уланскимъ Его Величества полкомъ.
Съ картины П. Н. Грузинскаго.

чайшемъ безпорядкѣ. Получивъ это донесеніе, Кутузовъ усилилъ гр. Орлова-Денисова вновь сформированными отрядами Бороздина и Крыжановскаго, приказавъ Милорадовичу немедленно выступить къ Красному, куда намѣревался направиться и самъ съ главною арміею.

Наполеонъ пришелъ въ Смоленскъ 29-го октября и здѣсь получилъ горестныя извѣстія, что Кутузовъ продолжаетъ обходить его слѣва, направляясь къ Днѣпру, что Витебскъ взятъ русскими, и Викторъ и Сенъ-Сиръ отчаиваются остановить наступательныя дѣйствія гр. Витгенштейна, и что Чичаговъ идетъ на Минскъ. Невозможность оставаться въ Смоленскѣ была очевидна, и Наполеонъ 2-го ноября выступилъ къ Красному.

Французскій офицеръ де-Пюибюскъ писалъ изъ Смоленска слѣдующее:

„За нѣсколько дней передъ выступленіемъ изъ Москвы, данъ былъ по всей арміи приказъ, подобнаго которому тщетно искать въ лѣтописяхъ человѣчества. Повелѣно каждому корпусному командиру представить вѣдомости съ показаніями: 1) числа раненыхъ, которые могутъ выздоровѣть въ одну недѣлю; 2) числа раненыхъ, которые могутъ выздоровѣть черезъ двѣ недѣли и черезъ мѣсяцъ; 3) о числѣ тѣхъ, которые должны умереть черезъ двѣ недѣли, и тѣхъ, которые умрутъ черезъ недѣлю, а также о числѣ солдатъ, которые еще въ силахъ нести ружье и сражаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало повелѣніе, чтобы заботиться и прилагать попеченіе лишь о тѣхъ больныхъ, которые могутъ выздоровѣть въ недѣлю, а остальныхъ предоставить ихъ судьбѣ.

Эпизодъ изъ бѣгства французовъ. Съ картины Филиппото.

„Я молчу, пускай собственное ваше чувство скажетъ вамъ, какъ судить о такомъ распоряженіи?

„Армія оставляетъ Смоленскъ; производятся работы, чтобы взорвать укрѣпленія. За недостаткомъ лошадей, рѣшено сжечь большую часть артиллерійскихъ снарядовъ и безчисленное множество другихъ военныхъ запасовъ; только провіантъ берутъ съ собою. Пять тысячъ больныхъ и раненыхъ остаются здѣсь; имъ не положено провіанта; съ большимъ трудомъ упросили оставить несчастнымъ больнымъ нѣсколько кулей муки. Доктора и прочіе госпитальные служители, оставленные смотрѣть за больными, скрылись, боясь попасть въ плѣнъ или быть убитыми.

„Опасность увеличивается; въ послѣдніе пять дней былъ я четыре раза на волосъ отъ смерти; меня покушались убить. Офицеры нѣмецкіе и итальянскіе, бывшіе на караулѣ у винныхъ магазиновъ, сами выломали двери и напились вмѣстѣ съ другими своими товарищами: въ пьяномъ видѣ они поссорились, и дѣло дошло до драки. Солдаты воспользовались ихъ ссорой, и сами напились; узнавъ о случившемся, я немедленно поспѣшилъ съ солдатами къ виннымъ магазинамъ, опьянѣвшіе офицеры и солдаты бросились на насъ со штыками. И немалаго стоило труда обезоружить ихъ и выгнать изъ магазина. Къ несчастью, они сами себя наказали: въ пьяномъ видѣ они заснули вблизи магазина и ночью замерзли; сегодня найдены ихъ мертвыя тѣла.

„Подобные случаи и другія болѣе ужасныя сцены наблюдаются каждый день. Солдаты обкрадываютъ другъ друга безъ всякаго стыда и не боясь наказанія; нѣкоторые пожираютъ въ одинъ день все, что имъ дано на цѣлую недѣлю, и умираютъ отъ объяденія или подвергаются смертельнымъ болѣзнямъ; другіе опиваются виномъ, которое было бы для нихъ полезно при умѣренномъ его употребленіи. Словомъ, армія забыла дисциплину, порядокъ и разсчетливость, каждый живетъ такъ, какъ будто сегодняшній день послѣдній въ его жизни. Эти до настоящаго времени

храбрые и послушные воины поражены такимъ ужасомъ и сумасшествіемъ, что сами добровольно ускоряютъ свою жизнь.

„Наполеонъ идетъ со своею гвардіею и пѣхотою; о кавалеріи и думать нечего: ея нѣтъ. Я не знаю, гдѣ онъ возьметъ конницу, необходимую для передовыхъ разъѣздовъ. Артиллеріи также почти нѣтъ; небольшое количество артиллерійскихъ лошадей едва въ состояніи сдѣлать 6 дней пути, а до Вильны отсюда 12 дней пути. Собраны всѣ сани, сколько ихъ нашлось въ городѣ, и, несмотря на то, что я чрезвычайно боленъ, и едва могу держаться на ногахъ, я принужденъ ѣхать верхомъ. Сколько просьбъ стоило мнѣ, не говоря уже о деньгахъ, чтобы только подковали мою лошадь! Весь мой багажъ принужденъ я оставить въ Смоленскѣ“.

Подвигъ маршала Нея.

1-го ноября, близъ города, на Покровской горѣ, появились казаки, а 2-го числа показалась и русская армія; французы спѣшили оставить городъ и 5-го ноября покинули его. Наполеонъ распорядился взорвать крѣпостныя башни; были подведены мины подъ всѣ башни, но взорвать успѣли лишь 8, остальныя были спасены егерскимъ полкомъ майора Горихвостова, занявшаго городъ тотчасъ по оставленіи его непріятелемъ. Озлобленные жители бросились на французскихъ мародеровъ, не послѣдовавшихъ за своими войсками, ихъ бросали въ пламя горѣвшихъ зданій, топили въ прорубяхъ р. Днѣпра. Пожаръ вновь разлился по городу какъ отъ взрывовъ башенъ, такъ равно и вслѣдствіе того, что враги по домамъ разсыпали порохъ и вставляли въ кучу его зажженныя свѣчи.

Далѣе Пюибюскъ писалъ отъ 3-го ноября:

„Здѣсь остается еще часть третьяго корпуса, составляющаго арьергардъ арміи. Сегодня морозъ 25 градусовъ, непріятельскія ядра летаютъ надъ нашими головами. Въ городѣ въ разныхъ мѣстахъ пожаръ; привлеченный шумомъ, пробѣгаю по разнымъ улицамъ; какое ужасное зрѣлище представляютъ бѣдные наши солдаты. Черныя, впалыя лица, изнуренные; изорванныя лохмотья, которыми они окутаны, придаютъ имъ видъ чудовищъ, особенно среди дыма и пламени пожара.

Но ничто такъ не поражаетъ сердце, какъ видъ многихъ солдатскихъ женъ, которыя, несмотря на запрещеніе, слѣдовали за арміей; несчастныя, сами полуокостенѣлыя отъ холода, лежатъ на соломѣ и стараются согрѣть дыханіемъ своимъ и слезами маленькихъ дѣтей своихъ, и тутъ же въ объятіяхъ ихъ умираютъ отъ голода и стужи.

„Вчерашній день императорская гвардія выступила изъ города чрезъ Виленскія ворота по направленію къ г. Красному. Тѣснота была ужасная, самого Наполеона чуть не задавили. Многіе раненые убѣжали изъ госпиталей и тащились, какъ могли, до самыхъ городскихъ воротъ, умоляя всякаго, кто только ѣхалъ на лошади, или въ саняхъ, или въ повозкѣ, взять ихъ съ собою; но никто не внималъ ихъ воплямъ; всякъ только о своемъ спасеніи думалъ. Черезъ нѣсколько часовъ я съ главнымъ штабомъ оставлю городъ; непріятель ожидаетъ насъ впереди на дорогѣ“.

Ужасную картину представлялъ Смоленскъ по выходѣ изъ него непріятеля: улицы, площади, дворы усѣяны были трупами людей и животныхъ; въ разныхъ мѣстахъ валялись зарядные ящики, пушки, различнаго рода оружіе, снаряды и т. п. Храмы разграблены и осквернены, колодцы загрязнены нечистотами и трупами. Уборка и очистка города продолжалась болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Французы близъ Березины.

По оставленіи Смоленска французами возвратилась въ городъ и чудотворная икона Божіей Матери, которая была вынесена изъ Смоленска артиллерійскою ротою полковника Глухова и съ этихъ поръ неотлучно находилась среди войскъ въ 3-й гренадерской дивизіи. Каждый разъ какъ при началѣ, такъ и по окончаніи битвы, для всѣхъ участвующихъ въ сраженіи Небесная Заступница была истиннымъ прибѣжищемъ, подавала имъ бодрость и крѣпость силъ, одушевляла ихъ, а умирающимъ на полѣ брани служила утѣшеніемъ въ послѣднія минуты жизни. Самые враги могли убѣдиться, что только одна непреклонная вѣра въ покровительство и силу Пресвятыя Владычицы и Заступницы рода христіанскаго могла придавать столь необыкновенную храбрость сражающимся и вести ихъ къ побѣдамъ.

Наканунѣ Бородинской битвы, 25-го августа, икона Смоленской Божіей Матери обносима была по всѣмъ рядамъ войскъ и передъ нею совершено было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ въ присутствіи главнокомандующаго и всей арміи, а также св. икона находилась при арміи во время преслѣдованія бѣжавшаго непріятеля изъ Россіи. Когда, послѣ совершеннаго уничтоженія подъ Краснымъ корпуса французскаго маршала Нея, сообщеніе нашей арміи съ Смоленскомъ сдѣлалось свободнымъ, чудотворная икона Божіей Матери по распоряженію главнокомандующаго всѣми русскими арміями князя Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова возвращена была въ Смоленскъ.

Переправа черезъ Березину французской арміи.

Препровождая ее, дежурный генералъ-лейтенантъ Коновницынъ писалъ къ старшему въ городѣ духовному чину: „Августа 6-го дня сего года, при оставленіи нашими войсками Смоленска, святая чудотворная икона Смоленской Божіей Матери взята была артиллерійскою ротою, командуемою полковникомъ Глуховымъ, и съ того времени находилась при полкахъ 3-й пѣхотной дивизіи, кои во всѣхъ дѣлахъ своихъ противъ непріятеля охраняли оную въ рядахъ своихъ. Войска съ благоговѣніемъ зрѣли посреди себя сей св. образъ и считали оный благопріятнымъ залогомъ Всевышняго Милосердія. При одерживаніи надъ непріятелемъ важныхъ побѣдъ и успѣховъ, приносили всегда благодарственныя молебствія предъ иконою.

„Нынѣ же, когда Всемогущій Богъ благословилъ россійское оружіе и съ пораженіемъ врага городъ Смоленскъ очищенъ, я, по волѣ главнокомандующаго всѣми арміями, Его Свѣтлости Генералъ-Фельдмаршала, Князя Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова, препровождаю святую икону Смоленской Божіей Матери обратно, да водворится оная на прежнемъ мѣстѣ и прославляется въ ней русскій Богъ, чудесно карающій наконецъ кичливаго врага, нарушающаго спокойствіе народовъ.

„Съ симъ вмѣстѣ слѣдуютъ учиненные образу вклады и приношенія: 1.810 руб. ассигн., 5 червонныхъ золотомъ и серебра въ лому, отбитаго у непріятеля, одинъ пудъ. Ноября 8-го дня 1812 года. Главная квартира. Деревня Добрянка“.

Чудотворная икона Божіей Матери находилась въ русской арміи около трехъ мѣсяцевъ. Современники, провожавшіе и встрѣчавшіе св. икону, были поражены совпаденіемъ времени, когда за молебномъ, совершеннымъ въ первый разъ по возвращеніи ея въ городъ изъ арміи, услышали слова Евангелія: „*Пребысть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы, и возвратися въ домъ свой*“. (Ев. Луки I—56).

Французы на правомъ берегу Березины 15-го ноября 1812 г.

Подъ Ошмянами 23-го ноября 1812 г.

Такъ какъ Смоленскъ былъ очищенъ непріятелемъ 5-го ноября, то въ воспоминаніе этотъ день празднуется ежегодно торжественнымъ богослуженіемъ въ надворотной церкви Божіей Матери. Здѣсь, наканунѣ 5-го ноября, отправляется всенощное бдѣніе съ чтеніемъ акаѳиста предъ иконою Божіей Матери, а въ самый день праздника, послѣ литургіи, совершается благодарственное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому и вѣчной памяти Государю Императору Александру I и всѣмъ воинамъ, положившимъ животъ свой за вѣру и отечество.

Св. икона торжественно была встрѣчена 10-го ноября жителями Смоленска съ крестнымъ ходомъ, вышедшимъ изъ собора, и поставлена въ Успенскій каѳедральный соборъ, такъ какъ надворотная церковь тогда еще не была освящена. Въ каѳедральномъ соборѣ хранится также икона смоленскихъ святыхъ, написанная въ 1813 г. для поднесенія Кутузову, съ изображеніемъ пожара Смоленска въ 1812 г. и драгоцѣнная старинная плащаница,—вкладъ Вел. Кн. Владиміра Андреевича, двоюроднаго брата Іоанна Грознаго, Успенскому собору въ Москвѣ (1561 г.); отбита казаками у французовъ и подарена въ Смоленскій соборъ.

Послѣ 12-го года Смоленская стѣна была совсѣмъ заброшена и постепенно разрушалась. Изъ военнаго вѣдомства ее въ 1844 г. передали въ гражданское, которое постановило разобрать 3 башни и стѣну на протяженіе болѣе версты. Но не успѣли разобрать и 30 саженъ, какъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, на докладѣ объ этомъ министра 7-го іюня 1868 г., написалъ слѣдующія достопамятныя строки:

„*Смоленская городская стѣна, представляющая собою одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Отечественной исторіи, назначена къ сломкѣ. Было бы желательно болѣе внимательное охраненіе древнихъ памятниковъ, имѣющихъ, подобно Смоленской стѣнѣ, особое историческое значеніе*“.

Слово царя—законъ. Въ силу этого разборка Смоленской стѣны была немедленно остановлена, и стѣна была передана въ вѣдѣніе сначала земства, а съ 1889 г.—Высочайше утвержденной комиссіи по охраненію Смоленской стѣны.

Милорадовичъ достигъ Красненской дороги 3-го ноября въ 4-мъ часу пополудни, въ то самое время, когда тянулась по ней французская гвардія, которую велъ Наполеонъ. Началось четырехдневное знаменитое сраженіе подъ Краснымъ.

Императоръ Александръ издалъ 3-го ноября благодарственный манифестъ къ народу и всѣмъ сословіямъ за безпримѣрное единодушіе въ священномъ дѣлѣ защиты отечества. Въ то же время предписано было Государемъ: двинуть впередъ большую часть резервовъ; князю Лобанову-Ростовскому перейти съ 67 батальонами изъ Арзамаса въ Орелъ; Кологривову съ 94 эскадронами изъ Мурома въ Новгородъ-Сѣверскій, артиллерійскимъ резервамъ изъ Нижняго-Новгорода въ Брянскъ, а изъ Костромы въ Великія Луки. Графу Толстому приказано было, съ 46.000 ополченія 3-го округа, выступить изъ Приволжскихъ губерній въ Малороссію. Ярославскому и Тверскому земскому войску занять Витебскую и сѣверную часть Смоленской губерніи. Владимірское, Московское, Смоленское и Калужское ополченія занимали Москву и другіе отнятые у непріятеля города и стояли этапами по дорогамъ, для сопровожденія плѣнныхъ и транспортовъ.

Остатки штаба принца Виртембергскаго подъ Сморгонью 23-го ноября 1812 г.

Графъ Л. Л. Беннигсенъ, описывая сраженіе подъ Краснымъ, говоритъ:

„Оно послужитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что Кутузовъ твердо рѣшилъ не приближаться къ непріятелю, съ цѣлью преградить ему путь. Никакія соображенія, никакія данныя, предвѣщавшія окончательную гибель непріятельской арміи, которая была бы вынуждена бѣжать, если бы онъ захотѣлъ дать ей генеральное сраженіе, ничто не заставило его рѣшиться нанести вѣрный ударъ, безъ большого кровопролитія. Я уже говорилъ, что 5-го ноября мы были въ Шиловѣ, приблизительно въ 10-ти верстахъ отъ Краснаго, на большой дорогѣ, по которой Наполеонъ неизбѣжно долженъ былъ пройти. Наша главная квартира разослала диспозицію къ атакѣ на слѣдующій день; замѣтимъ, что она составлялась вовсе не для того, чтобы быть выполненной, а, какъ увидимъ, только для того, чтобы о ней можно было упомянуть въ донесеніи. Рано утромъ, 6-го ноября, я сѣлъ на коня, чтобы присутствовать при атакѣ, хотя я не могъ себѣ представить, какъ мы могли атаковать непріятеля, который бѣжалъ отъ насъ и былъ разсѣянъ на протяженіи болѣе 100 верстъ. Каково же было мое удивленіе, когда, выѣхавъ изъ деревни, въ которой помѣщалась наша главная квартира,

Наполеонъ на дорогѣ отъ Смоленска къ Вильнѣ. Съ картины В. В. Верещагина.

я очутился позади длинной цѣпи казаковъ, разставленныхъ ведетами; за центромъ этихъ аванпостовъ я увидѣлъ Кутузова, въ саняхъ, окруженнаго свитою. Я спрашивалъ всѣхъ, что это значитъ, гдѣ наши войска, гдѣ армія? Мнѣ отвѣчали, что она впереди, и я увидѣлъ армію, стоявшую на позиціи въ двухъ пунктахъ, которые были ей указаны и были удалены на хорошій пушечный выстрѣлъ отъ большой дороги, по которой непріятель прошелъ, не останавливаясь. Главныя силы нашей арміи, подъ начальствомъ генерала Тормасова, находились въ окрестностяхъ Краснаго; остальныя войска, подъ командой генерала князя Дмитрія Голицына, стояли приблизительно въ 4-хъ верстахъ вправо оттуда. Я подъѣзжалъ сперва къ этимъ войскамъ и въ первый моментъ не могъ дать себѣ яснаго отчета, не понимая еще всей хитрости этого маневра. Я обратился къ князю Голицыну съ вопросомъ, какія ему даны приказанія. Ему было указано оставаться на этой позиціи до полученія дальнѣйшихъ приказаній; тогда мнѣ все стало ясно. Въ самомъ дѣлѣ, было бы достаточно занять нашими сосредоточенными силами большую дорогу, отъ которой мы находились на разстояніи орудійнаго выстрѣла, чтобы преградить Наполеону путь; это мы могли бы сдѣлать и два дня раньше. Наша артиллерія стрѣляла до вечера, не причинивъ непріятелю особеннаго вреда. Онъ, со своей стороны, выставилъ противъ насъ всего четыре орудія, которыя посылали намъ отъ времени нѣсколько ядеръ или гранатъ.

„Французы двинули два батальона молодой гвардіи, чтобы прикрыть большую дорогу, одинъ изъ нихъ сталъ передъ позиціей, занятой генераломъ Тормасовымъ, а другой передъ позиціей князя Голицына. Перваго атаковалъ батальонъ нашихъ гвардейскихъ егерей, а второго—батальонъ армейскаго Ревельскаго полка. Оба непріятельскихъ батальона, численностью самое большое въ 300 человѣкъ, слишкомъ удалились отъ своей колонны и поэтому не могли быть поддержаны ею; большая часть солдатъ была убита; остальные разбѣжались. Я долженъ прибавить, что мы видѣли всего 400 чел. непріятельской кавалеріи, которые не рѣшались выйти на равнину и простояли спокойно весь день близъ Ней; Миларадовичъ отрѣзалъ его отъ большой дороги и потребовалъ, чтобы онъ сдался со своимъ корпусомъ. Маршалъ Ней не подчинился этому требованію и рѣшилъ поискать ночью проселочную дорогу, по которой, совершивъ обходъ, онъ спасся приблизительно съ 2.500 чел.; остальная часть его корпуса, ослабленная и частью разсѣянная, сдалась отдѣльными бандами“.

Генералъ Вильсонъ.

Во время отступленія, среди поголовнаго отчаянія и безпорядка, Ней явилъ себя „бравымъ изъ бравыхъ“. Брошенный маршаломъ Даву въ Смоленскѣ на произволъ судьбы, Ней потерялъ почти всѣхъ солдатъ, обозъ, артиллерію и окольными путями, черезъ болота и лѣса, съ небольшой кучкой людей добрался до Наполеона, а когда герцогъ Экмюльскій началъ оправдываться въ своемъ поступкѣ—Ней отвѣтилъ: „Я не укоряю васъ, господинъ маршалъ—Богъ видитъ насъ и судитъ васъ“.

Наполеонъ въ кофейнѣ Литтенштейна въ предмѣстьѣ Вильны. Съ оригинала музея П. И. Щукина.

Сжиганіе французами знаменъ при бѣгствѣ изъ Россіи въ 1812 г.
Съ картины А. Коссака.

„Ней,—говоритъ Сегюръ:—понималъ, что кому-нибудь надо было быть козломъ отпущенія, и добровольно принялъ на себя опасность, взявшись безсмѣнно защищать арьергардъ арміи“.

„Русскіе приближались,—разсказываетъ очевидецъ про эту битву:—прикрываясь лѣсомъ и нашими оставленными повозками, откуда разстрѣливали солдатъ Нея, обратившихся-было въ бѣгство — когда маршалъ, взявъ ружье, бросился къ нимъ и повелъ въ битву, завязалъ перестрѣлку, не щадя себя — точно онъ самъ не былъ отцомъ, мужемъ; точно онъ не былъ богатъ и знатенъ, не былъ уважаемъ... Оставаясь солдатомъ, онъ не переставалъ быть генераломъ. Отъ Вязьмы до Смоленска Ней дрался безъ перерыва пѣлыхъ десять дней“.

Иванъ Ивановичъ Дибичъ.

Военная исторія даетъ не много примѣровъ затруднительныхъ положеній, изъ которыхъ выходили бы съ большею честью, чѣмъ это сдѣлалъ Ней, идя отъ Смоленска въ Красный. Его арьергарду великой арміи устроена была настоящая западня: войска Милорадовича окружили его со всѣхъ сторонъ. Ней однако не помирился съ этимъ; онъ пробовалъ пробиться, нѣсколько разъ посылалъ своихъ обезсиленныхъ солдатъ въ штыки, но залпы ружей и пушекъ на разстояніи 500 шаговъ дѣлали свое дѣло... Тогда большая часть французскаго корпуса, состоявшаго изъ 12.000 чел., положила оружіе; 27 орудій и весь обозъ достались побѣдителямъ. Маршала Нея однако не оказалось между плѣнными,—пользуясь темнотой, онъ скрылся съ 3.000 чел., добровольно послѣдовавшихъ за нимъ.

Средство, употребленное для спасенія, было не совсѣмъ, правда, легально; маршалъ задержалъ офицера, посланнаго къ нему генераломъ Милорадовичемъ, съ предложеніемъ сдаться и, пока послѣдній ожидалъ отвѣта,—Ней ушелъ сначала по дорогѣ къ Смоленску, потомъ свернулъ въ сторону и окружнымъ путемъ достигъ г. Орши. Это отступленіе и спасеніе носятъ, прямо, леген-

Наполеонъ покидаетъ остатки своей арміи. Съ картины генерала І. Розена.

Лубочная картинка, изображающая Императора Александра I-го, по поводу изгнанія французовъ изъ предѣловъ Россіи.

Изъ музея кн. Тенишевой, въ г. Смоленскѣ.

дарный характеръ, поражаютъ своею смѣлостью. „Всѣ взоры небольшого, тихо уходящаго отъ русскихъ отряда, говоритъ Фезензакъ, обращены были на маршала Нея, не проявлявшаго ни безпокойства, ни нерѣшительности; но никто не смѣлъ разспрашивать его. Офицеру своего штаба Ней лишь сказалъ:—„Дѣло не ладно“.—„Что же вы предпримете?“ — спросилъ офицеръ. „Перейдемъ черезъ Днѣпръ“.—„Гдѣ дорога?“—„Найдемъ“,—отвѣтилъ Ней.—„А если рѣка еще не замерзла?“—„Замерзнетъ“,—увѣренно сказалъ Ней, и точно вышло такъ, какъ онъ говорилъ“. Отрядъ его нашелъ хромого мужика, который ихъ провелъ. Ледъ едва сдерживалъ людей, но большинство перебралось за Днѣпръ, побросавши рѣшительно все. Казаки, напавшіе на слѣдъ ушедшаго Нея, стали на другой день его преслѣдовать, но онъ, то берегомъ, то лѣсомъ, безпрерывно сражаясь, добрался наконецъ черезъ двое сутокъ до Орши.

Наполеонъ, узнавъ, что Ней явился, радостно, говорятъ, воскликнулъ:—„У меня 200 милліоновъ въ тюльерійскихъ погребахъ—я ихъ охотно отдалъ бы, чтобы спасти такого человѣка!“

Бѣгство Наполеона изъ Россіи. Съ картины Я. Хельминскаго.
Сани, въ которыхъ ѣхалъ Наполеонъ, хранятся въ музеѣ гор. Могилева.

Генералъ Дюма пишетъ, что, перейдя границу, въ Гумбинскѣ, когда онъ пилъ кофе въ трактирѣ, вошелъ въ комнату человѣкъ, одѣтый въ темное пальто: онъ былъ съ длинною бородой, лицо его было запачкано, казалось, обожжено, покраснѣвшіе глаза блестѣли. „Вотъ и я. Что же это, генералъ Дюма, вы меня не узнаете?“—„Нѣтъ, кто вы такой?“—„Я—арьергардъ великой арміи, маршалъ Ней“...

Въ бояхъ подъ Краснымъ, какъ говоритъ историкъ 1812 г., Богдановичъ, французы потеряли 6.000 плѣнными, 45 орудій, 2 знамени, маршальскій жезлъ Даву и часть канцеляріи Наполеона. Наши потери достигали всего 700 человѣкъ.

Каково было итти французской арміи, когда 6-го ноября погода совершенно измѣнилась, и голубизна неба безслѣдно пропала, какъ разсказываетъ Сегюръ: „Мокрое платье мерзнетъ, и эта ледяная оболочка охватываетъ тѣло, сковываетъ всѣ члены. Сильный рѣзкій вѣтеръ захватываетъ дыханіе, которое, выходя изо рта, превращается въ безобразныя сосульки на бородѣ и одеждѣ. Дрожа всѣми членами, люди двигаются еще до тѣхъ поръ, пока снѣгъ, набравшись подъ подошвами, не затруднитъ окончательно ходьбу; тогда, споткнувшись о кусокъ ли дерева, трупъ ли товарища, они падаютъ, стонутъ, пока снѣгъ не покроетъ ихъ, оставивъ на поверхности лишь маленькій, едва замѣтный глазу бугорокъ-могилу. Вся дорога усѣяна этими крошечными бугор-

ками, точно кладбище... Кругомъ одинъ снѣгъ; взглядъ теряется въ этомъ печальномъ однообразіи; воображеніе просто поражено: это какой-то саванъ, которымъ природа окружаетъ бѣдную французскую армію! Единственные предметы, рѣзко выдѣляющіеся — ели, съ ихъ похоронною зеленью, неподвижныя, гигантскія, съ черными вѣтвями, навѣвающія грусть и тоску... Въ общемъ, безотрадный видъ арміи, умирающей, коченѣющей, въ окоченѣлой, мертвой природѣ".

Наполеонъ ѣхалъ, какъ уже сказано, въ каретѣ, наполненной мѣхами, одѣтый въ соболью шубу, шапку и теплые сапоги, такъ что не чувствовалъ холода. Запершись съ Мюратомъ въ экипажѣ, онъ менѣе подвергался оскорбленіямъ со стороны озлобленныхъ солдатъ, да и самъ не видѣлъ передъ глазами сценъ отчаянія и голода. Послѣ Смоленска Наполеонъ шелъ пѣшкомъ и въ продолженіе пути могъ хорошо убѣдиться, въ какомъ ужасномъ положеніи была его великая

Отступленіе французской арміи черезъ Вильну въ 1812 г.

армія, испытывавшая въ это время неописуемыя бѣдствія. Разъ, идя по дорогѣ, Наполеонъ приказалъ срѣзать молодую березку и, опираясь на нее, шелъ впереди войска. „О Боже!—воскликнулъ одинъ изъ его адъютантовъ, который вспомнилъ поговорку о нищихъ: — король идетъ съ бѣлымъ посохомъ!" Наполеонъ повернулъ къ сказавшему свое разгнѣванное лицо и проговорилъ: „Да, господа, такъ проходитъ человѣческое величіе!" И цѣлыхъ три часа, не проронивъ болѣе ни слова, онъ шелъ по дорогѣ... Онъ упалъ духомъ, о чемъ говорятъ многія свидѣтельства. Такъ, напримѣръ, подписывался на бумагахъ вмѣсто Наполеонъ, Помпонъ; вмѣсто Калуга, диктовалъ „Калигула". Онъ возвращался по опустошенной Смоленской дорогѣ. Рядомъ съ нимъ шла русская армія, и Кутузовъ говорилъ:—„Потушимъ кровію непріятельскою пожаръ Москвы!"

Извѣстно, что, когда узнали о переправѣ Наполеона и его арміи черезъ Березину, всѣ осуждали адмирала Чичагова, но Кутузовъ говорилъ, что „моряку нельзя умѣть ходить на сушѣ", а Чаплица называлъ „коровою и дуракомъ" и обвинялъ во всемъ гр. Витгенштейна, который не исполнилъ приказа Государя перейти за Березину. „Если бы всѣ лица,—говоритъ графъ Беннигсенъ:— руководившія военными дѣйствіями, были преданы военному суду, то я желалъ бы знать, сказали ли бы они, какъ самые безпристрастные судьи, что адмиралъ Чичаговъ болѣе виновенъ, нежели

всѣ начальствующія лица арміи, такъ какъ онъ одинъ въ точности исполнилъ всѣ данные ему предписанія и приказы, что онъ одинъ былъ на своемъ мѣстѣ, т.-е. на р. Березинѣ, преграждая путь французской арміи, готовый принять ее и препятствовать ея переправѣ черезъ эту рѣку".

22-го сентября Чичаговъ, принявъ командованіе надъ обѣими арміями, пошелъ въ Брестъ, гдѣ увидалъ всю союзную австро-саксонскую армію. Давъ войскамъ нѣсколько дней отдыха, Чичаговъ оставилъ корпусъ въ 17.000 подъ командою Сакена, а на дорогѣ въ Пружаны оставилъ корпусъ въ 10.000, предоставленный въ распоряженіе того же Сакена. Наконецъ, 15-го октября, Чичаговъ выступилъ на Пружаны, Слонимъ и Минскъ. Придя въ Слонимъ, онъ узналъ, что за нимъ слѣдуетъ князь Шварценбергъ, и что его авангардъ былъ уже въ Волковискахъ; но такъ какъ Сакенъ успѣшно атаковалъ саксонцевъ, то они просили Шварценберга оказать имъ помощь, и онъ вернулся обратно. Затѣмъ Чичаговъ двинулся форсированными переходами къ Минску, который былъ имъ занятъ 4-го ноября. Спустя три дня, 7-го числа, армія Чичагова выступила тремя колоннами; одна изъ нихъ шла, за авангардомъ, на Борисовъ; другая на Зембинъ, съ приказаніемъ разрушить тамъ мосты и плоты, если бы таковые оказались на Березинѣ, а третья колонна шла на Игуменъ и оттуда кратчайшимъ путемъ къ Березинѣ; 11, 12 и 13-го ноября не произошло ничего особеннаго. 14-го числа французы намѣревались навести мостъ близъ Ухалодъ и серьезно приготовлялись къ переправѣ у Зембина.

Армія Наполеона, соединившись съ корпусами Виктора и Удино, усилилась на 30.000 человѣкъ; въ ней было тогда болѣе 100.000 человѣкъ и довольно значительная артиллерія; съ этими соединенными силами Наполеонъ подошелъ къ Березинѣ.

„Изъ бывшихъ въ моемъ распоряженіи 25.000 чел., говоритъ Чичаговъ, я могъ разставить вдоль по берегу рѣки, густо поросшему лѣсомъ, не болѣе 16.000 пѣхоты. Вслѣдствіе сильныхъ морозовъ болотистые берега рѣки сдѣлались доступны, что облегчило Бонапарту переправу. Благодаря этому, французскій пѣхотный корпусъ имѣлъ возможность занять лѣсъ, который тянется по лѣвому берегу Березины, и намъ не удалось воспрепятствовать переправѣ французской арміи, которая значительно превосходила насъ численностью и была защищена высотами, на которыхъ французы соорудили сильныя батареи; это вынудило дивизію Чаплица оставить лѣсъ, послѣ жаркой перестрѣлки, продолжавшейся до 10 час. вечера. 15-го ноября мы были заняты сосредоточеніемъ корпусовъ и отрядовъ, расположенныхъ по берегу р. Березины; къ вечеру 15-го числа, когда въ тылу непріятеля раздались орудійные выстрѣлы, произведенные корпусомъ Витгенштейна, намъ удалось войти съ нимъ въ сношеніе и подготовить атаку на слѣдующій день. Выдержавъ 16-го ноября ожесточенный бой противъ многочисленныхъ корпусовъ, занимавшихъ лѣсъ, непріятель былъ вынужденъ отступить, потерявъ при этомъ одно орудіе; тогда мы нагнали французскую армію у того пункта, гдѣ она совершала переправу. Въ то же время графъ Витгенштейнъ атаковалъ позицію, взятую непріятельскимъ арьергардомъ по ту сторону р. Березины. Мостъ былъ разрушенъ по приказанію Наполеона и 7.000 взято въ плѣнъ; часть артиллеріи и огромное количество обоза и упряжныхъ лошадей остались на лѣвомъ берегу, не считая 9.000 убитыхъ и неизвѣстнаго числа утонувшихъ, которые пытались переправиться послѣ того, какъ мосты были сломаны; они исчезли подо льдомъ. Непріятель бросилъ на правомъ берегу 6 орудій. Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ отъ 4 до 5.000 человѣкъ. 17-го ноября утромъ непріятеля не было уже видно; онъ ушелъ на Зембинъ. Болота замерзли, дефиле и рѣки не служили ему болѣе препятствіемъ. Если бы французы пошли по Минской дорогѣ, то Наполеонъ могъ бы причинить намъ не мало бѣды; будучи совершенно одинъ, какъ я уже сказалъ, я не могъ бы оказать, замѣчаетъ Чичаговъ, сопротивленія. Къ счастью, это не пришло ему въ голову, онъ слишкомъ спѣшилъ и, главное, ему не были извѣстны мои силы. Тогда я сталъ преслѣдовать французскую армію, дѣлая усиленные переходы, во время которыхъ я взялъ много плѣнныхъ и орудій и успѣлъ уничтожить арьергардъ непріятеля близъ Ошмянъ. Съ этого момента дальнѣйшее движеніе непріятеля походило болѣе на безпорядочное бѣгство".

Переправившись черезъ рѣку у Сморгони, Наполеонъ поѣхалъ впередъ. Прибывъ въ Вильну 24-го ноября, онъ не поѣхалъ черезъ городъ, а остановился на минутку въ предмѣстьѣ, куда онъ вызвалъ герцога Бассано, чтобы переговорить съ нимъ. Отсюда онъ продолжалъ путь на Ковно.

28-го ноября изъ Вильны выступили послѣднія непріятельскія войска, за которыми слѣдовали казаки, и туда вступили войска адмирала Чичагова. Нѣсколько дней спустя прибылъ и князь Кутузовъ. „Съ этого момента, говоритъ Беннигсенъ, мы болѣе не думали о преслѣдованіи непріятеля и поселились въ Вильнѣ, какъ будто война была окончена. Къ счастью, 10-го декабря прибылъ въ Вильну Императоръ Александръ, и все скоро пришло снова въ движеніе".

При отступленіи Наполеона по Виленской дорогѣ, русскіе забыли сломать мостъ на рѣчкѣ (впадающей въ Березину), иначе ему пришлось бы сдѣлать большой обходъ, чтобы выйти на Виленскую дорогу. Очутившись на другомъ берегу Березины, Наполеонъ, какъ говорятъ, сказалъ: „Теперь мы увидимъ Парижъ". Въ Ошмянахъ, въ 7 миляхъ отъ Вильны, былъ разсѣянъ арьергардъ корпуса Виктора до послѣдняго человѣка. Одинъ только Виленскій губернаторъ предалъ землѣ 25.000 труповъ солдатъ, умершихъ на улицахъ этого города и въ его окрестностяхъ.

Русскія войска заняли Вильну, захвативъ здѣсь 140 орудій, 1.400 человѣкъ и обширные склады. Пріѣхавшій 30-го ноября князь Кутузовъ прибылъ въ край знакомый ему, такъ какъ онъ занималъ нѣкогда мѣсто литовскаго военнаго губернатора. Оставя Вильну, непріятель бѣжалъ въ Ковну, которую, 2-го декабря, заняли казаки Платова. Но успѣхи Кутузова стоили большихъ потерь: его армія выступила изъ Тарутина въ составѣ 97.112 чел., а прибывъ въ Вильну, имѣла въ своихъ рядахъ 17.464 чел., а изъ 662 орудій, находившихся при арміи, налицо было только 200 орудій.

Бокалъ въ память событій 1812 и 1813 гг.
Изъ музея П. И. Щукина.

Имѣя все это въ виду, Кутузовъ просилъ Государя пріостановить на время наступательное движеніе арміи, давъ ей отдыхъ. Государь съ такимъ представленіемъ не согласился и, не разсчитывая на исполнительность Кутузова, рѣшилъ лично отправиться къ арміи.

11-го декабря Кутузовъ, съ строевымъ рапортомъ въ рукѣ, встрѣтилъ въ Вильнѣ, на крыльцѣ дворца, Государя, прибывшаго сюда въ 5 часовъ пополудни. Александръ обнялъ фельдмаршала и, поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ отъ л.-гв. Семеновскаго полка, вошелъ съ Кутузовымъ во дворецъ. Онъ повелъ его въ свой кабинетъ, гдѣ бесѣдовалъ съ нимъ глазъ-на-глазъ, а по выходѣ Кутузова изъ кабинета, гр. Толстой поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ орденъ св. Георгія первой степени. Но это не мѣшало Александру въ одномъ изъ писемъ къ генералу Вильсону писать, какъ говоритъ историкъ его царствованія, Н. К. Шильдеръ, слѣдующія строки:

„Онъ побѣждалъ всегда только противъ воли, онъ сыгралъ съ нами тысячу и тысячу штукъ въ турецкомъ вкусѣ. Однако дворянство поддерживаетъ его и вообще настаиваетъ на томъ, чтобы олицетворить въ немъ народную славу этой кампаніи... Мнѣ предстоитъ украсить этого человѣка орденомъ св. Георгія первой степени, но, признаюсь вамъ, я нарушаю этимъ статутъ этого славнаго учрежденія... Я только уступаю самой крайней необходимости. Отнынѣ я не разстанусь съ моей арміею и не подвергну ее болѣе опасностямъ подобнаго предводительства. За всѣмъ тѣмъ, это— старецъ. Я прошу васъ не отказывать ему въ подобающемъ вниманіи и не отталкивать открыто ока-

занную съ его стороны предупредительность. Я желаю, чтобы съ этого дня прекратилось всякое между вами неудовольствіе. Мы начинаемъ новую эру; надо освятить ее живою благодарностью къ Провидѣнію и чувствомъ великодушнаго прощенія въ отношеніи всѣхъ".

12-го декабря, Государь, въ день своего рожденія, сказалъ собравшимся во дворецъ генераламъ: *„Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу"*. Во время обѣда у Кутузова, когда пили здоровье Государя при громѣ пушекъ, Кутузовъ сказалъ Императору, что артиллеристы палятъ изъ отбитыхъ у непріятеля пушекъ французскимъ порохомъ. Вечеромъ Александръ Павловичъ посѣтилъ балъ у главнокомандующаго, который только-что передъ тѣмъ получилъ отъ Платова отбитыя донцами знамена и повергъ ихъ къ стопамъ Монарха при входѣ его въ бальную залу.

Затѣмъ въ Вильнѣ вскорѣ было получено большой важности донесеніе, что прусскій генералъ Іоркъ, подчиненный маршалу Макдональду, заключилъ съ генераломъ Дибичемъ, на Пошерунской мельницѣ, недалеко отъ Таурогена, конвенцію, по условіямъ которой было положено, чтобы ввѣренныя ему войска расположились между Мемелемъ и Тильзитомъ, на пространствѣ, признанномъ нейтральнымъ на все время стоянки прусскихъ войскъ. Отложеніе Іорка лишило корпусъ Макдональда 16.000 челов. съ 48 орудіями. Въ то же время гр. Витгенштейнъ перешелъ Нѣманъ у Юрбурга, 16-го декабря, направился къ Кенигсбергу, который и занялъ безпрепятственно своимъ авангардомъ 24-го декабря.

Невзирая на успѣшное окончаніе похода и изгнаніе наполеоновскихъ полчищъ изъ предѣловъ Россіи, Кутузовъ не сразу согласился съ мнѣніемъ Государя о необходимости продолжать войну. Адмиралъ Шишковъ, раздѣлявшій мнѣніе Кутузова, какъ соотвѣтствующее выгодамъ Россіи, спросилъ фельдмаршала, отчего онъ не настаиваетъ на томъ передъ Государемъ? „Онъ,—прибавилъ Шишковъ:—по вашему сану и знаменитымъ подвигамъ, конечно, уважилъ бы ваши совѣты". Кутузовъ на это отвѣтилъ: „Я представлялъ ему объ этомъ; но, первое, онъ смотритъ на это съ другой стороны, которую также опровергнуть не можно; и, другое, скажу тебѣ про себя откровенно и чистосердечно: когда онъ доказательствъ моихъ оспорить не можетъ, то обниметъ меня и поцѣлуетъ, тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ".

Въ самый день Рождества Христова, 25-го декабря 1812 г., было возвѣщено Россіи манифестомъ о благополучномъ окончаніи Отечественной войны; вмѣстѣ съ тѣмъ въ особомъ манифестѣ Императоръ Александръ I высказалъ намѣреніе соорудить въ Москвѣ храмъ во имя Спасителя Христа, въ ознаменованіе благодарности къ промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели.

Грандіозный проектъ этого храма, составленный академикомъ Витбергомъ, былъ начатъ сооруженіемъ на Воробьевыхъ горахъ. Художникъ-мистикъ сумѣлъ угодить своей идеей Александру, но постройка этого монументальнаго храма впослѣдствіи была признана неосуществимою, и въ царствованіе Императора Николая I былъ заложенъ въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя, по проекту архитектора К. Тона, который и служитъ памятникомъ 1812 года.

Замѣчательно, что Наполеонъ въ концѣ жизни былъ также истиннымъ христіаниномъ и говорилъ: „Святой огонь, возженный на землѣ Іисусомъ Христомъ, продолжаетъ существовать и сохраняетъ силу, которую не можетъ угасить время — этотъ великій гаситель. Это мнѣ доказываетъ вполнѣ Божество Іисуса. И я, Наполеонъ, преклоняюсь съ удивленіемъ предъ этимъ, тѣмъ болѣе, что я самъ стремился пріобрѣсть себѣ подобныхъ послѣдователей. Я воодушевлялъ многія тысячи людей, которые за меня шли на смерть. Но да предохранитъ меня Господь—допустить возможность сравненія этого энтузіазма солдатъ съ христіанскою любовью. Они настолько различны, какъ и ихъ побужденія. Слова, взгляды мои воодушевляли всѣхъ. Я обладалъ тайною той чарующей силы, которая возбуждаетъ духъ, но эту силу я никому не могъ передать. Я также не обладалъ тайной увѣковѣчить въ сердцахъ людей мое имя и любовь ко мнѣ. Теперь, когда я заключенъ на скалѣ св. Елены, кто еще будетъ за меня сражаться, куда дѣлись въ моемъ несчастіи мои придворные, кто обо мнѣ еще безпокоится въ Европѣ? Что теперь осталось отъ озарявшаго меня блеска,—скоро меня и на землѣ уже не будетъ. Такова судьба великихъ людей, такова же была судьба Александра, Цезаря. Насъ забудутъ, имена завоевателей останутся только въ школьныхъ учебникахъ. Только-что Людовикъ XIV скончался, какъ всѣ покинули его спальню, никто изъ его придворныхъ уже болѣе о немъ не заботился. Онъ уже пересталъ быть господиномъ, онъ сталъ трупомъ,

и его ожидали уже гробъ, могила, и начиналось разложеніе... Еще немного, и та же участь постигнетъ и меня; умерщвленный Англіей, я умираю прежде времени, и мои останки будутъ преданы землѣ. Вотъ участь, ожидающая великаго Наполеона. Какая пропасть отдѣляетъ мое бѣдственное положеніе отъ вѣчнаго господства Христа, котораго повсюду въ мірѣ проповѣдуютъ, любятъ, на котораго молятся, и который живетъ до сихъ поръ. Его смерть—развѣ это значитъ умереть?! Не значитъ ли это, напротивъ,—жить вѣчно?“

Какъ оригинальны и глубоки эти слова.

Наполеону не пришлось увѣковѣчить память своихъ сподвижниковъ, а Императоръ Александръ приказалъ похоронить кн. Кутузова въ Казанскомъ соборѣ и заказалъ, какъ сказано въ журналѣ „Славянинъ“, скульптору Деннекеру статуи для памятниковъ Барклая и Кутузова; былъ также проектъ поставить памятникъ гр. Беннигсену близъ того же Казанскаго собора, въ садикѣ, гдѣ помѣщается павильонъ фотографа Левицкаго. Рисунокъ этого памятника помѣщенъ во II-мъ томѣ нашего описанія 200-лѣтія С.-Петербурга, подъ названіемъ: „Невскій проспектъ“.

Александръ еще при своей жизни, рескриптомъ, найденнымъ однимъ гласнымъ Московской думы, повелѣлъ поставить князю Кутузову памятникъ въ Москвѣ, чего не сдѣлано до сихъ поръ, хотя гор. Юрьевъ (Дерптъ) давнымъ-давно увѣковѣчилъ Барклая огромнымъ бюстомъ. По возвращеніи Императора Александра послѣ взятія Парижа, въ Россію, Синодъ, Госуд. Совѣтъ и Сенатъ просили Государя принять имя *Благословеннаго* и разрѣшить поставить ему монументъ. Александръ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Проектъ монумента, въ видѣ колонны, составленный московскимъ архитекторомъ Казаковымъ, приложенъ къ первой книгѣ „Архива юридическихъ наукъ“, издававшагося Н. В. Калачевымъ.

Поэтъ Жуковскій, бывшій на открытіи памятника Императору Александру I—Александровской колонны въ Петербургѣ, писалъ: „Возобновились времена минувшія: Бородино, роковая слава Москвы, всенародный Лейпцигскій бой, Парижъ, Наполеоновъ гробъ, охваченный океаномъ... все, все говорило объ немъ, а его самого тутъ не было, и сіе отсутствіе погружало душу въ какую-то невыразимую задумчивость; она какъ будто чувствовала, что близко то мѣсто, мѣсто уединенное, мѣсто покоя, безмолвія и мрака, гдѣ царь великій спитъ во гробѣ, и невольно перелетала она въ тотъ далекій, столь прежде незнаменитый уголокъ Россіи (Таганрогъ), гдѣ такъ смиренно, такъ въ сторонѣ отъ всякаго блеска царской славы, на рукахъ одной сокрушенной супруги, закрылъ онъ глаза и откуда совершилъ послѣдній свой путь чрезъ Россію, затворенный въ гробѣ и бозотвѣтный на призывающій его голосъ народа. Какъ поразительна была въ эту минуту сія противоположность житейскаго величія, пышнаго, но скоропроходящаго, съ величіемъ смерти, мрачнымъ, но неизмѣннымъ; и сколь краснорѣчивъ былъ въ виду того и другого сей ангелъ, который, непричастно всему, что окружало его, стоялъ между землею и небомъ, принадлежа одной своимъ монументальнымъ гранитомъ, изображающимъ то, чего уже нѣтъ, а другому лучезарнымъ своимъ крестомъ, символомъ того, что всегда и навѣки“.

